

А. А. Нессен

ПРИКУБАНСКИЙ ОЧАГ МЕТАЛЛУРГИИ И МЕТАЛЛООБРАБОТКИ
В КОНЦЕ МЕДНО-БРОНЗОВОГО ВЕКА¹

I

Период позднего медно-бронзового века в пределах северо-западной части Кавказа до настоящего времени является одним из наименее изученных не только в узко локальном масштабе, но и в отношении его связей с соседними кавказскими и внекавказскими территориями. Это обстоятельство приобретает особое значение, если мы вспомним, как богато представлены в памятниках Прикубанья более ранние и последующие этапы исторического развития. Эти памятники, с одной стороны, относятся к яркой и все более отчетливо выявляемой культуре раннего и среднего периодов медно-бронзового века, а с другой — принадлежат к не менее яркой и богатой кубанской группе раннескифской культуры. Таким образом, период от конца III и до последних веков II тысячелетия, а также начинающийся в VII веке «скифский» период обильно и разнообразно представлены в известных нам памятниках, тогда как отрезок времени, примерно в четыре — пять столетий, от конца II тысячелетия и до VII в. до н. э., остается почти неосвещенным. Вместе с тем как раз этот период в прилегающих к Прикубанью с юга и юго-востока областях Кавказа характеризуется расцветом исключительно богатой культуры позднего бронзового века — так называемой кобанской или колхидско-кобанской культуры. Попытки осмыслить такое состояние наших источников до сих пор предпринимались в двух различных направлениях. Еще в 1929 г.

А. В. Шмидт предложил периодизацию всего известного ему материала по медно-бронзовому веку Прикубанья и прилегающих районов Северного Кавказа и впервые выделил в составе его три хронологические группы, последняя из которых, названная им «позднекубанской», соответствует интересующему нас историческому периоду, доходящему до освоения железа. Однако недостаток фактического материала, бывшего в распоряжении автора, позволил ему отнести к этому периоду лишь несколько единичных предметов, а именно три втульчатых наконечника копий и один кинжал характерной для срубной культуры формы, найденные в 1895 г. Н. И. Веселовским при раскопке курганов в ст. Крымской, а также два сходных с упомянутыми наконечника копий с р. Адерби, хранившихся в Геленджикском музее¹. В последующих работах относящийся к этому периоду материал с территории Прикубанья специально не рассматривался, и, таким образом, создавалось впечатление зияющей пустоты, вызванной отсутствием источников.

Такое положение, несомненно, стало одним из поводов для попытки разрешить вопрос в другом направлении, предпринятой Б. Е. Деген-Ковалевским. Он считал возможным датировать рассматриваемым нами временем всю группу так называемых «больших кубанских курганов», включающую известные курганы, исследованные Н. И. Веселовским в 1897 г. в Майкопе и в 1898 г. близ ст. Новосвободной (б. Царской), и совершенно правильно отнесенную А. В. Шмидтом к наиболее ранней («раннекубанской») группе².

Как я недавно пытался показать, такое перемещение приводит к неразрешимым про-

¹ Предварительное сообщение по настоящей работе опубликовано в статье: А. А. Нессен. «Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетий до н. э.». КСИМК, XVIII, 1947, стр. 18—21. Упомянутая в моей книге «Греческая колонизация Северного Причерноморья», Л., 1947, стр. 23, прим. 1, статья на близкую тему осталась не напечатанной, сейчас значительно устарела и заменяется предлагаемой работой.

² А. В. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV, 1929, стр. 20—21.

³ Б. Е. Деген-Ковалевский. Проблема датировки «больших кубанских курганов». КСИМК, II, 1939, стр. 14—17.

тиворечиям и не выдерживает критики¹. Однако для того чтобы это положение могло считаться окончательно подтвержденным, необходимо еще привести достаточно убедительные доказательства тому, что период позднего медно-бронзового века Прикубанья может быть освещен другими памятниками, образующими переход от памятников II тысячелетия до н. э. («среднекубанской» группы А. В. Шмидта) к памятникам раннескифским и, вместе с тем, синхронными с развитым бронзовым веком более южных областей Кавказа.

Сейчас можно уверенно говорить о том, что такие памятники нам уже известны в достаточном количестве и что «пустота», о которой говорилось выше, является только кажущейся. Можно также и объяснить, почему сложилось такое впечатление якобы полного отсутствия соответствующих памятников. До сих пор в Прикубанье совершенно не изучались остатки древних поселений эпохи меди и бронзы, и все наши сведения о ней основаны, с одной стороны, на материалах, добытых в процессе раскопок курганов, а с другой — на случайных находках отдельных предметов или их комплексов. Между тем анализ курганных погребений показывает, что с течением времени в Прикубанье происходят значительные изменения в обряде погребения и в составе могильного инвентаря. В частности, для раннекубанской и среднекубанской групп характерен относительно богатый и разнообразный состав этого инвентаря; здесь обычно представлены и глиняная посуда, и предметы украшения, и оружие, и орудия труда. При этом орудия труда чаще представлены в ранних погребениях, тогда как в более поздней части среднекубанских погребений мы их уже почти не знаем.

В противоположность такому положению группа погребений, которую следует относить к завершающему этапу медно-бронзового века Прикубанья, поражает бедностью сопровождающего инвентаря, обычно представленного только одним-двумя глиняными сосудами, иногда черепком сосуда с углем. С другой стороны, характер могильного сооружения в виде ямы — колодца с подбоем («катакомбой») — чрезвычайно близок к позднейшим погребениям этого же района сарматского времени. Все это затрудняло выделение указанных погребений в особую хронологическую группу и их датировку. Вместе с тем это же обстоятельство не позволяло связать указанные погребения с отдельными находками орудий труда, предметов вооружения и украшения, относящихся к позднему медно-бронзовому веку и также известных теперь в Прикубанье в значительно большем количестве, чем

это мог указать А. В. Шмидт 20 лет тому назад.

Ввиду сказанного, сейчас представляется вполне своевременным собрать и опубликовать упомянутый выше материал, так как он и без новых полевых исследований уже достаточно для того, чтобы наполнить реальным содержанием наше представление о позднем периоде медно-бронзового века в Прикубанье.

Упомянутые выше погребения, учтенные в количестве около 20, в настоящей статье не рассматриваются; здесь делается попытка подытожить известный нам материал по металлическим изделиям интересующего нас времени, показав наличие совершенно определенного комплекса предметов, характерного только для данной территории и для рассматриваемого периода.

В моей сводке по истории древней металлургии меди на Кавказе для последнего этапа медно-бронзового века была сделана попытка выделить отдельные очаги или районы металлургии и металлообработки на всей территории Кавказа. При этом, однако, район Прикубанья не был отделен от области кобанской металлургии в Центральном Кавказе и ближайшим образом с ней связанной западно-закавказской или колхидской металлургии в Грузии¹.

Несмотря на довольно большое число отдельных предметов, учтенных мною в особенности в собраниях Краснодарского музея, случайный и единичный характер этих находок во многих случаях не позволял определить их время, а ряд датированных находок казался настолько тесно связанным с кобанской группой изделий, что не давал основания для выделения какой-то особой группы в качестве местной прикубанской.

Дальнейшее изучение старых собраний и ряд новых находок, сделанных за последние предвоенные годы, позволяют теперь такую группу наметить. Из этих новых предметов следует прежде всего упомянуть серию бронзовых и медных орудий, найденных в районе Сочи, изученных мною в 1938 г. в Сочинском музее. Эти новые находки дают возможность поставить на очередь вопрос о пересмотре проблемы позднего медно-бронзового века в северо-западной части Кавказа. Далее важно отметить клад, обнаруженный в Пицунде в 1935 г. и поступивший в 1940 г. в Сухумский музей, и ряд находок, сделанных в 1938—1941 гг. в бассейне верхней Кубани и Теберды. Наконец, очень важен публикуемый Н. М. Егоровым клад 1941 г. из Боргустанской станицы, частично поступивший в Пятигорский музей².

¹ А. А. Иессен. К вопросу о датировке «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 157—200.

² А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 131—139 и карта IV на стр. 120—121.

³ Н. М. Егоров. Боргустанский клад. СА, XV.

Все эти находки вместе с ранее известными материалами уже позволяют по-новому оценить роль древнего населения бассейна Кубани и прилегающих районов Черноморского побережья в развитии кавказской металлургии позднего медно-бронзового века. Вместе с тем этим путем можно получить некоторые новые наблюдения для характеристики общего состояния культуры на рассматриваемой территории в этот пока не изученный период, освещение которого представляется крайне важным для понимания сложного процесса исторического развития населения всего Кавказа и Северного Причерноморья в эпоху формирования предпосылок последующего развития раннескифской культуры.

II

Эпоха позднего бронзового века в настоящее время может считаться наилучше изученным периодом в истории общества первобытно-общинного строя на Кавказе. В частности, громадный вещественный материал по металлообработке и металлургии позволил установить расположение в этот период основных металлургических районов страны и наметить пределы распространения их продукции¹.

Однако северо-запад Кавказа, включающий весь бассейн Кубани с прилегающими степными и причерноморскими районами, до сих пор в этом отношении оставался почти вне нашего внимания. Включение части бассейна Кубани в границы кобанского металлургического района, предложенное в моей работе 1935 г., оказалось, как будет показано ниже, недостаточно точным, поскольку здесь, в бассейне Верхней Кубани, теперь уже можно вполне четко выделить особый местный район металлургии и металлообработки, тесно связанный с кобанским, но в значительной мере своеобразный. В отношении же остальной территории северо-западной части Кавказа в литературе пока не опубликовано никаких данных, которые характеризовали бы производство или потребление металла в позднем бронзовом веке.

Не касаясь в данной статье вопроса о распространении в интересующем нас районе необходимого древним металлургам рудного сырья, т. е. прежде всего медных руд, отметим только, что выходы этих руд известны здесь во многих местах вдоль северного склона Кавказского хребта, примерно в полосе от верховья р. Белой на западе до меридиана Эльбруса на востоке, а в нескольких пунктах и по южную сторону хребта (верховья рек

Шахе и Мзымты). Не исключено, что отдельные незначительные выходы медных руд имеются и в более западных районах. Во всяком случае, в указанных выше географических пределах местные ресурсы были вполне достаточны для обеспечения потребностей древней металлургии меди. Следует при оценке этих ресурсов только помнить, что в медно-бронзовую эпоху к ним подходили иначе, чем в наши дни, и что совершенно ничтожные, но залегающие на поверхности запасы руд могли относительно длительно питать производство металла в древности, количественно весьма незначительное и, к тому же, рассредоточенное во множестве пунктов соответственно потребностям натурального хозяйства отдельных родовых групп.

Далее, обратимся к немногочисленным данным о местной добыче и плавке руд, а затем перейдем к рассмотрению более обильного материала по изделиям из меди и бронзы, позволяющим говорить о наличии особого очага металлургии в этом районе.

На северном склоне Кавказского хребта, в пределах бассейна Кубани, имеется ряд указаний на добычу медной руды или ее выплавку.

1. На р. Афипс, левом притоке Кубани, впадающем в нее несколько ниже Краснодара, были обнаружены «литейные мастерские меди»¹. Указание это нужно проверить, чтобы выяснить, находились ли здесь древние металлургические или лишь литейные мастерские.

2. В верховьях р. Цице, правого притока Пшехи, в 18—21 км выше ст. Самурской, близ речки Серебрянки, имеются остатки плавильных печей, в которых, повидимому, еще в XIX в. черкесами выплавлялся свинец². Однако взятые отсюда Н. Динником для исследования шлаки показали содержание меди и цинка, что позволило ему предположить, что здесь выплавлялась медь³. В этой же местности была найдена железная крица. Сведения эти требуют обследования на месте.

3. Река Белая выше Майкопа. В Кубанском музее в Краснодаре (ныне Краевом музее) мною в 1928 г. осмотрен большой камень с двумя соединяющимися отверстиями (одним сквозным каналом и вторым, направленным с поверхности перпендикулярно к первому), числящийся в музее как молот для размельчения медной руды с верховьев р. Белой. Позже, в 1933 и 1935 гг., мне было сообщено о наличии древней медеплавильни и шлаковых отвалов около нее на р. Белой выше ст. Тульской. Медные шлаки обнаружены по склону

¹ «Кубанские областные ведомости», № 216, 1 октября 1904 г., цит. по Прибавлению к ИАК, вып. 14, стр. 32—33.

² В. Меллер и Я. Денисов. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края, т. 1, Тифлис, 1917, стр. 1, № 1.

³ Н. Динник. Оштен и окружающие его части Кубанской области. ЗКО РГО, XVI, 1894, стр. 376.

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 111—183. Б. Б. Piotrovskiy. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 54—55.

левого берега Белой на протяжении около 0,5 км между устьем речки Шентук и хут. Поповским¹. Возможно, что оба указания относятся к одному пункту. Во всяком случае и эти сведения требуют проверки.

4. Река Малая Лаба. На северо-западном склоне горы Псеашха-Южная, в верховьях левого притока Малой Лабы, вытекающего из ледника, на левом его берегу геологом В. Н. Робинсоном осмотрена искусственная пещера, высотой около 3 м, образовавшаяся вследствие выемки медной руды вдоль жилы (халькопирит, следы окисленных руд)².

5. Урочище Котел, в верховьях р. Андрюк, правого притока Малой Лабы. При горных работах здесь, повидимому, в 1937 г., были обнаружены остатки печей, якобы медеплавильных³. Сведения нуждаются в проверке.

6. Река Марух, образующая вместе с рекой Аксаут реку Малый Зеленчук. По левую сторону Маруха, около 30 км выше с. Марухского, на восточном склоне горы Кара-Бек, имеются две пещеры, образованные в результате искусственной выемки породы. Здесь встречаются медные руды и магнетит⁴. В одной пещере сохранились выработки «наподобие штолен». Площадь пещеры — несколько десятков квадратных метров. По сведениям В. Н. Робинсона, здесь же около 1910 г. Н. И. Безбородько находил каменные молоты⁵. Впредь до дальнейшего обследования нельзя точно установить, какая руда здесь добывалась — медная или железная. В пользу последнего предположения говорило бы то обстоятельство, что переданные В. Н. Робинсоном шлаки, найденные им в 1919 г. в двух скоплениях на левом берегу Маруха в ур. Нарат-Эшик⁶ и у дороги в ур. Ажу-мга (Ужум), в нескольких километрах ниже по течению реки, не дали следов меди, но показали большое содержание железа и марганца⁷. Повидимому, об этой же выработке упоминается и в отчете экспедиции научно-исследовательского института за 1940 г.: «Уже в Нижнем Архызе нам рассказывали и в Верхнем Архызе тоже подтверждали, что в районе пересечения горной тропой Марухи —

есть древняя глубокая рудная пещера — место древней добычи медной руды»¹.

7. Несомненно, что в древности выплавка меди производилась и в бассейне р. Теберды. Так, в начале 1900-х годов при ремонте Военно-Сухумской дороги в начале 74-й версты (между с. Сенты и р. Амчата) был найден на 4 сажени (8,5 м) выше уровня реки «корявый кусок металлической красной меди весом около 2 пудов»², повидимому, происходящий из древней плавки, возможно, производившейся в этих же местах, так как здесь, «в урочище Амчата», имеются и другие признаки «древней кузницы»³.

8. На р. Муху, левом притоке Теберды, впадающем в нее сразу ниже Тебердинского курорта, научному сотруднику Кавказского государственного заповедника т. Степанову «пару раз пришлось находить свалки шлаков древних медеплавильных»⁴.

9. Верхнее течение Кубани. В районе Кубано-Худесской группы серебро-свинцовых месторождений было встречено много остатков древних разработок, отвалов пустой породы, каменных молотов и обломков глиняной посуды, связанных с добычей серебро-свинцовых руд⁵. Наряду с ними, однако, в балке Багыркулак (Медная балка), расположенной на правом берегу Кубани, южнее старого рудничного поселка и балки Тахтаул-Чалган, инженером А. Д. Кондратьевым были найдены также и выработки для добычи медной руды и остатки медной плавки. По его описанию⁶, первая медная жила (нижняя, № 46) разрабатывалась сверху разрезом, а снизу — штольной, имевшей около 6 м длины и в начале 1,3 м ширины и 1,6 м вышины с постепенным сужением (до 1 м) и понижением. Жила содержала медь в кремнистых водных соединениях. Вторая медная жила (средняя, № 47) имела узкую щель в 2 аршина длиной по простиранию, принимаемую А. Д. Кондратьевым также за старую выработку. В штольне добыча, по мнению Кондратьева, производилась посредством огненной работы, следы которой он наблюдал в свинцовых выработках того же района.

Следы плавки медной руды были найдены тем же исследователем в нескольких километ-

¹ Сообщение бывш. заведующего Майкопским музеем Ф. К. Перепелицына.

² Устное сообщение В. Н. Робинсона.

³ Письмо Н. В. Дьяченко в Краснодарский музей от 30 января 1938 г.

⁴ А. Корвацкий. Краткие сведения о работе Архызской геол.-развед. партии. «Геология на фронте индустриализации», Новочеркасск, 1933, № 1, стр. 36.

⁵ Устное сообщение В. Н. Робинсона.

⁶ По одним картам ур. Нарат-Эшик расположено выше поворота р. Марух (Маруха) к западу, и ниже поворота — ур. Нахар-Эшик; по карте издания ОПТЭ, 1933 г., расположение этих урочищ обратное; повидимому, карта ОПТЭ дает более верные сведения.

⁷ Анализ лаборатории ГАИМК. См. В. В. Данилевский. Историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала. ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 222.

¹ Архив ИИМК, Отчеты 1940 г., д. 7, л. 15.

² М. Кох. Горные месторождения Баталпашинского отдела Кубанской области. СПб., 1911, стр. 23—24.

³ Устное сообщение проф. В. В. Бобина.

⁴ Архив ИИМК. Отчеты 1940, д. 7, л. 16.

⁵ А. Д. Кондратьев. Месторождения серебро-свинцовых и медных руд на Кавказе. «Горный журнал», 1892, т. III, стр. 281—330; А. Kondratieff. Das Ergebiet von Karatschai im nördlichen Kaukasus. «Zeitschrift f. prakt. Geologie», Berlin, 1894, стр. 369—380. Барбот де Марни. Серебро-свинцовые месторождения в Кубанской области. «Материалы для геологии Кавказа», сер. 2, кн. 9, Тифлис, 1895, стр. 177—178. В. М. Сысоев. МАК, IX, 1904, стр. 153.

⁶ А. Д. Кондратьев. Ук. соч., стр. 295—296.

рах от описанных выработок, на левом берегу Кубани, в двух местах; одно из них находилось на вершине водораздельного хребта между Кубанью и р. Даутом, другое — уже на склонах к Дауту, выше свинцовых рудников и западнее с. Карт-Джурт. В обоих местах найдены были части плавильных печей, уголь и шлаки; руды здесь не оказалось; остатки залежали под слоем земли в 8 см.

Обращает внимание относительно большое удаление плавильных устройств от рудника балки Багир-кулак; это позволяет думать, что при тщательном обследовании всего района здесь могут быть обнаружены еще и другие выработки медных руд¹. Время этих работ остается невыясненным. Уже в 1829 г., при посещении месторождений А. Купфером, добыча свинца в этом районе, видимо, не производилась², с другой стороны, название балки Багир-кулак, приводимое А. Д. Кондратьевым, свидетельствует о том, что наличие медной руды было известно туркоязычному местному населению последних столетий.

Следует еще упомянуть, что в бассейне Кубани неоднократно встречались также и слитки меди, выплавленной в древних плавильных печах. Такие слитки были в кладе, найденном в Костромской станице в 1914 г., а также в кладе, поступившем в 1915 г. из Майкопского отдела в Кубанский музей; вероятно, оба клада составляют одну находку³.

Три небольших слитка из б. Майкопского отдела Кубанской области поступили в 1904 г. в Исторический музей в Москве⁴. Слиток «из пещер Теберды и Индыша», весом 788 г, в 1927 г. поступил в Краснодарский музей.

Слитки меди найдены в 1930-х годах вместе с бронзовым топором кобанского типа в с. Хурзук в верховьях Кубани⁵.

В смежном с востока бассейне Малки также сделана аналогичная находка. Куски слитков меди, вместе с обломками медных и бронзовых изделий, были доставлены в 1936 г. в Нальчикский музей из долины Нарзанов, на р. Хасаут у впадения в нее р. Мушт. Найденные вещи при горных работах, вероятно, в разных местах⁶.

О древних горных выработках меди и о медеплавильных на причерноморских склонах Кавказа, вплоть до бассейна Бзыби, никаких достоверных сведений у нас нет. Газетное сообщение о находке местными краеведами «заброшенных медных рудников», на которых работали черкесы «в ряде местностей Геленджикского и Туапсинского районов», требует проверки, как весьма сомнительное⁷.

Приведенный материал, несмотря на его случайность и отсутствие планомерного обследования памятников древнего горного дела и металлургии в крае, все же вполне достаточен для утверждения о существовании здесь в древности местной добычи и плавки медных руд. К сожалению, все упомянутые выше горные выработки и остатки плавильных печей пока не датированы, и поэтому прямых указаний на производство работ еще в эпоху меди и бронзы мы не имеем.

Наличие датированных слитков меди в упомянутом выше Костромском кладе и при топоре из Хурзука делает местное металлургическое производство вероятным; но одного наличия слитков меди еще недостаточно для того, чтобы сделать заключение о существовании здесь местного металлургического производства, так как слитки металла могли быть доставлены и извне, например из Закавказья.

Поэтому нашей задачей теперь должно быть рассмотрение известного нам материала по изделиям из меди и бронзы, без чего нельзя будет дать окончательного ответа на поставленный вопрос.

III

Прежде всего мы должны попытаться из относительно все еще очень небольшого числа вещественных находок выделить изделия из металла, явно имеющие формы, характерные для смежных территориальных очагов металлообработки, т. е. для области колхидско-кобанской металлургии, с одной стороны, и для степного севера — с другой. После выделения этих предметов мы попытаемся охарактеризовать остающуюся часть известного нам материала, в отношении которой можно ставить вопрос о принадлежности к производству особого местного очага обработки меди и бронзы.

В результате археологических исследований и находок последнего времени, можно значительно более отчетливо, чем пятнадцать лет назад, наметить границы распространения металлических изделий кобанских типов на Северном Кавказе и в Причерноморье. При рассмотрении этого вопроса необходимо помнить, что в области «кобанской» металлургии можно различать два района, соответствующие двум характерным комплексам, названным мною в 1935 г. группами Западного Закавказья

¹ Жила медной руды обнаружена, например, на левом берегу Кубани, у устья ручья, севернее моста в с. Карт-Джурт. См. М. Кох. Ук. соч., стр. 35.

² A. J. Kupffer. Voyage dans les environs du mont Elbrous etc. S. Pétersbourg, 1830, стр. 27 и 58; Recueil des actes de la séance publique de l'Acad. des Sciences, 29 décembre 1829. S. Pétersbourg, 1830, стр. 71.

³ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 96; ИАК, вып. 65, 1918, стр. 174.

⁴ Архив ИИМК, фонд Археологической комиссии, д. 1895/109.

⁵ См. ниже, стр. 83.

⁶ Ермоленко. Археологические находки у Эльбруса. 1936 г.

⁷ «Молот», Ростов н/Д, 17 июля 1934 г.

и собственно-кобанской (последняя в области центральной части Главного хребта). Первая из них в новейших работах грузинских археологов вполне обоснованно именуется колхидской.

В связи с занимающей нас темой нет надобности подробно характеризовать каждую из этих двух групп. Достаточно сказать, что заметное различие между ними определяется прежде всего комплексом изделий из бронзы, в составе которого, при наличии большого числа общих и даже тождественных типов, есть ряд специфических форм, относящихся в Западном Закавказье главным образом к орудиям труда, отсутствующим в зоне Главного хребта (как, например, плоские топоры или тесла, мотыги, серпы, так называемые сечки), а в собственно Кобанском районе — к предметам украшения неизвестных в Западной Грузии типов. Различны, далее, и процессы образования и развития каждой из этих групп. В Западном Закавказье металлургия позднего бронзового периода продолжает в очень значительной степени развивать местную производственную традицию металлургии и металлообработки II тысячелетия до н. э. В области же Центрального Кавказа, при наличии в ряде моментов несомненных связей с предшествующими формами изделий и с ранее освоенной техникой, наоборот, в основном можно наблюдать разрыв преемственности в развитии металлических изделий и как бы наслоение новых, привнесенных извне, главным образом из Западного Закавказья, форм и технических приемов, неизвестных в предшествующее время. Наконец, необходимо указать, что при очень большой, на первый взгляд, близости комплекса металлических изделий в обоих этих районах, общий облик культуры, ее хозяйственная основа, обряд погребения, керамическое производство и т. п. чрезвычайно резко различаются, что заставляет в плане общей истории культуры отчетливо различать колхидскую культуру Западной Грузии и кобанскую культуру Центрального Кавказа.

Особо следует указать, что в районе Дигории и Верхней Рачи, по обе стороны Главного хребта, в позднем периоде бронзового века сохранялся особый очаг местного производства металла и металлических изделий, продолжавший и в это время развивать формы, приемы и традиции местной металлургии II тысячелетия, вытесненные в соседних областях новыми формами кобанской бронзы. Не останавливаясь на более подробной характеристике металлических изделий этих групп, достаточно будет выяснить характер распространения их в пределах северо-западного Кавказа, причем группы кобанскую и колхидскую мы пока можем рассматривать совместно.

На южном склоне Кавказского хребта северо-западная граница сплошного распространения колхидско-кобанской бронзы должна быть

проведена в районе между гг. Сочи и Гудауты. Об этом свидетельствуют как опубликованное в 1941 г. значительное собрание А. Л. Лукина¹, поступившее в Эрмитаж в 1936 г., так и позднейшие находки в районе г. Гудауты², говорящие о полном господстве колхидско-кобанских типов изделий в районе к юго-востоку от Бзыби и Пицунды. Об этом же свидетельствуют описанные ниже довольно многочисленные и разновременные новые находки из Сочинского района, хранящиеся в Сочинском музее. Среди этих находок имеется только один колхидский, притом относительно ранний, предмет, а именно, топор с заостренным обушком и симметрично вверх и вниз расширенным лезвием (так называемый II тип; рис. 1), найденный в самом городе

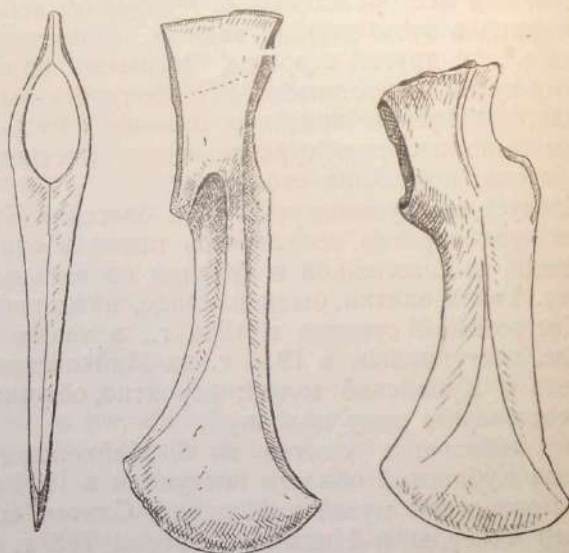

Рис. 1. Топор бронзовый из Сочи. Сочинский музей ($\frac{1}{3}$ нат. вел.).

Рис. 2. Топор бронзовый из Пиленкова. Новороссийский музей ($\frac{1}{3}$ нат. вел.).

Сочи на Навагинской улице. Кроме того, в 1947 г. мне в Сочинском музее пришлось видеть обломок обычного кобанского топорика I типа, т. е. имеющего обушок с молоточной частью и расширенное в одну нижнюю сторону лезвие. Дальше на северо-запад по Черноморскому побережью пока не известно ни одной находки бронзовых предметов кобанских типов, хотя единичные экземпляры их со временем возможно и будут найдены³.

¹ А. Л. Лукин. Материалы к археологии Бзыбской Абхазии. Труды Отдела истории первобытной культуры, Гос. Эрмитаж, т. I, Л., 1941, стр. 17—97, с картой и 28 табл.

² Позднейшие поступления в собрание А. Л. Лукина в г. Гудауты, а также раскопки 1948 г. аспирантом М. М. Трапш в с. Куланурхва. См. «Советская Абхазия», 31 декабря 1948 г.

³ В собрании Государственного Эрмитажа имеются три предмета колхидской бронзы — топоры I и II типов и ножное кольцо, — по состоянию сохранности несомненно происходящие из одной находки, купленные в 1925 г. и будто бы найденные при работах в Керчи в 1890 г. Документальных данных об условиях находки, к сожалению, нет.

Район между Бзыбью и Сочи в археологическом отношении пока остается еще слабо изученным. Отсюда сейчас известны три значительных находки — клады в Пиленкове, Гаграх и Пицунде. В Пиленкове в 1917 г. при железнодорожных работах были найдены два топора особого варианта, несомненно типологически являющегося предшественником топоров II типа. Для них характерны еще круглая проушина и выступающий упор для рукоятки

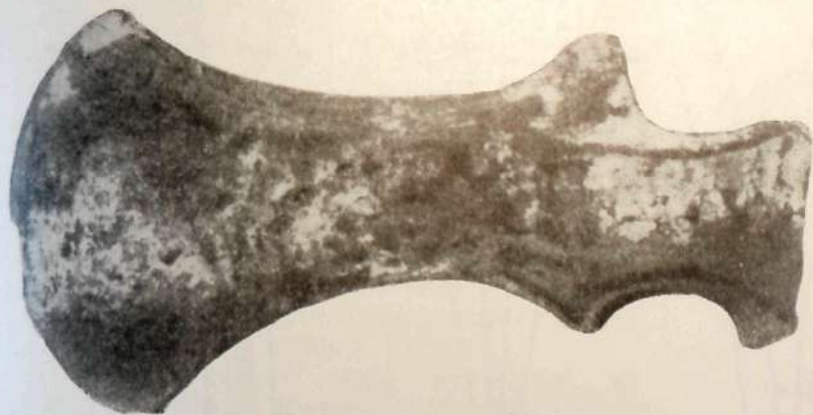

Рис. 3. Бронзовый (?) топор из Гагринского клада. Сухумский музей ($\frac{5}{8}$ нат. вел.).

с верхней стороны (рис. 2) ¹. В Гаграх в марте 1935 г. было найдено девять бронзовых топоров ² или, по другим сведениям, десять топоров такого же типа, из которых один поступил в Сухумский музей (рис. 3) ³. Остальные восемь или девять топоров, повидимому, утрачены. По сведениям Б. А. Куфтина, находка эта сделана при постройке санатория Чай-Грузия.

В том же 1935 г. в с. Лдзаа у Пицунды, в восточном конце известной Сосновой роши, гр-ном Г. М. Ломтадзе на глубине 1,5 м найден клад из семи бронзовых топоров. Из состава его пять топоров в 1940 г. поступили в Сухумский музей. По разнообразию найденных типов эта находка представляет выдающийся интерес (рис. 4, 1—2 и рис. 32, 1—3). В кладе имеется один топор описываемого «пиленковского» типа (рис. 4, 1), колхидский топор II типа, того же варианта, что и найденный в Сочи (рис. 4, 2), и три топора иных форм, на которых нам еще придется остановиться ниже.

Наконец, следует упомянуть, что еще один топор пиленковского типа имеется в собрании А. Л. Лукина в Гудаутах (№ 123). Найден он в 1945 г. между Новыми и Старыми Гаграми. По сообщению А. Л. Лукина, такой же топор

хранится и в гагринской школе-десятилетке. Последний, быть может, происходит из Гагринского клада 1935 г. (?).

Итак, в занимающем нас сейчас пограничном районе пока найдены лишь один топор типично колхидского варианта II типа и весьма интересная группа своеобразных, типологически более ранних топоров, известных только в данном районе. Другие варианты топоров, занимающие в типологическом развитии форм примерно то же самое место, что и топоры пиленковского типа, известны лишь на юге, например в Абхазии. Пиленковская находка является в ряду их наиболее выдвинутой на северо-запад, что позволяет относить границу распространения южных, колхидских, изделий из металла к району между Бзыбью и Сочи не только для периода развитой колхидско-кобанской металлургии, но и для непосредственно предшествующего времени.

Несколько менее отчетливо граница распространения кобанских бронз выступает на северном склоне Кавказского хребта. Объясняется это чрезвычайно слабой изученностью памятников медно-бронзового века бассейна верхней Кубани и ее верхних левых притоков — Теберды, Малого и Большого Зеленчука и Урупа. К юго-востоку от названных районов, в Пятигорье и Кабарде, в

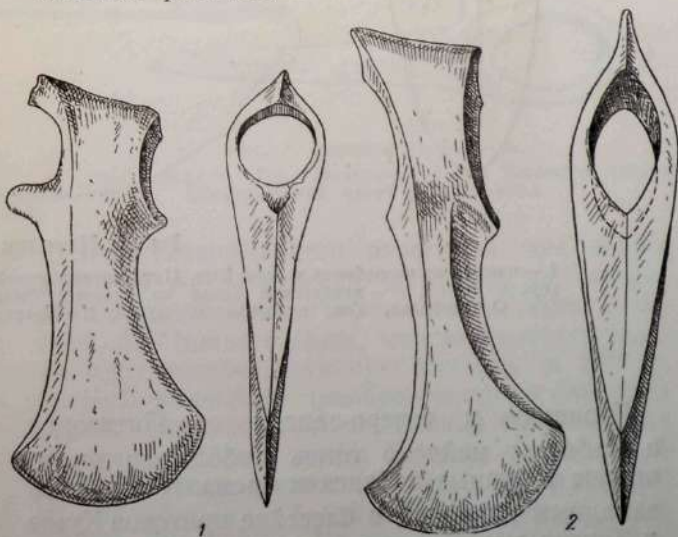

Рис. 4. 1, 2 — бронзовые топоры из Пицундского клада Сухумский музей ($\frac{1}{3}$ нат. вел.).

позднем бронзовом веке мы видим почти такое же сплошное распространение кобанских типов бронз, как и в Абхазии. При этом существенно отметить, что здесь, как и везде в Центральном Предкавказье, бронзы этих типов распространены в горной и предгорной полосе, а в степи почти не встречаются.

¹ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 127, рис. 18. Один из этих топоров теперь передан из Новороссийского музея в Сочинский и издан Б. А. Куфтиным. Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 229, рис. 48, б.

² Газетные сообщения, см. СА, II, 1937, стр. 237.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Тrialeti, I, Тбилиси, 1941, стр. 18, рис. 19, а.

II Материалы по археологии, № 23

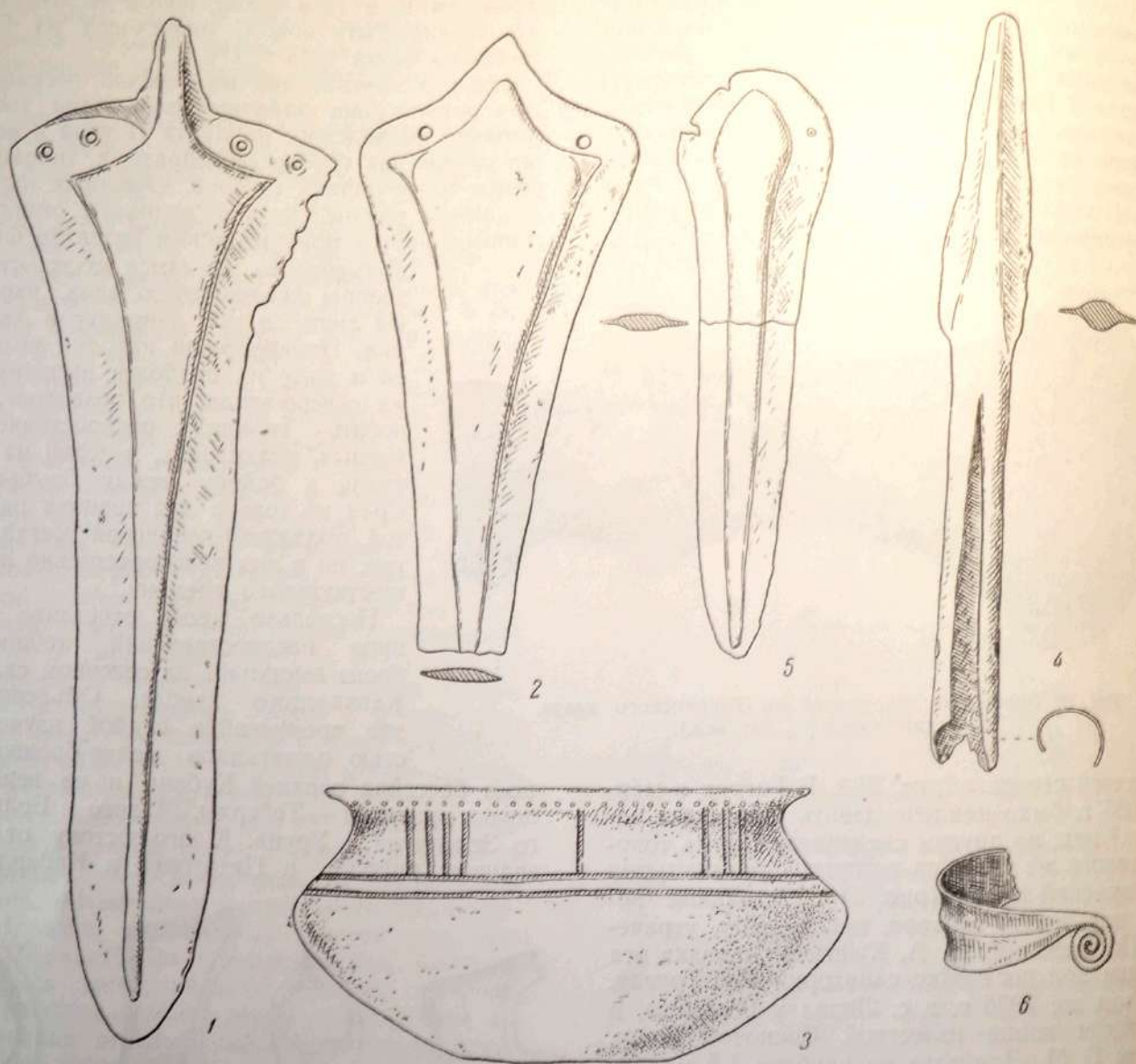

Рис. 5. Находки кобанских типов.

1 — кинжал из погребения у горы Бык, Пятигорский музей; 2—3 — кинжал и сосуд из погребения аула Тереза, Пятигорский музей; 4 — наконечник копья из станицы Андрюковской, Краснодарский музей; 5 — кинжал из колонии Ольгенфельд, Гос. исторический музей; 6 — браслет, покупка в Майкопе, Гос. Эрмитаж (1/2, nat. вел.).

К западу и северо-западу от Пятигорья и Кабарды найдено лишь небольшое число вполне типичных кобанских бронз. К наиболее западным находкам в бассейне притоков Кумы и Терека можно отнести следующие:

1. Под горой Бык, в 15 км западнее Минеральных Вод, около 1925 г. случайно было обнаружено погребение в каменном ящике. Инвентарь погребения состоял из бронзового кинжала кобанского типа с широким клинком, раскованными краями и с четырьмя отверстиями для крепления рукояти (рис. 5, 1), а также из двух бронзовых серпов, о которых придется упомянуть ниже (рис. 46 и 47, 4). Находки хранятся в Пятигорском музее.

2. В ауле Тереза на р. Эшкакон, в 20 км западнее Кисловодска, найдено погребение, содержащее обломок подобного предыдущему кинжала, но с двумя отверстиями для крепления рукояти (рис. 5, 2), и глиняный сосуд (рис. 5, 3), широко известного в Пятигорье и Кабарде типа. Оба предмета в 1928 г. поступили в Пятигорский музей.

3. В долине Нарзанов на р. Мушт, у впадения ее в р. Хасаут, левый приток Малки, в 1936 г. найдено много бронзовых предметов, повидимому не составлявших единого комплекса, но в совокупности свидетельствующих о наличии здесь производства бронзовых изделий, так как среди находок имеются капли литого металла. В числе этих предметов, по-

ступивших в музей в Нальчике, имеется несколько обломков кобанских топоров I типа.

К востоку от перечисленных находок, в районе Кисловодска и Пятигорска, а также на Майке и Баксане можно указать большое число могильных комплексов и единичных находок с бронзовыми изделиями типичных кобанских форм.

Много реже такие предметы встречаются к западу, в бассейне Кубани.

1. В с. Хурзук в верховьях Кубани при постройке дома, на глубине 1,5 м, найден кобанский бронзовый топор I типа, поступивший в 1940 г. в Эрмитаж (рис. 6, 1). По сведениям доставившего его лица, были обнаружены «остатки ямы, топор, бронзовые слитки, лопатки и бусы». Так как остальные находки не сохранились, остается невыясненным, было ли здесь разрушено древнее погребение, либо обнаружен клад литейщика или производственная мастерская. Скорее всего эта находка позволяет допускать местное производство подобных топоров и на верхней Кубани.

2. Топор того же типа, найденный на р. Марух в 1889 г., хранится в Краснодарском музее.

3. Ряд предметов кобанских типов, хранящихся в Государственном музее Грузии, числится происходящим с Урупа. Среди них — бронзовый топор I типа, две большие дуговые фибулы с насечками с одной стороны дужки и пластинчатый браслет со спирально завернутыми концами¹. О месте находки более точных сведений нет. Учитывая, что к находкам с Урупа в музее отнесена целая группа бронз, частично, вероятно, иного, более восточного происхождения, можно предположить, что эти вещи в основном собраны на Урупе, но, безусловно, не представляют одного комплекса. Вероятно, что основная находка, вошедшая в неизвестном сейчас составе в эту группу, отмечена на археологической карте Е. Д. Фелицына, где находка «орудий бронзового века» показана по левую сторону Урупа около ст. Урупской. Во всяком случае ни по литературе, ни в музейных собраниях не известно других находок, которые могли бы соответствовать этому указанию².

4. Из ст. Андриюковской на Малой Лабе происходит бронзовый наконечник копья с длинной открытой втулкой, хранящийся в Краснодарском музее (инв. № 158/VI; рис. 5, 4). Наконечники такого типа представлены рядом экземпляров в Абхазии и Западной Грузии, не будучи характерными для собственно кобанской группы Центрального Кавказа.

5. Среди бронзовых вещей, купленных в

1906 г. Археологической комиссией в Майкопе у торговца древностями Запорожского и поступивших в Эрмитаж, имеются два легких, но типичных кобанских браслета со спиральными завитками на концах (рис. 5, 6) и подвеска — головка козла, также кобанского типа¹.

6. Около станицы Крымской в 1914 г. при проведении канавы найден кобанский бронзовый топор I типа, хранимый в Краснодарском музее (рис. 6, 2).

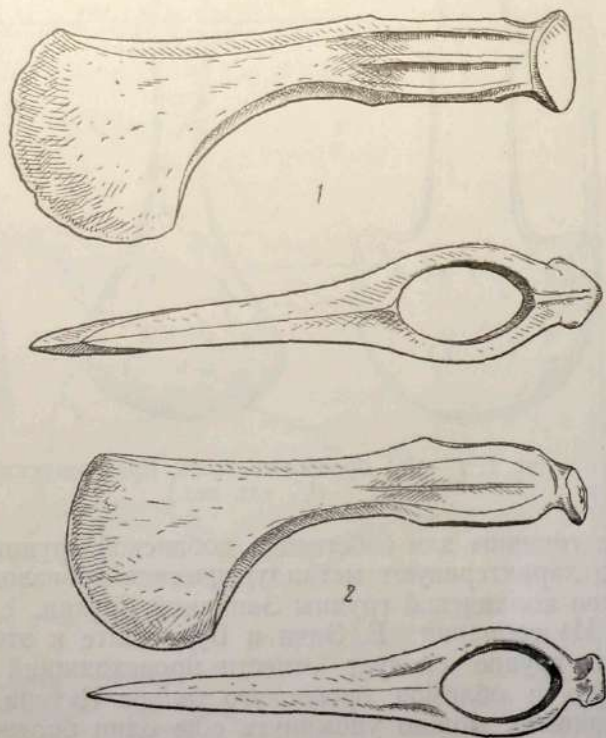

Рис. 6. Бронзовые топоры.

1 — из с. Хурзук, Гос. Эрмитаж; 2 — из Крымской станицы, Краснодарский музей (1/2, нат. вел.).

Этим исчерпывается известный мне сейчас достоверный кобанский материал на северо-западе Кавказского перешейка. Дальше к северу, до Нижнего Дона, можно отметить только одну соответствующую находку: в 1891 г. Н. Е. Бранденбург приобрел вещи из случайно раскопанного кургана в колонии Ольгенфельд на правом берегу р. Ен. В числе этих вещей два бронзовых кинжала кобанского типа (один из них обломан), близкие к кинжалу из аула Тереза (рис. 5, 5). Вместе с ними приобретены кельт и обломок серпа, о которых придется упомянуть ниже. Эти находки хранятся в Историческом музее в Москве². Наконец, можно добавить к нашему перечню еще несколько предметов, также происходящих с территории б. Кубанской области, точное место

¹ «Коллекции Кавказского музея (Museum Caucasicum)», изд. Г. И. Радде, т. V (П. С. Уварова. Археология). Тифлис, 1902, стр. 44—46. №№ 1023—1044, в частности №№ 1024, 1026, 1027, 1037.

² Е. Д. Фелицын. Археологическая карта Кубанской области, М., 1882.

¹ ОАК, 1906, стр. 127—129; Архив ИИМК, ф. 1, д. 1906/98.

² ОАК, 1891, стр. 79; ЗРАО, н. с., VIII, вып. 1/2, стр. 23.

находки которых сейчас неизвестно. К числу таких предметов можно отнести в Краснодарском музее еще один топор I типа, близкий к топору, изображенному на рисунке 6, 2, три массивных бронзовых ножных кольца и три бронзовых плоских топора — тесла, два из которых снабжены боковыми выступами (рис. 7, 1—3). Последние два предмета

Рис. 7. 1—3 — бронзовые тесла, Краснодарский музей (1/3 нат. вел.).

не типичны для собственно кобанской группы, но характеризуют металлургическое производство колхидской группы Западной Грузии.

Из собрания Е. Зичи в Будапеште к этой же группе следует отнести происходящий с Кубани обломок бронзового топора II типа¹. Наконец, можно упомянуть еще один бронзовый топор I типа, повидимому кубанского происхождения, бывший среди экспонатов Харьковского университета на Антропологической выставке 1879 г.²

Таким образом, в целом, даже после добавления этих не вполне достоверных находок, имеющийся кобанский и колхидский материал в Прикубанье количественно очень невелик.

Вместе с тем находки на р. Мушт и в Хурзуке показывают, что местное производство изделий типично кобанских форм, в частности топоров I типа, видимо, было развито в этих крайних восточных районах интересующей нас территории. Встреченные же в более западных районах единичные предметы кобанских и колхидских типов позволяют говорить лишь о проникновении их туда путем обмена.

¹ E. de Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale, II: Béla de Posta. Description de la collection archéologique, Budapest, 1897, № 54, табл. IV, 4. Явно импортными вещами южно-закавказского происхождения являются в этом же собрании наконечник копья № 40, табл. IV, 2 и ножик № 48, табл. IV, 1, также числящиеся в собрании Зичи под этикеткой «Кубань».

² Известия о-ва любителей ест., антроп. и этногр., XXXV: Антропологическая выставка, т. III, ч. II, вып. 2, М., 1879, стр. 20.

Как мы увидим ниже, в этих районах, включая и бассейн верхней Кубани и Теберды, в поздний период бронзы преобладающими были изделия из металла иных типов, хотя и имеющие в ряде случаев ярко выраженные черты близости с кобанскими формами. Эта близость, однако, недостаточна для полного включения их в группу собственно-кобанского металла.

Таким образом, можно считать установленным, что северо-западная граница основного распространения колхидско-кобанского металла по южную сторону Кавказского хребта проходила значительно западнее, чем на Северном Кавказе, где она может быть отнесена, примерно, к меридиану Эльбурса, тогда как на юге она проходила не восточнее устья Бзыби, т. е. по крайней мере на 150—170 км западнее.

Одно это обстоятельство уже позволяет считать, что источники снабжения металлом в Абхазии и в бассейне Кубани были разные.

Все сказанное приводит к выводу, что бронзовые изделия колхидско-кобанских типов в пределах северо-западной части Кавказа не играли значительной роли и могут служить лишь показателями меновых, межплеменных сношений.

Таким же путем единичные экземпляры кобанских бронз проникали и дальше на север, через степи Предкавказья в Подонье и на Украину. В отношении степного Предкавказья судить об удельном весе кобанского металла пока невозможно, так как здесь курганные погребения разбираемого периода почти никогда не содержат металлических предметов, а другие памятники почти неизвестны. В Подонье и дальше изделия собственно-кобанской группы встречаются лишь как редкие исключения среди подавляющей массы металла иного происхождения, в том числе местного, северо-черноморского¹.

Кроме рассмотренного нами материала, свидетельствующего о сношениях с областью колхидско-кобанской металлургии, в Прикубанье встречены единичные указания на связь с упомянутым выше местным очагом металлургии и металлообработки в дигорско-рачинской области.

Сейчас мы уже вполне определенно можем говорить о том, что такие пережиточные формы, как встреченные в дигорских могильниках топоры, секиры, булавы и т. п., относящиеся к позднему бронзовому веку, не являлись исключительной особенностью только Дигории и Рачи. Они известны и в Свани (музей в Ме-

¹ Список находок, который сейчас может быть несколько увеличен, см. А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 164—165. Его же, Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 30—31.

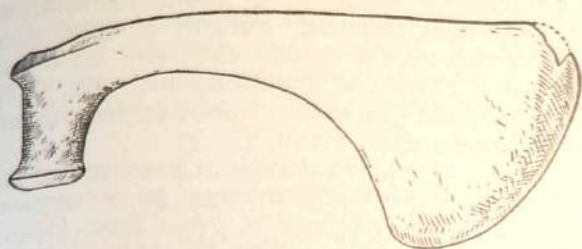

Рис. 8. Бронзовая (?) секира с Урупа. Музей Грузии (1/2 нат. вел.).

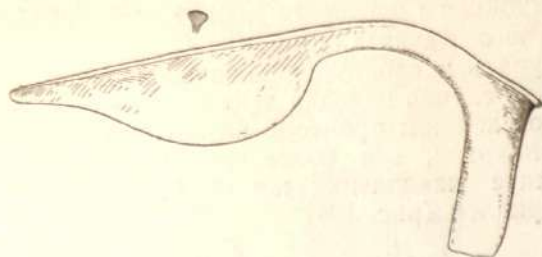

Рис. 9. Бронзовая (?) секира с р. Белой у х. Шунтуки. Майкопский музей (1/4 нат. вел.).

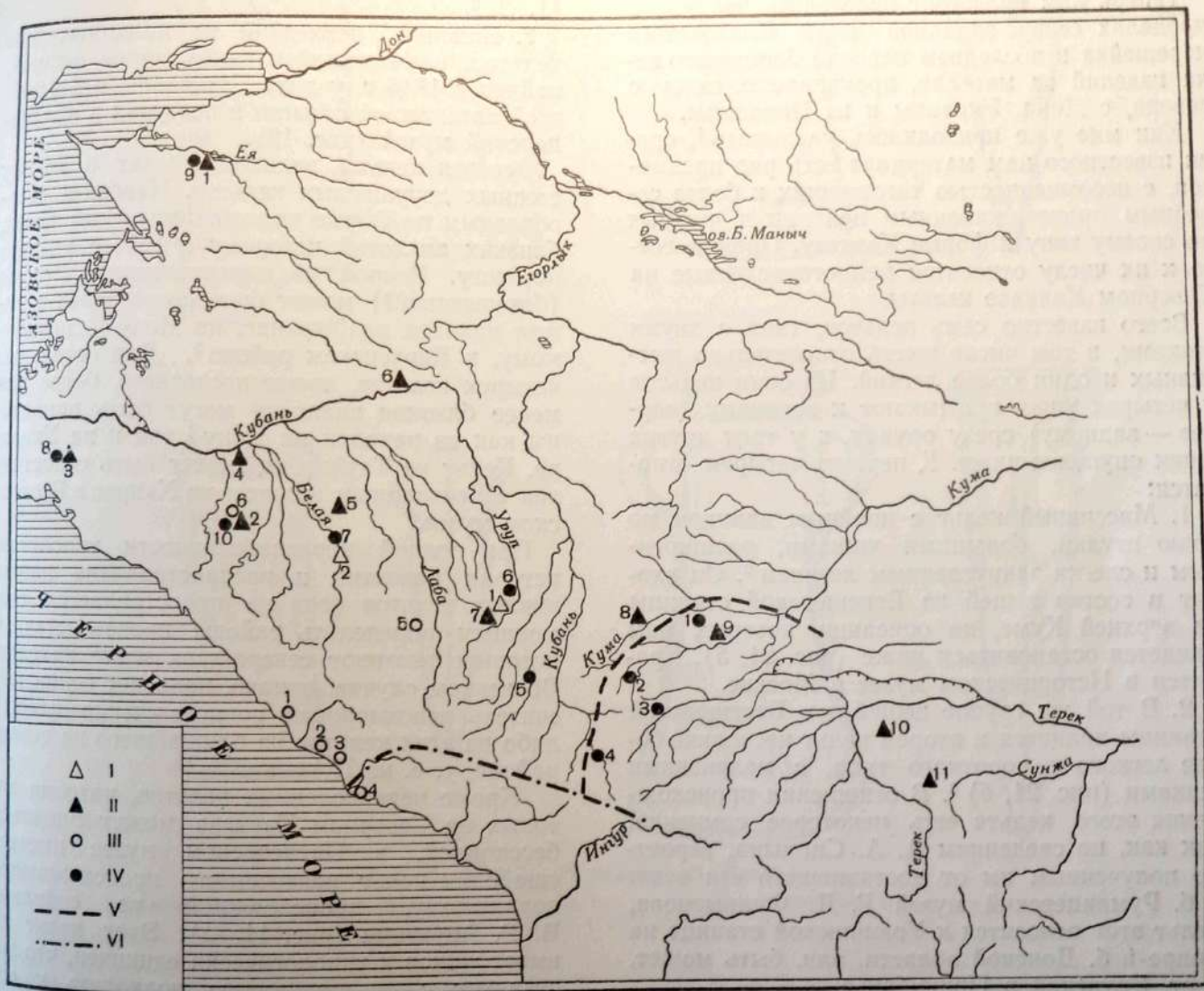

Рис. 10. Поздний бронзовый век Прикубанья. Распространение медных и бронзовых изделий соседних очагов металлообработки.

I. Находки дигорских типов: 1 — Уруп, 2 — х. Шунтуки. II. Находки северочерноморских типов: 1 — долина, р. Еи, 2 — 6. Кубанская область, 3 — Крымская, 4 — Тауихабль, 5 — Келермеская, 6 — Кропоткин, 7 — Уруп, 8 — Бекешевская, 9 — Пятигорск, 10 — Курп, 11 — Дзауджикау. III. Находки волхидских типов и VI — граница сплошного их распространения: 1 — Сочи, 2 — Пилееново, 3 — Гагры, 4 — Пицунда, 5 — Андрионовская, 6 — 6. Кубанская область. IV. Находки кубанских типов и V. Граница сплошного их распространения: 1 — г. Бык, 2 — Тереза, 3 — долина Нарзанов, 4 — Хурзук, 5 — Марух, 6 — Уруп, 7 — Майкоп, 8 — Крымская, 9 — долина р. Еи, 10 — 6. Кубанская область.

стия), и в Имеретии (Сачхери), и в других местах. Встречаются они и в Прикубанье, о чем свидетельствуют два типичных «дигорских» топорики. Один из них, хранящийся в Музее Грузии, происходит с Урупа (рис. 8) ¹, второй

найден в 1923 г. будто бы в кургане в окрестностях Майкопа, у хутора Шунтуки, на р. Белой и поступил в Майкопский музей (рис. 9). Бесспорно, что эти предметы не были изготовлены в пределах Прикубанья и проникли туда в результате меновых сношений населения

¹ «Коллекции Кавказского музея», т. V, 1902, № 1025.

Прикубанья с жителями горных областей Центрального Кавказа, откуда на Кубань могла поступать и собственно-кобанская бронза. Во всяком случае находка этих двух орудий говорит о сложном процессе развития кавказской металлургии, все более выясняющемся в результате накопления новых археологических материалов (рис. 10).

IV

Теперь нам предстоит проследить наличие в пределах северо-западной части Кавказского перешейка в последнем периоде бронзового века изделий из металла, проникавших сюда с севера, с Дона, Украины и из Поволжья.

Как мне уже приходилось указывать¹, среди известного нам материала есть ряд предметов, с несомненностью тяготеющих к более северным производственным центрам и чуждых по своему типу и форме Кавказу. Прежде всего к их числу относятся немногочисленные на Северном Кавказе кельты.

Всего известно семь кельтов, типа с двумя ушками, в том числе шесть относительно массивных и один более легкий. Из семи кельтов у четырех ушки примыкают к верхнему (вернее — заднему) срезу орудия, а у трех других ушки опущены ниже. К первым четырем относятся:

1. Массивный кельт с двойным валиком по краю втулки, большими ушками, расширенным и слегка закругленным лезвием². Он входит в состав вещей из Бекешевской станицы на верхней Куме, на описании которых нам придется остановиться ниже (рис. 21, 5). Хранится в Историческом музее в Москве.

2. В той же группе вещей из Бекешевской станицы хранится и второй кельт несколько более легкого и короткого типа, с маленькими ушками (рис. 21, 6)³. В отношении происхождения этого кельта есть некоторое сомнение, так как, по сведениям А. А. Спицына, вероятно полученным им от доставившего эти вещи в б. Румянцевский музей Г. Д. Филимонова, кельт этот относится к Урюпинской станице на Хопре в б. Донской области, или, быть может, к ст. Урупской в Прикубанье.

3. Кельт с расширенным и закругленным лезвием найден вместе с упомянутыми кинжалами в кургане на р. Ее; поступил в Исторический музей в Москве⁴.

4. Сходный кельт, но с почти прямым, не расширенным лезвием, имеется в Краснодарском музее, среди старых собраний, не сохранивших указаний о происхождении (рис. 11, 1).

Следующие три кельта имеют опущенные ниже верхнего края ушки.

5. Первый из них входит в упомянутую выше группу находок, отнесенных в каталоге б. Кавказского музея к р. Уруп (рис. 11, 4)¹.

6. Сходный кельт найден Н. И. Веселовским в 1904 г. в насыпи кургана № 5 у Келермесской станицы и хранится в Эрмитаже (рис. 11, 2)².

7. Наконец, последний из известных мне кельтов, отличающийся более легкой формой, найден в 1946 г. у аула Тауйхабль, в Адыгейской автономной области и поступил в Краснодарский музей (рис. 12).

Все эти кельты целиком входят в группу степных двушковых кельтов. Наиболее своеобразным по форме является урупский кельт, близких аналогий которому я сейчас указать не могу. Второй из перечисленных кельтов (бекешевский?) может быть сопоставлен с рядом находок на Украине, на Дону и, повидимому, в Керченском районе³. Для остальных четырех кельтов, кроме последнего, более или менее близкие аналогии могут быть приведены как из находок на Дону⁴, так и на Украине. Кельт из Тауйхабля может быть сопоставлен с неизданным кельтом из Хапров в Ростовском музее.

При полной неразработанности типологии, истории развития и распространения наших южных кельтов пока не представляется возможным определить районы производства, к которым тяготеют северо-кавказские находки. Во всяком случае, однако, пока нет оснований считать невозможным происхождение какого-либо из этих кельтов из ближайшего на севере района, т. е. из Подонья.

Кроме перечисленных кельтов, находка которых на Северном Кавказе может считаться бесспорной, в Пятигорском музее имеется еще один кельт неизвестного происхождения, повидимому, происходящий из собрания В. Р. Апухтина (рис. 11, 3). Этот кельт не имеет ушков и типологически единичен, что заставляет с осторожностью подходить к его включению в наш перечень⁵.

¹ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 136, рис. 22, 1; Коллекция Кавказского музея, т. V, 1902, № 1023.

² ОАК, 1904, стр. 96, рис. 163.

³ Например: «Древности Приднепровья», вып. I, Киев, 1899, табл. X, 18. Кельт «из Керчи» в Британском музее, см.: A Guide to the Antiquities of the Bronze Age. British Museum, 1920, стр. 179, рис. 189.

⁴ Например, в Новочеркасском музее, инв. № 586, из Аксайской станицы.

⁵ По орнаменту частичные аналогии можно найти у кельтов с Украины в книге А. М. Tallgren. La Pontide préscythique, ESA, II, 1926, стр. 181, рис. 105, 3 и стр. 183, рис. 106, 9.

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 136—137 (и карта, на стр. 152). Здесь ошибочно к северным типам отнесены наконечники копий (рис. 22, 3), которые рассмотрены ниже.

² Каталог отделения древностей. Моск. Публ. и Румянцевский музей, 1905, № 3353, 2.

³ Там же, № 3353, 1.

⁴ ОАК, 1891, стр. 79, рис. 80; ЗРАО, н. с., VIII, вып. 1/2, стр. 23, рис. 1.

Наконец, купленный в Майкопе в 1907 г. маленький бронзовый кельт ананьинского типа (рис. 13; Исторический музей в Москве) относится к более позднему времени, а место его находки остается неизвестным¹.

Наряду с кельтами, к изделиям северных производственных центров следует отнести также и кинжалы или, вернее, двулезвийные ножи так называемого срубного типа, известные на Северном Кавказе в трех экземплярах:

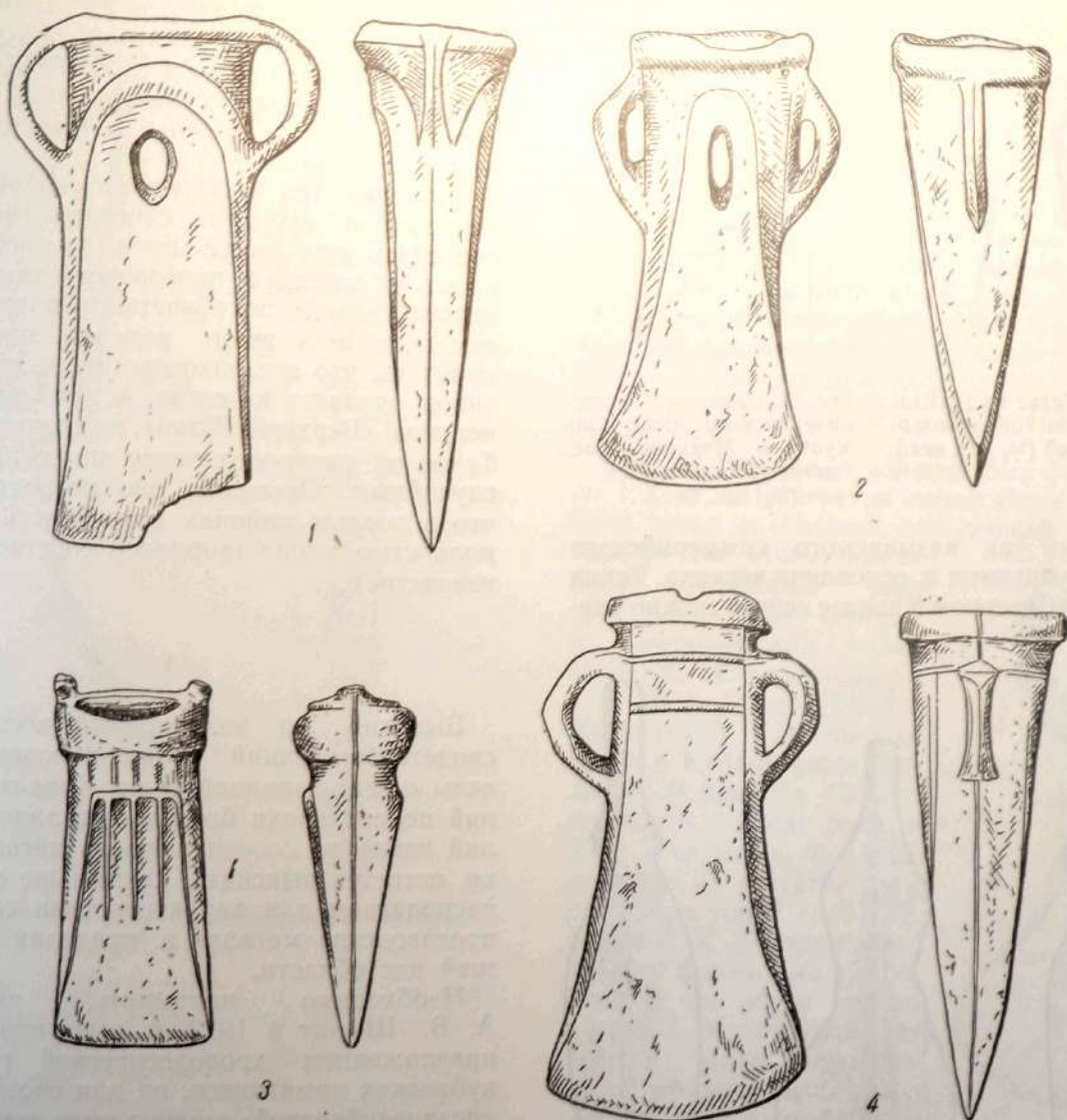

Рис. 11. Медные (?) кельты из Прикубанья.

1 — Краснодарский музей; 2 — Келермесская станица, Гос. Эрмитаж; 3 — Пятигорский музей; 4 — Уруп, Музей Грузии (2/3 н. в. в.).

Три кельта «с Кубани» в собрании Е. Зичи в Будапеште несомненно должны быть исключены из нашего обзора как в высшей степени сомнительные².

¹ Архив ИИМК, дело Археол. комиссии 1907/2. д. 51. А. М. Tallgren в сб.: «Finnisch-Ugrische Forschungen», XVII, 1925, стр. 25, упоминает о двух находках ананьинских кельтов на Кубани. Мне вторая находка не известна.

² E. de Zichy. Ук. соч., №№ 24—26, табл. III, 1—2. В составе собрания Зичи имеется целый ряд предметов, повидимому, венгерского происхождения, включенных в его кавказскую коллекцию, вероятно, в результате грубой небрежности (издавший коллекцию не принимал участия в поездке на Кавказ). Кроме упомянутых кельтов, к таким вещам сле-

1. В ст. Крымской — во впускном погребении кургана № 2, раскопанного Н. И. Веселовским в 1895 г. Хранится в Эрмитаже (рис. 14, 1)¹.

2. В районе г. Кропоткина. Находился в 1929 г. в Кропоткинском музее.

дует отнести бронзовые серпы №№ 27—31, табл. III, 5—8, и некоторые другие предметы. Установление этого обстоятельства заставляет с осторожностью относиться к происхождению также и некоторых других вещей собрания. Фантастичны также сведения о наличии в бывш. Кавказском музее в Тифлисе кельтов из Дагестана и Абхазии (E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, I. Paris—Lyon, 1885, стр. 90; E. de Zichy. Ук. соч., стр. 337).

¹ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 136, рис. 22, 2.

3. Обломок такого же ножа неизвестного происхождения имеется в Северо-Осетинском музее в г. Дзауджикау (рис. 14, 2)¹.

Кроме этих трех находок, следует упомянуть и несколько более поздние двулезвийные брон-

Рис. 12. Кельт из Тауйх-бля, бронза(?); Краснодарский музей (1/2 нат. вел.).

Рис. 13. Бронзовый кельт-ананьинского типа; по купка в Майкопе, Гос. исторический музей (1/2 нат. вел.).

зовые ножи так называемого киммерийского типа с утолщением в основании черенка. Таких ножей на Северном Кавказе сейчас можно ука-

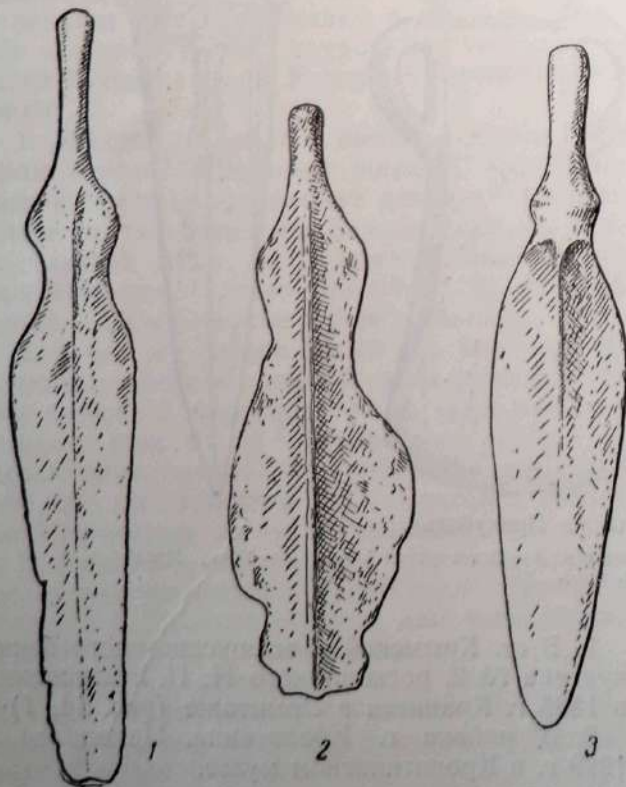

Рис. 14. Медные (?) кинжалы.

1 — Крымская станица, Гос. Эрмитаж; 2 — Северо-Осетинский музей в Дзауджикау; 3 — с. Курп, музей в Нальчике (1/2 нат. вел.).

зать четыре. Один из них, неизвестного происхождения, поступил в 1949 г. в Краснодарский

¹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. «Труды ГИМ», XVII, 1948, стр. 14, рис. 6.

музей¹, другой из с. Курп в Малой Кабарде хранится в музее в Нальчике (рис. 14, 3), третий происходит из кумбулского могильника «Верхняя Рутха», и, наконец, четвертый нож только что издан Е. И. Крупновым²; найден он в Божиганских степях Грозненской области.

Аналогии этим предметам в большом числе известны прежде всего в бассейне Дона и прилегающих районах; большая серия подобных предметов представлена в собраниях Новочеркасского музея.

На основании приведенных соображений перечисленные предметы северных типов можно отбросить при дальнейшем рассмотрении вопроса о местных производственных центрах интересующей нас области. Однако, прежде чем перейти к этому рассмотрению, следует отметить, что все находки предметов северных типов сделаны в степи и, за исключением ножа из «Верхней Рутхи», не проникают в горы. Такое их распространение вряд ли является случайным. Очевидно, оно позволяет думать, что в горных районах потребность в металле полностью удовлетворялась собственным производством.

V

Выделив по возможности весь материал, свидетельствующий о проникновении в пределы северо-западной части Кавказа в последний период эпохи бронзы металлических изделий извне, из соседних очагов металлообработки, остается выяснить, какими же фактами мы располагаем для характеристики собственного производства металла в пределах интересующей нас области.

Необходимо напомнить, что когда А. В. Шмидт в 1929 г. выступил со своим предложением хронологической группировки кубанских памятников, он для своей последней «позднекубанской» группы смог привести только пять наконечников копий из Крымской станицы и из Геленджикского района³. В этом обстоятельстве несомненно отразилась прежде всего малочисленность относящихся к рассматриваемому периоду археологических коллекций, но сказалась также и неразработанность уже давно известных кубанских собраний.

Только теперь, благодаря новым находкам, можно частично заполнить пробел, обнаружившийся в работе А. В. Шмидта, хотя и сейчас единичность достоверных комплексов в значительной мере затрудняет исследование.

В порядке обзора известного теперь матери-

¹ Устное сообщение Н. В. Анфимова.

² Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 27, рис. 26, 13.

³ A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV, 1929, стр. 20.

ала позднего периода эпохи бронзы, мы оста-
новимся на ряде находок, в том числе и на
некоторых комплексах, частично уже упоминав-
шихся выше, но требующих сейчас рассмотре-
ния со стороны тех их слагаемых, которые не
могут быть отнесены к изделиям, проникшим в
Прикубанье и Черноморье извне.

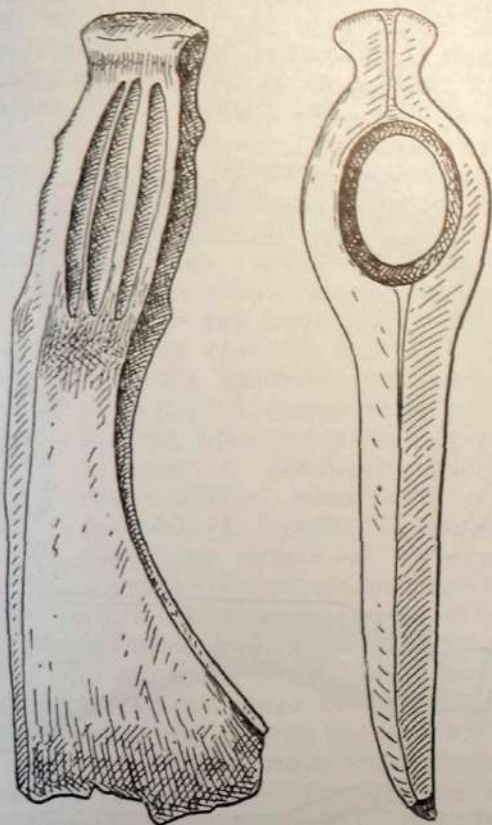

Рис. 15. Бронзовый топор из Учкулана, собрание
Зичи, Будапешт ($1/2$ нат. вел.).

Обратимся сначала к бассейну верхней
Кубани, в пределах которого мы выше предпо-
ложительно могли установить наиболее запад-
ную на Северном Кавказе точку производства
типично кобанских топоров (находка в с. Хур-
зук). В этом же районе известен, однако, ряд
других находок, которые нельзя безоговорочно
отнести к кобанской группе. Кроме того, здесь
же имеются упоминавшиеся выше древние вы-
работки на медных месторождениях и следы
медеплавления. Учитывая почти полную необ-
следованность района в археологическом отно-
шении, совокупность сделанных находок пред-
ставляет все же достаточно яркую картину.

Сейчас по верхней Кубани и Теберде можно
указать следующие клады бронзовых (или
медных) изделий и отдельные предметы из ме-
талла:

1. Из с. Учкулан, в верховьях Кубани, непо-
средственно ниже Хурзука, происходит повре-
жденный бронзовый топор собрания Зичи
(рис. 15) ¹ особого варианта, характерного для

некоторых перечисленных ниже находок и
очень близкого к двум топорам уже упомяну-
того нами Пицундского клада 1935 г. (рис. 32,
2—3).

2. Из Учкулана же происходит бронзовый
серб, найденный в 1927 г. и поступивший в
Адыгейский музей в Краснодаре (теперь в
Майкопе; рис. 47, 3).

3. В районе Худесского свинцового рудника
был найден большой втульчатый наконечник
копья из меди или бронзы, хранившийся в
1898 г. у инженера А. Д. Кондратьева в Те-
берде ¹.

4. На р. Даут, впадающей слева в Кубань
ниже Худеса, близ устья, горный инженер
М. Э. Кох отмечает «городище», которое в
1880-е годы подверглось хищническим рас-
копкам, причем найдены были «бронзовые
секиры и украшения», долго ходившие по ру-
кам ². Об этих находках нам ничего более
не известно.

5. Клад бронзовых изделий был найден око-
ло 1927 г. в пещере на левом берегу Кубани,
близ устья р. Индыши, впадающей в Кубань
справа. Из этого клада
одна бронзовый серп
(рис. 47, 2) был передан
в Краснодарский музей
проф. А. И. Смирновым ³.

6. На р. Гиляч (Гиляш,
Кюль-тюбе), впадающей
слева в Кубань ниже Ин-
дыша, в декабре 1938 г.
рабочими в русле реки, в
2300 м от устья, был най-
ден клад, из состава кото-
рого один топор (рис. 16),
близкой к учкуланскому
топору формы, но с гре-
бешком на обухе вместо
развитой молоточной ча-
сти, а также обушная
часть второго такого то-
пора в 1940 г. поступили
в музей г. Клухори. Оба
топора, по мнению виде-
вшей их Т. М. Минаевой,
были отлиты в одной фор-
ме. По словам передавше-
го находку рабочего, вместе с топорами было
найденно тридцать бронзовых серпов, достав-
шихся одному из жителей аула Учкулан ⁴.

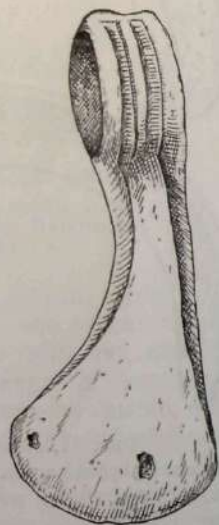

Рис. 16. Бронзовый (?)
топор из Гилячского
клада. Был в музее в
Клухори ($1/3$ нат. вел.)

¹ Архив ИИМК, дело Археол. комиссии 1898/38
(отчет В. М. Сысоева).

² М. Кох. Ук. соч., стр. 38.

³ Сообщение бывш. зав. музеем А. Ф. Лещенко в
1928 г.; в его же заметке «Антропология та передисто-
рия на Кубани» (Антропология, II, Киев, 1928, стр.
272—273) указывается, что бронзовый серп и медный
слиток из пещер Теберды и Индыша доставил проф.
В. В. Бобин.

⁴ Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в
г. Ворошиловске. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 136—137,
рис. 47.

¹ E. de Zichy. Ук. соч., № 41, табл. IV, 3.

Вероятно именно к этой находке относится несколько бронзовых предметов, приобретенных в 1939 или 1940 г. Дагестанским музеем в г. Махачкала как происходящие из с. Карт-Джурт, соседнего с Учкуланом. Покупка состоит из одного топора, лишь немногим отли-

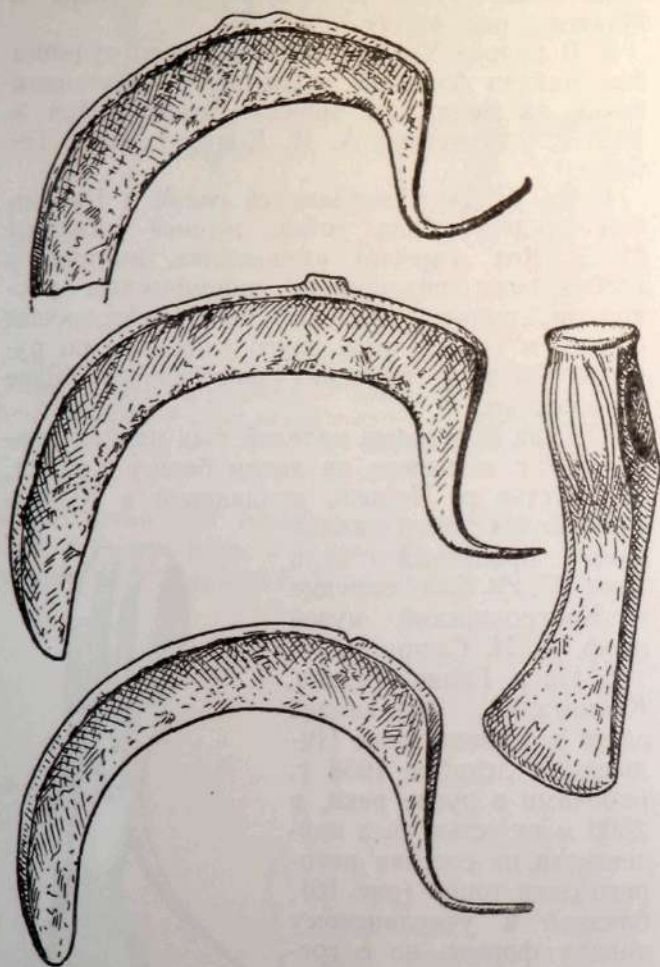

Рис. 17. Покупка из Карт-Джурта.

Бронзовые (?) серпы и топор. Дагестанский музей (около $\frac{1}{4}$ нат. вел.).

ды, близ Верхне-Тебердинского аула (Тебердинского) в 1927 г., на глубине 2 м, в большом глиняном сосуде найдены бронзовый серп и топор (рис. 18). Оба бронзовых орудия в 1930 г. поступили в Ростовский музей¹.

9. Между аулом Верхняя Теберда и курортом Теберда большой клад был найден в 1938 г. (или несколько ранее). К сожалению, от этой находки до нас не дошло ни одного предмета. Состояла она, по недостаточно проверенным данным, из 44 (или 30) «медных» топоров, 17 таких же серпов и, что особенно

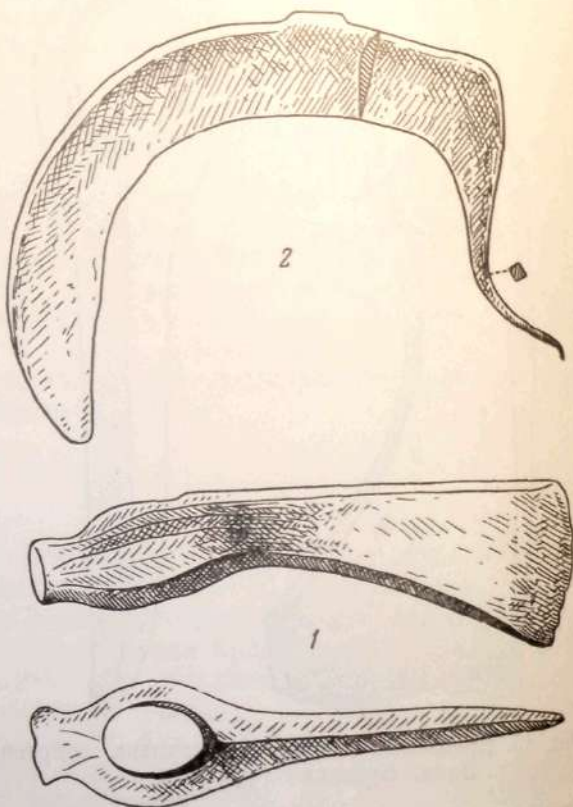

Рис. 18. Клад из ур. Агур.

1 — топор; 2 — серп. Бронза. Музей в Ростове н/Дону ($\frac{1}{2}$ нат. вел.)

чающегося от поступившего в Клухори, и трех серпов (рис. 17)¹. Принадлежность этих вещей к составу Гилячского клада не может быть, к сожалению, доказана, и поэтому остается также возможным, что где-то на верхней Кубани был найден еще один клад, к которому, в таком случае, должны относиться предметы Дагестанского музея.

7. В городе Клухори, на правой стороне р. Теберды, близ впадения в Кубань, на Пушкинской улице, в 1940 г. обнаружен был клад или погребение с рядом медных вещей, в том числе наконечников копий, из которых один тогда же поступил в местный музей².

8. В урочище Агур, на левом берегу Тебер-

важно, каменных литейных форм. Один из топоров в 1940 г. находился у научного работника Госзаповедника т. Степанова². Здесь, таким образом, несомненно, находилась древняя литейная мастерская.

10. Еще выше по Теберде, в районе устья р. Большого Хаджибея, по сведениям М. Коха, около 1905 г. найдены и переданы в Кубанский музей «много предметов — украшений и оружия — бронзового века»³. Возможно, что некоторые из имеющихся сейчас в Краснодарском музее предметов неизвестного происхождения поступили сюда из этой находки, однако опознать их теперь уже нет возможности.

¹ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 132, рис. 20.

² Фотография этой находки и сведения о ней сообщены мне в начале 1941 г. покойным Б. Е. Деген-Ковалевским.

³ Т. М. Минаева. Ук. соч., стр. 137—138, рис. 49.

² Архив ИИМК. Отчеты 1940 г., № 7, л. 16. Несколько иные сведения об этой находке, взятые в тексте в скобки, сообщены мне в 1940 г. Б. Е. Деген-Ковалевским.

³ М. Кох. Ук. соч., стр. 24.

11. На р. Гонаххир (Гонахчир, Куначхир), правом притоке Теберды, в 1910 г. в погребении найден был бронзовый кинжал отличной от кобанских типов формы, поступивший в Краснодарский музей (рис. 52, 2).

В этом же районе, «в Гонаххирском ущелье на 1-й поляне», в пещере, проф. В. В. Бобин около 1930 г. нашел бронзовую булаву с за-
вернутым верхним концом (рис. 19) ¹.

12. Повидимому, где-то в бассейне верхней Кубани и Теберды, но возможно, что и в более западных районах Закубанья, был найден клад, из состава которого в 1898 г. в Кубанском музее хранился один медный или бронзовый серп и 30 обломков таких же серпов ². В 1928 г. я в Краснодарском музее смог обнаружить из них лишь один серп и один обломок (рис. 48, 2).

Рис. 19.
Бронзовая
булава из
Гонаххир-
ского
ущелья (1/2
нат. вел.).

13. Из пределов рассмотренного нами района, скорее всего с верхней Кубани, происходят семь бронзовых булавок с овальным листом и спиральными завитками наверху (рис. 53, 1). Вместе с 13 бронзовыми фигурками животных (в основном абхазско-западнокавказского типа) эти предметы принадлежали собранию Г. Д. Филимонова и в настоящее время хранятся в Историческом музее в Москве ³.

Рассмотренный материал не оставляет никаких сомнений в том, что на верхней Кубани и на Теберде на позднем этапе эпохи бронзы существовало свое местное производство металла и металлических изделий. Однако, прежде чем переходить к обозрению типов известных нам орудий и других изделий из металла, необходимо рассмотреть еще ряд находок, непосредственно тяготеющих к кубанско-тебердинскому району.

14. Особый интерес представляет большой клад, найденный в 1941 г. при дорожных работах на месте древнего поселения в 1,5—2 км от ст. Боргустанской, расположенной на притоке Подкумка р. Бугунта в 28 км западнее Ессентуков. Клад частично был собран и доставлен в Пятигорский музей Н. М. Егоровым и им же опубликован ⁴. Найден он в двух глиняных сосудах, находившихся в 1,5—2 м один от другого, и состоял из следующих предметов: 1) не менее 30, а вероятно до 50, бронзовых топоров, из которых 19 поступили в музей (рис. 20, 4 и рис. 37); 2) 10 бронзовых

серпов, в том числе один поступивший в музей (рис. 20, 1); 3) трех бронзовых наконечников копий; в музее из них один (рис. 20, 5); 4) восьми бронзовых тесел, из коих два сохранились в музее (рис. 20, 2 и 3).

Рис. 20. Боргустанский клад.

1 — серп; 2 — тесло; 3 — тесло с плечиками; 4 — топор; 5 — наконечник копья. Бронза (?). Пятигорский музей (1/4 нат. вел.).

Топоры Боргустанского клада, судя по сохранившимся экземплярам, все относятся к одному типу, уже знакомому нам по находкам в Агуре и в Учкулане; серп и наконечник копья близки к упоминавшимся выше; тесла массивны и различаются между собою наличием у одного из них боковых выступов. Такие тесла неизвестны в области собственно-кобанской и колхидской культуры, но имеют много общего с более древними и более тонкими теслами, находимыми на Северном Кавказе, как, например, с теслами из клада с. Привольного б. Ставропольской губернии ¹, относимого ко времени около середины II тысячелетия до н. э.

Поселение, остатки которого обнаружены Н. М. Егоровым на месте находки клада, дало при поверхностном сборе черепки орнаментированной глиняной посуды, относящейся к концу бронзового века, к предскифскому времени, т. е. к тому же времени, что и клад. Это обстоятельство позволяет считать, что рассматриваемая находка может быть отнесена к категории кладов-сокровищ, что составлявшие ее

¹ По сведениям, сообщенным мне А. В. Шмидтом.

² В. М. Сысоев. Краткий указатель археологических предметов, имеющихся при Кубанском областном статистическом комитете, «Кубанский сборник», IV, Екатеринодар, 1898, отд. А, № 353.

³ Каталог отделения древностей. Моск. Публ. и Рунинский музей, М., 1905, стр. 146, № 3358—3359.

⁴ Н. М. Егоров. Боргустанский клад, СА, XV, (печатается).

¹ ОАК, 1894, стр. 42, рис. 60. А. А. Иессен. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии, «III Междунар. конгресс по Иранскому искусству и археологии. Доклады», М.—Л., 1939, табл. XLI.

предметы, вероятно, сохранялись обитателями данного поселения как запас изделий, требующих исправления (из 19 топоров 18 носят следы употребления, у некоторых повреждены лезвия; один топор не очищен по отливке и, следовательно, не использовался), или как запас металла. Отсутствие точных данных об условиях находки позволяет только предположить, что предметы изготовлены не на месте находки, так как, повидимому, не было найдено ни слитков металла, ни обломков вышедших из употребления изделий, ни литейных форм или других признаков литейного производства.

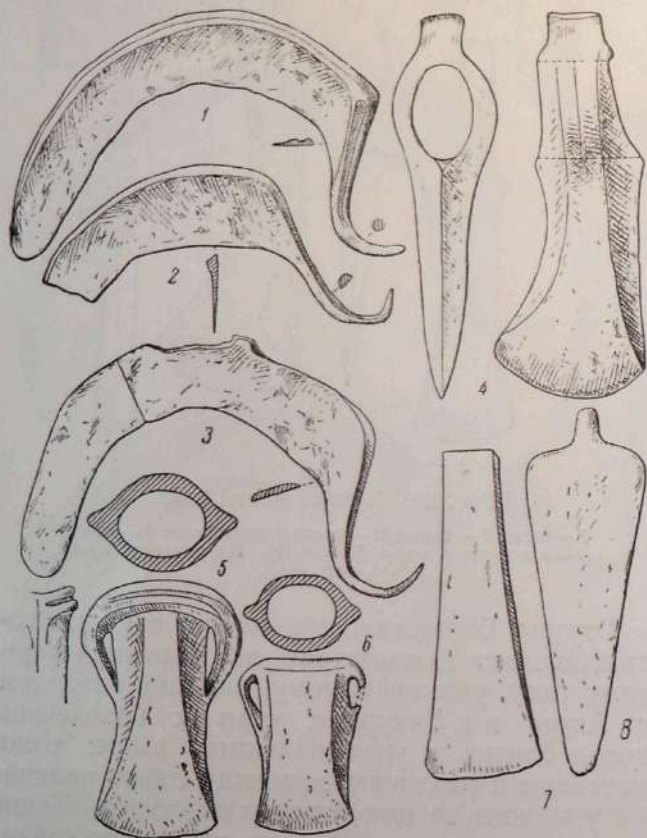

Рис. 21. Бекешевский клад.

1—3 — серпы; 4 — топор; 5 — кельт; 6 — кельт (принадлежность к кладу сомнительна); 7 — тесло; 8 — кинжал. Бронза и медь. Гос. исторический музей (1/4 нат. вел.).

клада, с овальной в сечении проушиной и выделенной молоточной частью; два массивных медных двушковых кельта, описанных выше (рис. 21, 5—6); плоский медный или бронзовый кинжал (рис. 21, 8), два одинаковых массивных медных или бронзовых тесла (рис. 21, 7) и три серпа (рис. 21, 1—3)¹.

Находки эти упоминаются в некоторых археологических работах 1880-х годов. Так, немецкий антрополог Штида в своем отчете о V археологическом съезде в Тифлисе в 1881 г. приводит выступление Г. Д. Филимонова с упоминанием нескольких бронзовых серпов, одного кельта, одного топора, найденных около ст. Бекешевской². Д. Н. Анучин в своем отчете указывает, что «бронзовые кельты... были найдены близ Бекешевской станицы, в Кубанской области (вместе с плоскими бронзовыми долотами, наконечником копья, серпами и топором)»³. Шантр в большой публикации по археологии Кавказа упоминает находки в Бекешевской («несколько топоров и несколько кинжалов», хранящиеся в Московском музее)⁴, а в другом месте относит к Кабарде плоские топоры (тесла), серпы и кинжалы, найденные вместе, причем много серпов было утрачено после находки⁵.

Наконец, по личным указаниям Г. Д. Филимонова, бекешевские находки также представляют собой клад⁶. В архиве А. А. Спицына⁷ перечисленные выше предметы все отнесены к Бекешевской станице, за исключением меньшего из двух кельтов, около изображения которого надпись «Урюп. стан.», т. е. либо Урюпинская станица на Дону, либо же Урупская на Кубани.

Вызывавшее до сих пор некоторые сомнения сочетание массивных плоских тесел, напоминающих по своим очертаниям тесла II тысячелетия до нашей эры, с топором и серпами явно позднего бронзового века, теперь, после находки Боргустанского клада, должно отпасть, так как такие же тесла в последнем найдены в хорошо датированном сочетании.

¹ Каталог отделения древностей. Моск. Публ. и Румянцевский музей, М., 1905, №№ 3351—3355. Из ст. Бекешевской же происходят и № 3356 — бронзовая булава и № 3357 — два железных и один бронзовый наконечник стрелы, не имеющие, повидимому, отношения к остальным предметам.

² Stieda. Der V (russische) Archäologische Congress in Tiflis, 1881, Archiv f. Anthropologie, XIV, Braunschweig, 1883, стр. 332.

³ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Изв. РГО, XX, 1884, стр. 373.

⁴ E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, 1886, II, стр. 156.

⁵ Там же, т. I, 1885, стр. 90—92; на табл. VI изданы серп, тесло и кинжал, причем место находки серпа и кинжала указано «Кабарда», а тесла (ошибочно) «Абхазия».

⁶ Устное сообщение А. А. Спицына автору настоящей статьи; ср. А. М. Tallgren, Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland, SMYA, XXV, 1911, стр. 120, прим. 2.

⁷ Архив ИИМК, ф. 5, д. 357, л. 61.

15. Находка Боргустанского клада позволяет нам несколькими иными глазами посмотреть и на известную, уже упоминавшуюся нами, находку из соседней ст. Бекешевской, расположенной, примерно, в 10 км к северо-западу от Боргустанской, на верхней Куме. Около 1877 г. эта находка попала в руки Г. Д. Филимонова, была им передана в б. Румянцевский музей, а теперь хранится в Историческом музее в Москве. К сожалению, в нашем распоряжении нет никаких документов, характеризующих условия обнаружения этой находки и ее состав. В музей поступили следующие предметы: тяжелый медный топор (рис. 21, 4), близкий по типу, но более грубый, чем топоры Боргустанского

Рис. 22. Находки с р. Кяфар. Бронзовые браслеты и привески. Гос. Эрмитаж (нат. вел.).

Вполне возможно, что к той же находке, что и вещи, собранные Г. Д. Филимоновым, следует отнести и бронзовый серп, присланный в 1879 г. на Антропологическую выставку в Москве Харьковским университетом вместе с другими предметами, происходящими «из Баталпашинского уезда Кубанской области», в пределах которого находилась тогда и Бекешевская станица¹.

16. При возведении моста на р. Куме, в ее истоках, повидимому выше Бекешевской, еще

в 1850 г. был найден «медный наконечник копья», длиной 15,5 см, шириной 5,5 см¹. Так как более подробное описание этого предмета не опубликовано, а место его хранения неизвестно, сейчас трудно решить, был ли это действительно наконечник копья или, быть может, кинжал. Большая ширина предмета скорее говорит за последнее.

17. В упоминавшемся выше погребении у горы Бык вместе с типично кобанским кинжалом найдены и два бронзовых серпа,

¹ Изв. о-ва любителей ест., антроп. и этн., XXXV; Антропологическая выставка, т. III, ч. 2, М., 1879, стр. 20.

¹ П. Савельев. Древности, найденные на Кавказе, ЗРАО, IX, 1857, стр. 50 и 57.

аналогичные серпам из других перечисленных находок (Пятигорский музей; рис. 46 и 47, 4).

Все приведенные сведения, хотя отчасти и недостаточно документированные, все же с полной уверенностью позволяют говорить о наличии на верхней Кубани и Теберде местного производства металла, в том числе, вероятно, всех или почти всех рассмотренных сейчас находок, включающих предметы, по своей форме отличающиеся от собственно кобанских.

В бассейне левых притоков Кубани, западнее Теберды, можно также указать ряд находок, относящихся к позднему периоду эпохи бронзы.

1. На Большом Зеленчуке, в окрестностях средневековых Зеленчукских храмов, в 1928 г. найдены два бронзовых топора, хранившиеся у находчика и, будто бы, аналогичные топору Агурской находки¹.

2. На р. Кяфар, левом притоке Большого Зеленчука, в районе ст. Сторожевой, близ поселка Ширпотреб, в 1948 г. при геологических исследованиях найден ряд мелких бронзовых предметов, находящихся сейчас в Эрмитаже. Условия находки, к сожалению, остались неизвестными, но судя по характеру окисления поверхности, вся группа предметов найдена вместе (рис. 22). В числе их: тяжелый браслет толлого литья, орнаментированный насечками, сделанными на модели, два гладких браслета из прута с разомкнутыми концами (один — более массивный, с одним обломанным концом, и другой — более легкий, с заостренными концами), обломок стержня в виде массивной утолщенной лопасти с поперечной прорезью и грубой скульптурной головкой животного, наконец, восемь обломков трубчатых пронизей со свисающими приливами различных форм, орнаментированные такими же желобчатыми литьми врезками, сделанными еще на модели, как и большой браслет. На одной пронизи сохранилась маленькая головка животного на длинной шее. Обе головки сходны с головками, известными на некоторых поделках из Абхазии². В общем группа этих предметов личного убора отличается определенным стилистическим своеобразием и известной грубостью, не имеющими близких аналогий в смежных областях Кавказа.

3. На Малой Лаббе, ниже впадения Уруште-на (р. Черной), на Никитиной поляне, в 1937 г. найдены медные предметы³. Среди них был массивный короткий топор (рис. 23, 3), о возрасте которого пока судить трудно, а также дуговая фибула с дужкой, разделенной в виде бус (рис. 23, 1) и булава, стержневидная со

сквозным отверстием в утолщении ниже головки (рис. 23, 2). Оба последних предмета не имеют прямых аналогий в кобанском материале, но несомненно должны быть относимы к концу эпохи бронзы.

Здесь же были найдены наконечник стрелы, втульчатый, двуперый, архаичной формы, повторяющей форму бронзовых наконечников копий, рыболовный крючок и обрывок цепочки

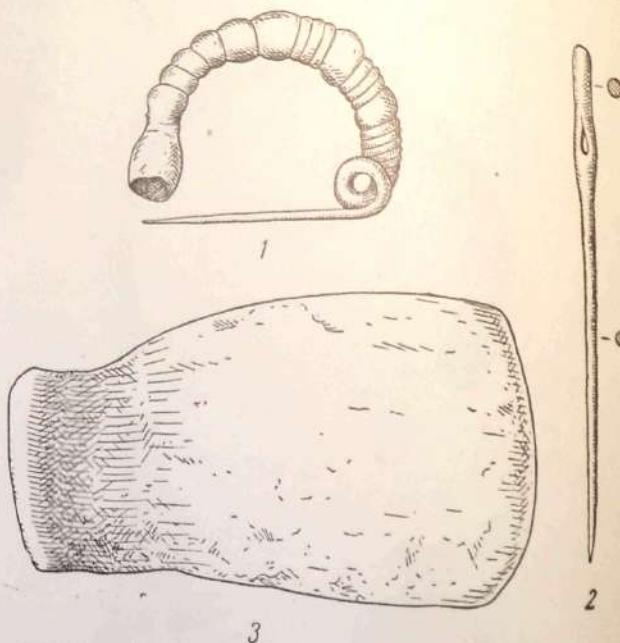

Рис. 23. Бронза (?). Находки с Никитиной поляны, (Малая Лаба).

1 — фибула; 2 — булава; 3 — топор (1/2 нат. вел.).

из скованных звеньев, общей длиной около 20 см. К сожалению, о дальнейшей судьбе этих находок никаких сведений нет.

4. Ниже по Малой Лаббе, в районе Андрюковской станицы, найден бронзовый (или скорее медный) серп, поступивший в Краснодарский музей (рис. 48, 1). Из Андрюковской же станицы в том же музее происходят найденные в 1910 г. две поврежденные булавы с орнаментированным плоским листом (рис. 53, 2—3). Так как булавы и серп в 1928 г. имели смежные инвентарные номера, то не исключено, что они были найдены вместе.

5. В 1940 г. в Кавказском заповеднике, на Сулиминой поляне (?) была найдена поврежденная половинка каменной литейной формы для топора того же типа, что и в Боргустанской и Агурской находках, но более укороченных пропорций (рис. 35). Обушная часть матрицы не сохранилась. По сведениям Б. Е. Деген-Ковалевского, сообщившего мне в 1941 г. свою зарисовку, форма хранилась в Майкопском музее, где мне ее, однако, в 1947 г. видеть не удалось.

6. Из Бесленевской станицы на р. Ходзь, левом притоке Малой Лаббы, происходит бронзовый книжал узкого вытянутого типа (длина

¹ Сообщено А. Н. Дьячковым-Тарасовым в 1929 г. во время его доклада в ГАИМК.

² Например, Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, табл. XI—XIII (Мгулзырхва и Эшери).

³ Письмо Н. В. Дьяченко от 30 января 1938 г., адресованное Н. В. Анфимову и сообщенное мне.

39 см), несомненно поздний (рис. 51, 4). Кинжал этот вместе с двумя тонкими браслетами, на одном из которых, сохранившемся наполовину, насажены украшения и подвешена низка из пяти цветных и глазчатых бус из камня и пасты, хранится в Азербайджанском государственном музее в Баку. Бусы и браслеты, вероятно, относятся к последним векам до нашей эры, тогда как кинжал должен быть много старше, не моложе предскифского или, в самом крайнем случае, начала скифского периода.

7. На берегу Фарса, левого притока Лабы, около ст. Новосвободной, в 1932 г. найден короткий бронзовый наконечник копья с втульчатой трубкой (рис. 50, 1). Хранится в Майкопском музее.

8. На р. Белой возле ст. Каменноостской, выше Майкопа, в 1937 г. найден небольшой медный наконечник копья с открытой втулкой (рис. 50, 3). Поступил в тот же музей.

9. Близ Каменноостской же, в ручье, случайно найдена легкая бронзовая секира своеобразной формы (рис. 42, 2), в основе которой лежит как прототип, вероятно, топор Агурского и Боргустанского кладов. Перед нами особая вариация, соответствующая изогнутым секирам Кобанского могильника, но резко от них отличающаяся.

10. В Эрмитаже хранится группа вещей, купленных в 1906 г. Археологической комиссией у известного торговца древностями Запорожского, как происходящая из Майкопского округа¹. Среди этих вещей имеется легкий топорик-секира, как и предыдущий являющийся в конечном счете вариантом I типа, но совершенно иначе оформленный (рис. 41); уже упоминавшиеся нами два пластинчатых бронзовых браслета со спиральными концами, кобанской формы, и бронзовая подвеска — голова козла, очень близкая к кобанским, а также некоторые другие предметы как более раннего, так и неопределимого времени. С этими же вещами куплены были также и части двух различных бронзовых удил архаического типа и обломки четырех различных трехпетельчатых псалий. Так как в данной коллекции заведомо находились вещи разного времени, нет оснований эти части уздечного набора рассматривать как единый комплекс с выше перечисленными предметами, хотя они хронологически могут быть и одновременны.

11. К вещам, числящимся происходящими из бывшего Майкопского отдела Кубанской области, или же купленным в Майкопе без уточнения происхождения, относится еще ряд различных предметов.

Так, по сведениям А. А. Спицына, у Карапетова в Майкопе имелось три бронзовых серпа. Год находки и дальнейшая их принадлежность нам неизвестны. В 1915 г. у Карапетова среди других вещей куплен втульчатый наконечник

копья короткого типа, поступивший в Эрмитаж (рис. 49, 1). Два подобных наконечника копий принесены в дар Историческому музею в Москве Н. Н. Ерамовым в 1913 г. (инв. № 48509 и 48520). Три подобных же наконечника копий, из коих один сохранил только втулку, имеются в Краснодарском музее и помечены как «отобранные у кладонскателей» (№ 1809/1—2 и 1810). Обломок втулки такого же наконечника находился в 1928 г. в Адыгейском музее.

12. Один такой же наконечник, из окрестностей Майкопа, имеется в Майкопском музее (№ 2392; рис. 50, 8). Он найден в 1926 г. в саду восточнее города, повидимому в погребении, так как при нем находился человеческий череп.

13. К «Майкопу» отнесен также однолезвийный бронзовый нож из собрания Зичи, опубликованный Бела Пошта¹.

14. В небольшом кургане у ст. Хадыженской, на р. Шиш, еще в 1890-е годы В. А. Щербина нашел сильно поврежденный втульчатый бронзовый наконечник копья вместе с обломками горшков. Хранится он в Краснодарском музее².

15. В Крымской станице Н. И. Веселовский в 1895 г. производил раскопки курганов, причем в первом из них («Мазепинском») нашел ограбленное впускное погребение раннескифского времени, с обломками шлема начала VI в. до н. э. В насыпи найдены лежащие вместе три бронзовых наконечника копий³ и бронзовая ворворка, что заставило Н. И. Веселовского считать основное погребение также ограбленным и прекратить раскопку. Находки из Крымской станицы хранятся в Эрмитаже (рис. 49, 2—3).

16. На правом берегу р. Еи в 1891 г. приобретены Н. Е. Бранденбургом четыре бронзовых предмета, найденные при случайных раскопках кургана. Предметы эти, по всей видимости составляющие комплекс, хранятся в Историческом музее в Москве. В их числе имеются: уже упоминавшиеся кельт северочерноморского типа и два кинжала кобанского типа, а также концевой обломок серпа⁴.

17. Среди вещей, происхождение которых определяется лишь как «Кубанская область», к интересующему нас периоду можно, вероятно, еще отнести один бронзовый кинжал с двумя отверстиями для крепления рукоятки в собрании Зичи⁵, а также браслет из толстого прута

¹ E. de Zichy. Ук. соч., т. II, № 34, табл. III, 12. Кавказское происхождение ножа вызывает сомнение.

² В. М. Сысоев. Краткий указатель археологических предметов, имеющихся при Куб. обл. стат. к-те. «Кубанский сборник», IV, Екатеринодар, 1898, № 214.

³ ОАК, 1895, стр. 27 и 129; рис. 41, 298 и 299.

⁴ ОАК, 1891, стр. 79 и рис. 59. Н. Е. Бранденбург. Из поездки 1891 г. в Донскую область и Бахмутский уезд, ЗРАО, н. с., т. VIII, 1896, стр. 23.

⁵ E. de Zichy. Ук. соч., т. II, № 35, табл. III, 9.

¹ ОАК, 1906, стр. 127—129; Архив ИИМК, ф. 1, д. 1906/98.

со спирально завернутыми заходящими концами (рис. 24) и бронзовые ножны для небольшого кинжала; оба последние предмета найдены в Эрмитаже среди не имеющих указаний на место находки вещей, оставшихся после смерти Н. И. Веселовского.

Учитывая выше материал из западных частей Прикубанья не дает такой убедительной картины местного производства металла, какая

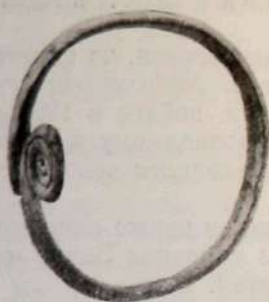

Рис. 24. Бронзовый браслет из б. Кубанской области. Гос. Эрмитаж ($1/2$ нат. вел.).

получается на основе обзора находок для районов верхней Кубани и Теберды. При недостаточной археологической изученности края, особенно горных его районов, где только и могла возникнуть местная металлургия меди, пока нельзя еще судить о том, соответствует ли исторической действительности наблюдаемое соотношение восточной и западной групп.

Кроме рассмотренных нами находок, к тому же историческому периоду следует относить еще ряд других предметов, указанных ниже, в отношении которых пока или не очевидна их

вислообушным типам, распространенным во II тысячелетии до нашей эры как в Прикубанье, так и, в меньшем количестве, в более восточных районах. К сожалению, определение относительного возраста этих топоров представляет значительные трудности, особенно вследствие того, что основная их масса происходит из случайных единичных находок. С другой стороны, пока еще совершенно не разработана хронология и классификация очень близких по формам топоров Подонья и Северного Причерноморья. Поэтому до специальной проработки всего материала заключения неизбежно могут иметь только предварительное значение. Все же можно утверждать, что некоторая часть этих топоров синхронна поздней бронзе колхидско-кобанских типов и, следовательно, относится к разбираемому кругу памятников. Оставляя дальнейшую разработку этого вопроса на будущее, ограничимся приведением только одной группы топоров, поздний возраст которых для нас является несомненным.

Я имею в виду прежде всего четыре больших тяжелых топора Краснодарского музея из отдельных случайных находок, происхождение которых сейчас уже не может быть установлено (рис. 25, 1—3 и рис. 26, 1). У этих топоров характерным является наличие валиков и промежуточных между ними желобков в обушной части, причем они или охватывают всю обушную часть или же прерываются сзади

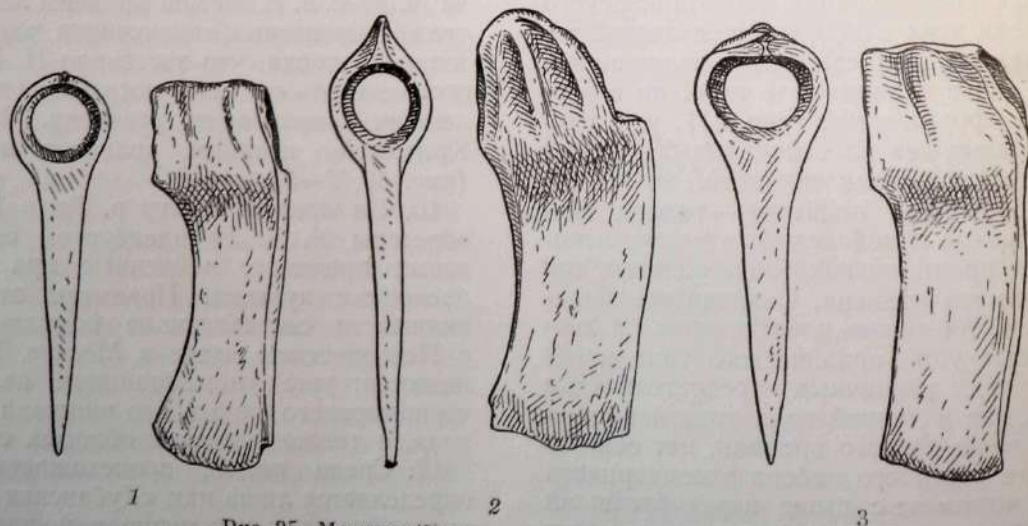

Рис. 25. Медные (?) топоры из б. Кубанской области. Краснодарский музей ($1/3$ нат. вел.).

синхронность с рассмотренными выше комплексами, или же неясно их местное для Прикубанья происхождение.

Однако уже сейчас можно сказать, что некоторые бронзовые топоры, найденные на Северном Кавказе и обычно относимые к среднему периоду эпохи бронзы, в действительности относятся к более позднему времени, близкому или совпадающему с занимающим нас сейчас периодом. В числе их можно упомянуть несколько топоров, близких к так называемым

поперечным ребром или особым выступом. Топоры эти являются как бы более крупным и удлиненным вариантом второго из рассмотренных ниже сочинских топоров. Поздняя датировка этих экземпляров определяется как их типологическими особенностями, отличающими их от всех точно датированных более древних топоров, так и, главным образом, аналогиями на Украине. В кладе, обнаруженном в 1925 г. около Берислава на Нижнем Днепре, найдено пять топоров, довольно близко напоминающих

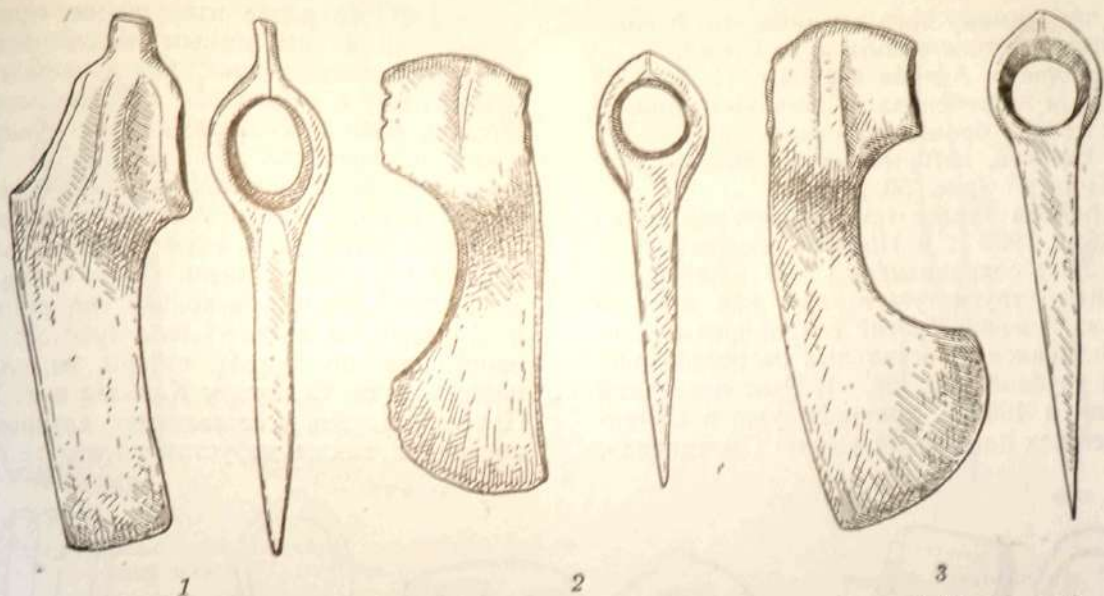

Рис. 26. Медные (?) топоры из б. Кубанской области. Краснодарский музей ($1/3$ нат. вел).

описанные кубанские экземпляры, но имеющих и ряд мелких особенностей, в большей мере сближающих их с вислообушными топорами более ранних типов. Вместе с этими топорами найдены были слитки меди и семь серпов позднего коленчатого типа, отчасти не обработанных после отливки¹. Серпы эти несомненно относятся к позднему бронзовому веку и, в свою очередь, имеют значительное, но не полное сходство с поздними бронзовыми серпами Северного Кавказа, о которых говорилось выше и на которых мы остановимся еще дальше.

Дальнейший вариант топоров этой же самой группы представлен двумя другими топорами неизвестного происхождения в Краснодарском музее, у которых лезвийная часть приобретает типично «кобанские» очертания, приближаясь в этом отношении к топорам I кобанского типа (рис. 26, 2—3) и являясь как бы дальнейшим развитием формы, уже намеченной в топоре из клада Костромской станицы (рис. 54).

Из известных мне находок топоров, близких к последним двум, можно еще назвать топор Музея Грузии из с. Круглолесского в б. Ставропольской губернии (рис. 27) со сходным оформлением лезвийной части, но со свисающим обухом², а также топор из кургана у с. Чегем I (в Нальчикском музее)³. Другие экземпляры имеют более отдаленное сходство и требуют специальной работы для определения их возраста.

Все же и приведенных данных достаточно, чтобы говорить о наличии на Северном

Рис. 27. Медный топор из с. Круглолесского. Музей Грузии ($1/3$ нат. вел.).

Кавказе, к северо-западу от области распространения кобанских бронз, локальных форм бронзовых или, повидимому чаще, медных топоров.

VI

На Черноморском побережье, в пределах Краснодарского края, находки, которые возможно отнести к периоду поздней бронзы, пока немногочисленны. Следуя с северо-запада на юго-восток, можно упомянуть только такие:

1. В окрестностях Геленджика, в 6 км от города, возле р. Адерби, в 1949 г. случайно найден обломок лезвийной части медного

¹ А. В. Добровольский. Бериславский скиф. Археология, II, Киев, 1948, стр. 152—163.

² Архив ИИМК, дело Археол. комиссии 1886/6 (рис. 3256). «Коллекция Кавказского Музея», т. V, 1902.

³ Инв. № 519/1929 г.

кельта, повидимому того же типа, что и ниже описанные короткие кельты с р. Сочи¹.

2. В долине р. Адерби в 1926 г. С. В. Кривошеиным в погребениях в каменных ящиках найдены те два бронзовых наконечника копий с литой трубкой, которые были известны еще А. В. Шмидту² (рис. 50, 2 и 6).

3. Из района Туапсе три наконечника копий хранились в 1928 г. в Новороссийском музее. Два из них, сохранившиеся не полностью, имели литую трубчатую втулку, как и наконечники из Адерби. Третий сохранился полностью и отличался от остальных разрезной раскованной трубкой (рис. 50, 4). Этот последний наконечник в 1938 г. хранился уже в Сочинском музее как найденный «около Пиленкова».

ваются с уже ранее известными единичными находками и тем самым подтверждают их местное происхождение. Мы касаемся только тех орудий, в отношении которых может возникнуть вопрос об отнесении их к интересующему нас времени.

Прежде всего необходимо остановиться на серии топоров, представленной семью экземплярами, отличающимися относительно укороченными пропорциями. Один из них, видимо медный, имеет несколько свисающий обух и прямое клиновидное тело (рис. 28, 1). Он напоминает некоторые топоры из случайных находок и на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье; к сожалению, датировка этих последних также не установлена.

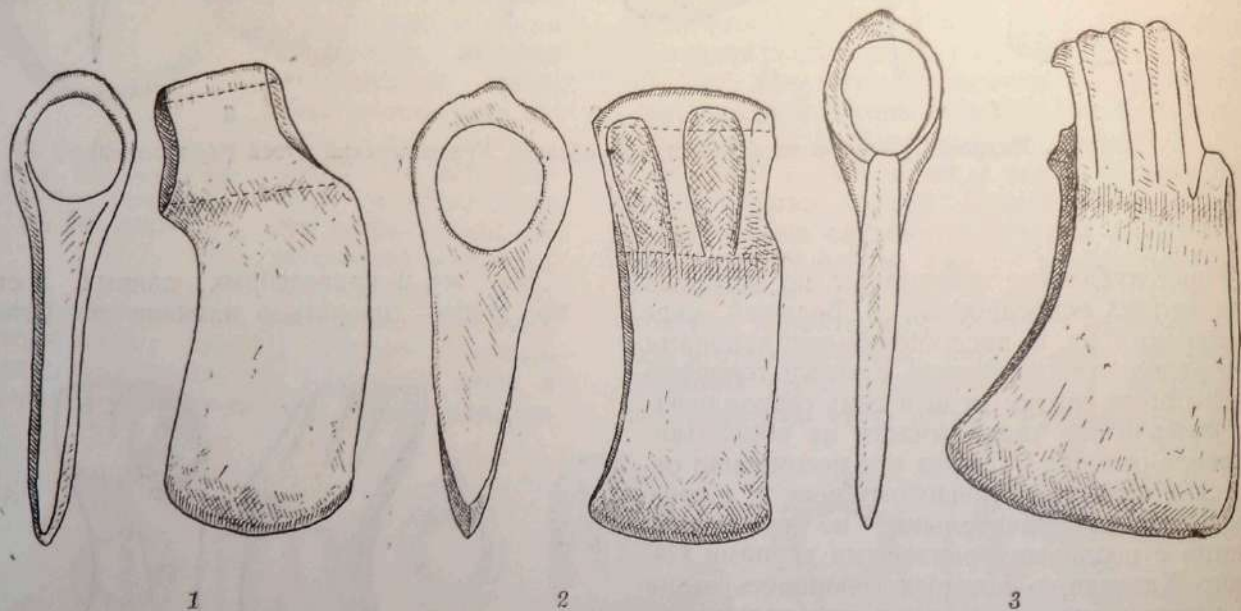

Рис. 28. Медные и бронзовые топоры с р. Сочи. Сочинский музей (1/2 нат. вел.).

4. Значительная серия медных и бронзовых орудий разного времени собрана в бассейне р. Сочи, в основном в 1930-х годах. Коллекция эта поступила в Сочинский музей, где я имел возможность ознакомиться с нею в 1938 г. и, вторично, в 1947 г. Состоит эта коллекция из ряда медных и бронзовых предметов, несомненно разновременных и относящихся к периоду от начала II тысячелетия до нашей эры почти вплоть до середины последнего тысячелетия до нашей эры, т. е. до скифского времени.

В числе этих случайных находок, ценность которых значительно возрастает благодаря их относительной многочисленности, есть предметы, которые следует датировать поздним бронзовым веком. Некоторые из них по своеобразию своих форм являются новыми для кавказской археологии, тогда как другие связы-

Второй сочинский топор (рис. 28, 2) имеет в обушной части с каждой стороны проушины по два боковых широких желобка. Топор тяжелый, массивный, прямой, изготовлен, повидимому, из меди или бронзы с малым содержанием олова. Лезвие относительно узкое. Боковые выемки несколько напоминают выемки на кобанских топорах I типа.

Третий топор, видимо бронзовый (рис. 28, 3), отличается сильно расширенной лезвийной частью при значительно более тонком и легком теле топора. Обушная часть с отверстием для насадки несколько снижена по сравнению с телом; она охвачена сзади и по бокам тремя выступающими ребрами с двумя ложбинками между ними.

Наконец следующие три топора (рис. 29, 1—2) типологически дают дальнейшее развитие этой формы. При широком лезвии проушина для насадки на рукоять сделана очень низкой и относительно более слабой, чем они напоминают узкие «дольменные» секиры

¹ Сообщение директора Геленджикского музея И. И. Аханова.

² А. В. Schmidt. Ук. соч., стр. 20.

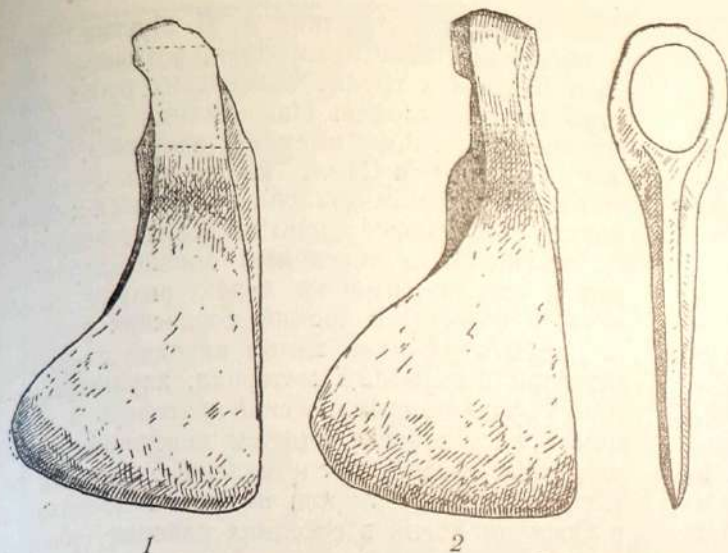

Рис. 29. Бронзовые топоры-секиры с р. Сочи. Сочинский музей ($1/2$ нат. вел.).

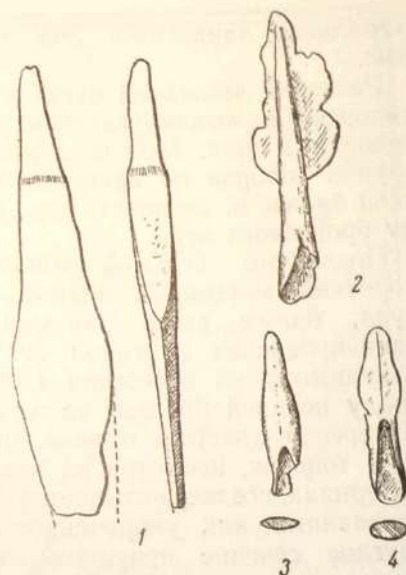

Рис. 31. Находки с р. Сочи.

1 — нож; 2 — наконечник дротика;
3 — 4 — наконечники стрел. Медь (?).
Сочинский музей ($1/8$ нат. вел.).

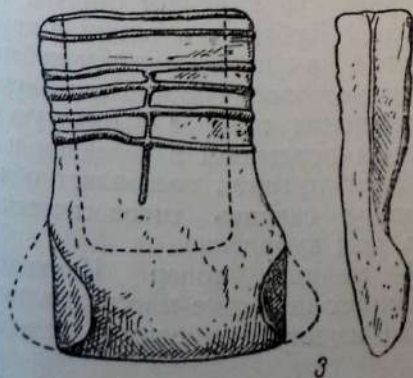
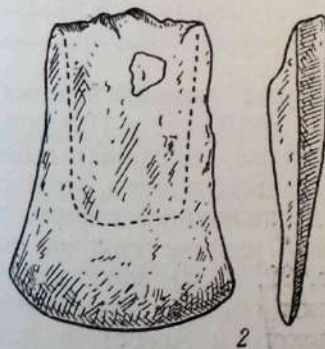
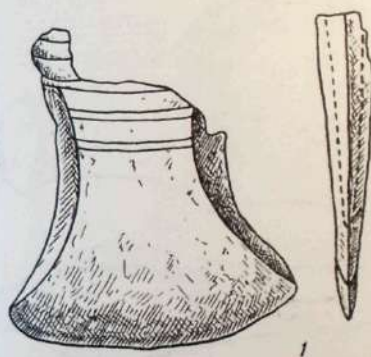

Рис. 30.

Медные и бронзовые кельты с р. Сочи. Сочинский музей ($1/2$ нат. вел.).

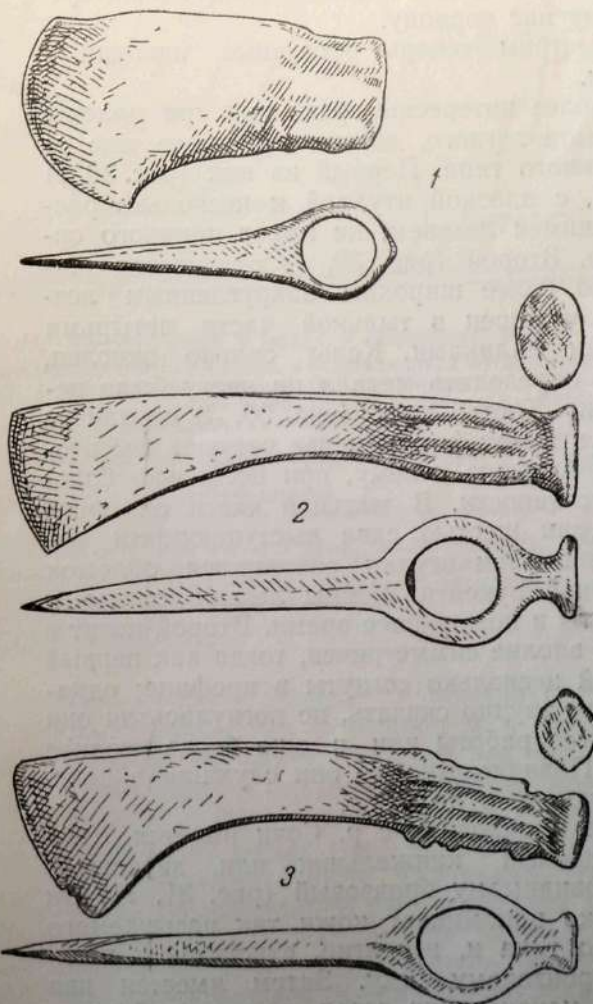

Рис. 32. Топоры из Пицундского клада 1935 г.

1 — медный, 2 — 3 — бронзовые (?). Сухумский музей ($1/8$ нат. вел.).

Западного Закавказья. Эти топоры — бронзовые.

Развитие лезвийной части у всех последних топоров аналогично ее развитию в кубанских топорах I типа. Можно думать, что вся эта группа топоров по времени синхронна кубанской бронзе и, следовательно, относится к концу бронзового века.

Последний, седьмой топор с р. Сочи — короткий, массивный медный топор типа колуна, ближе всего напоминающий топоры раннекубанских курганов ст. Новосвободной; по видимому об отнесении этого топора к периоду поздней бронзы не может быть речи. Интересно отметить однако, что серия сочинских топоров, несмотря на различия формы и материала, все же связывается воедино такими признаками, как укороченность пропорций и круглое сечение проушины, восходящими к очень раннему времени, тогда как в появлении желобков в обушной части и в расширении лезвийной части мы не можем не видеть признаков более позднего развития. Вопрос о возрасте этих топоров будет рассмотрен еще ниже, но в общих чертах по меньшей мере большинство из них можно относить к интересующему нас периоду.

Рассмотрим теперь остальные находки с р. Сочи.

Наиболее интересны среди них три маленьких кельта легкого, до сих пор нигде еще не встреченного типа. Первый из них (рис. 30, 2) медный, с плоской втулкой и несколько расширяющимся лезвием, не имеет никакого орнамента. Второй (рис. 30, 1) отличается значительно более широким закругленным лезвием и украшен в тыльной части четырьмя плоскими валиками. Кельт сильно окислен, так что определить металл по цвету было невозможно. Третий кельт (рис. 30, 3) сделан из бронзы и имеет форму менее четкую, чем второй, но близкую к нему, при несколько большей массивности. В тыльной части он орнаментирован шестью едва выступающими валиками. Внутри втулки сохранился обломок деревянной рукояти. Концы лезвия смяты и завернуты в позднейшее время. Второй кельт в разрезе вполне симметричен, тогда как первый и третий несколько согнуты в профиле; однако сейчас трудно сказать, не погнулись ли они в процессе работы или в еще более позднее время. По видимому, все они служили в качестве топоров, а не тесел.

Далее в находках с р. Сочи имеется один поврежденный кинжальчик или двуострый нож, по видимому бронзовый (рис. 31, 1). Он несколько напоминает ножи так называемого срубного типа и, вероятно, относится к позднему бронзовому веку. Затем имеется два медных наконечника стрел с открытой втулкой (рис. 31, 3—4) и один наконечник дротика (рис. 31, 2), напоминающий по форме и размерам наконечники дротиков из Ново-Афон-

ской находки в собрании А. Л. Лукина¹. Как и последние, этот наконечник, возможно, следует отнести к группе колхидских бронз южного происхождения. Наконечники стрел, подобные сочинским, имеются, например, в музее Колхиды в Поти из раскопок холма «Наохваму» около Квалони и относятся к бронзовому веку; более точно их возраст пока еще не может быть определен; вполне вероятно, что и эти наконечники характеризуют собой южный элемент в составе сочинских находок.

Таким образом, в целом находки на р. Сочи дали интересный материал, характеризующий местный металлический инвентарь в позднем бронзовом веке, причем некоторые разновидности орудий, представленные сериями по нескольку экземпляров, не имели до находки в Сочи аналогий в соседних районах (топоры, кельты).

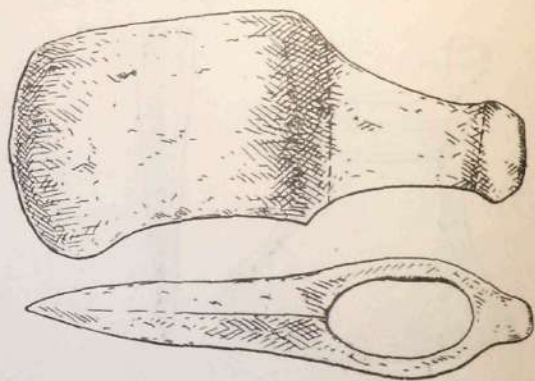

Рис. 33. Бронзовый топор из с. Куланурхва. Собр. А. Л. Лукина (1/2 nat. вел.).

5. Из состава уже упоминавшегося выше клада, найденного в 1935 г. в Пицунде, в Сухумском музее, кроме описанных выше топоров южного, колхидского типа, имеется еще три топора, представляющих интерес в связи с рассматриваемой сейчас группой изделий. Два из них (рис. 32, 2—3), по видимому бронзовые, ближайшим образом напоминают топоры Боргустанского и Агурского кладов и топор из случайной находки в районе Учкулана. Единственное существенное отличие их от топоров Верхней Кубани мы видим в круглой проушине, тогда как известные нам кубанские экземпляры имеют овальную или типичную для кубанско-колхидских топоров вытянутую проушину с четким перегибом в переднем и заднем конце. Этот признак заставляет оба пицундских топора считать типологически более ранними, чем кубанские.

Последний медный топор Пицундского клада напоминает короткие массивные топоры с р. Сочи. Он имеет расширенную лезвийную

¹ А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. «Труды Отдела истории первобытной культуры», т. I. Гос. Эрмитаж, Л., 1941, стр. 44 и табл. VIII, 2 и 4.

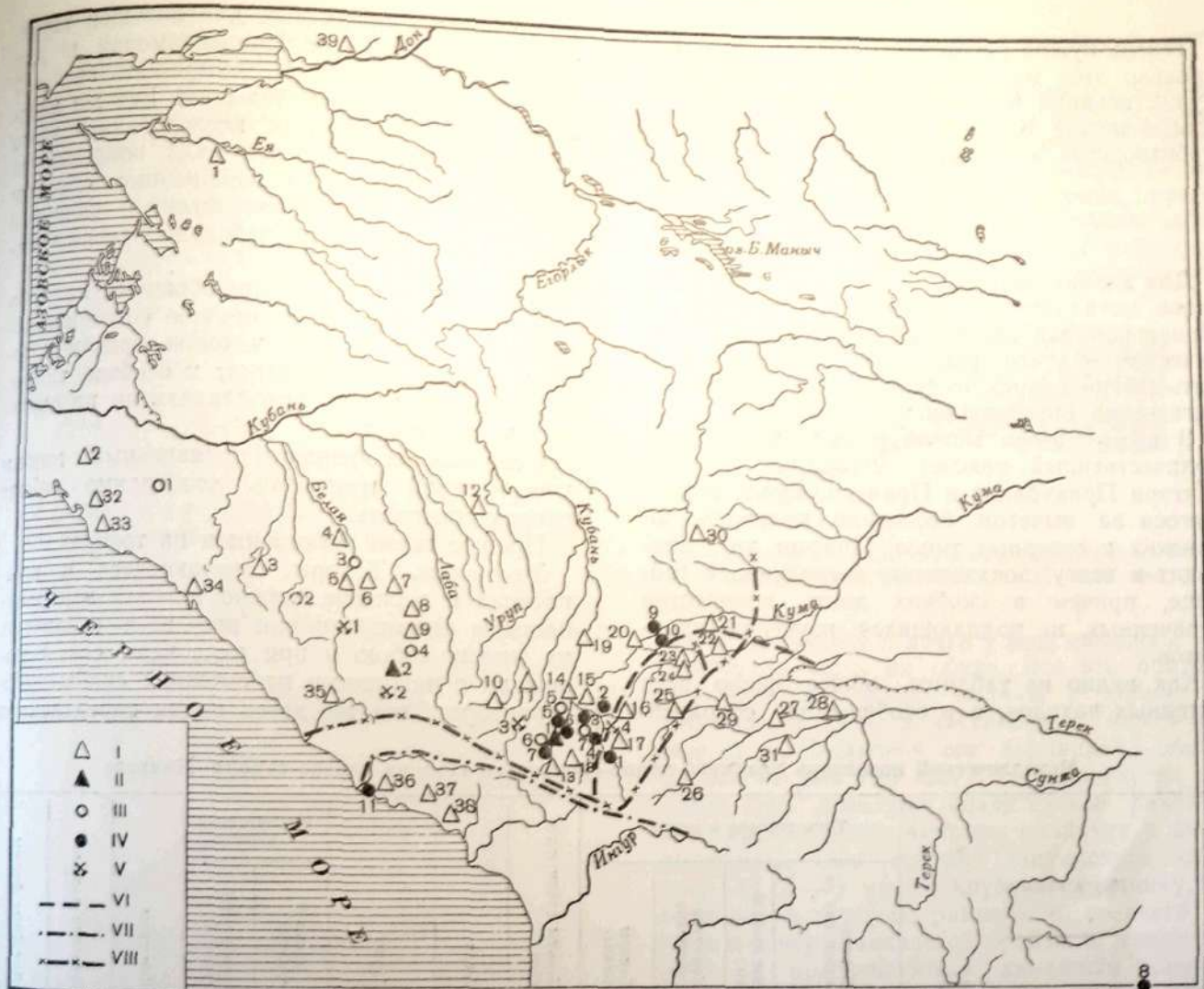

Рис. 34. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в позднем бронзовом веке.

I. Отдельные находки изделий: 1 — из долины р. Ея, 2 — Крымская, 3 — Хадзыкенская, 4 — «Майкоп», 5 — Каменноостовская, 6 — Новосвободная, 7 — Бесленевская, 8 — Андриковская, 9 — Никитина поляна, 10 — р. Кыфар, 11 — Б. Зеленчук, 12 — Чамлианская, 13 — Гоначхир, 14 — Клухори, 15 — Даут, 16 — Худес, 17 — Учкулан, 18 — «Каракай», 19 — Баталпащинский район, 20 — Кумский мост, 21 — г. Бык, 22 — Пятигорск, 23 — Кисловодск, 24 — Березовка, 25 — долина Нарзагов, 26 — В. Баксан, 27 — Заюково, 28 — Ново-Ивановское, 29 — Каменноостовское, 30 — Круглодесное, 31 — Чегем, 32 — Геленджик, 33 — Адерби, 34 — р. Туапсе, 35 — Сочи, 36 — Пицунда, 37 — Куланурхва, 38 — Эшери, 39 — б. Донская область.

II. Литейные формы: 1 — В. Теберда, 2 — Сулимина поляна.

III. Места медной плавки: 1 — р. Афинс, 2 — р. Цине, 3 — выше Тульской, 4 — ур. Котел, 5 — ур. Амчата, 6 — р. Муху, 7 — р. Даут.

IV. Клады изделий: 1 — Хурзук, 2 — Индыш, 3 — Гиляч, 4 — Карт-Джирт (?), 5 — Агур, 6 — В. Теберда, 7 — Б. Хадзыбей, 8 — клад Кубанского музея (местонахождение неизвестно), 9 — Бекешевская, 10 — Боргустанская, 11 — Пицунда.

V. Древние медные рудники: 1 — верховья Белой (?), 2 — Псеашха, 3 — Марух, 4 — Багмурулан.

VI. Граница основного распространения изделий Кубанского очага.

VII. То же, Колхидского очага.

VIII. То же, Прикубанского очага.

часть, круглую проушину и в обушной части оформлен в виде трех валиков с двумя желобками между ними (рис. 32, 1).

6. Следующей находкой, которую нам необходимо упомянуть в данной связи, является медный топорик из с. Куланурхва, поступивший в 1939 г. в собрание А. Л. Лукина в г. Гудауты. Это медный топорик со свисающим узким, затупленным обушком, овальной проушиной и едва расширенным лезвием (рис. 33). Он входит в рассмотренную серию коротких топоров с р. Сочи и только что упомянутого топора из Пицунды.

7. Наконец, последняя находка представ-

лена легкой секирой, напоминающей кобанские формы, но относящейся к тому же их особому варианту, который мы выше видели в покупке из Майкопа. Найден этот экземпляр в с. Эшери близ Сухуми и находится в Сухумском музее (рис. 42, 1) ¹.

Последними двумя находками, территориально относящимися уже к области массового сплошного распространения бронзовых изделий колхидских типов, можно заключить обзор подлежащего рассмотрению фактического материала (рис. 34).

¹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, табл. XIV, 8.

Теперь нужно рассмотреть вопрос о том, насколько этот материал позволяет говорить о существовании в интересующее нас время на северо-западе Кавказа своего особого очага производства металла.

VII

Для характеристики местного элемента в составе металлических изделий Прикубанья и Причерноморья следует разобраться в типологическом составе рассмотренных находок и дать им по возможности более точные хронологические определения.

В итоге обзора можно прежде всего дать количественный подсчет металлического инвентаря Прикубанья и Причерноморья, остающегося за вычетом бесспорно колхидско-кобанских и северных типов. Подсчет этот приводит к итогу, показанному в следующей таблице, причем в скобках даны количества утраченных, не поддающихся изучению предметов.

Как видно из таблицы, общее число всех учтенных находок, а в особенности сохранен-

ных в музеях предметов, для большой территории Прикубанья и Причерноморья и для длительного периода в четыре-пять столетий остается еще очень небольшим. Все же некоторые возможности для исследования этого материала даны наличием ряда комплексных находок, включающих синхронные образцы различных по назначению орудий и наличием по ряду типов хотя бы небольших серий предметов.

При взгляде на таблицу обращает на себя внимание прежде всего стойкое сочетание топоров и серпов в ряде находок, причем и топоры и серпы принадлежат к особым типам, отличным от типов, преобладающих на смежных территориях.

Основные особенности выявленных нашим учетом серий предметов необходимо сейчас охарактеризовать.

Прежде всего остановимся на топорах.

Топоры. Топоры, сочетающиеся в комплексах с серпами, можно назвать верхнекубанским типом, так как при всех различиях их между собою и при ряде черт, связывающих их с находками на смежной «кобанской» территории, все же здесь видна определенная

Металлический инвентарь позднего медно-бронзового века на северо-западе Кавказа

Места находок	Типы топоров и секир				Кельты сочинского типа	Тесла	Серпы	Наконечники копий		Кинжалы	Булавы разные	Литые формы
	Верхнекубанские	Вислобугинские ²	Короткие сочинские	Секиры легкие				с цельной трубкой	с разрезной трубкой			
Индышский клад	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Гилячский клад	2	—	—	—	—	—	(30)	—	—	—	—	—
Покупка из Карт-Джурт	1	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—
Агурский клад	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Клад из Верхней Теберды	(44)	—	—	—	—	—	(17)	—	—	—	—	(+)
Клад Краснодарского музея . .	—	—	—	—	—	—	2(+29)	—	—	—	—	—
Бекешевский клад ¹	1	—	—	—	—	2	3(+?)	—	—	1	—	—
Боргустанский клад	19(+11+?)	—	—	—	—	2(+6)	1(+9)	1(+2)	—	—	—	—
Могила у Бык-горы ²	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Отдельные находки на Верхней Кубани и Теберде	1	—	—	—	—	—	2	2	—	1	8	—
Крымская ст., Мазепинский курган	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—
Отдельные находки западнее Теберды ³	(2)	—	1	2	—	—	5	10	1	1	3	1
Отдельные находки из Прикубанья без указания места	—	7	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Отдельные находки в Причерноморье ⁴	—	—	8	1	4	—	—	4	1	—	—	—
Пицундский клад ⁵	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего найдено	>84	7	10	3	4	10	>105	22	2	4	11	>2
Из них доступны для исследования	27	7	10	3	4	4	20	20	2	4	11	1

¹ Сверх того один или два кельта северных, степных типов.

² Сверх того кинжал кобанского типа.

³ Сверх того однолезвийный нож, ножны кинжала, фибула, браслеты, пронизи и т. п.

⁴ Сверх того двулезвийный нож, наконечник дротика.

⁵ Сверх того два топора южных, колхидских типов и два топора утрачены.

группа изделий, отличающаяся от всех других групп кавказских топоров.

Для всей этой серии топоров характерно наличие черт, связывающих их, с одной стороны, с кобанскими топорами I типа и, с другой стороны, с более древними топорами II тысячелетия, в небольшом числе известными из Прикубанья и смежных районов Северного Кавказа. К сожалению, мы имеем достаточные сведения лишь о 27 экземплярах топоров из семи находок, тогда как найдено их было значительно больше. Из этих семи находок шесть являлись комплексными, причем в одной рассматриваемые топоры сочетались с топорами иных форм (Пицундский клад), а в пяти — с серпами, в том числе в двух случаях (Боргустанский и Бекешевский клады) также и с другими орудиями. К этой же серии можно относить и литейную форму для топора, найденную в Кавказском заповеднике¹.

Из всей этой группы топоров, отливавшийся в этой форме (рис. 35) был наиболее коротким;

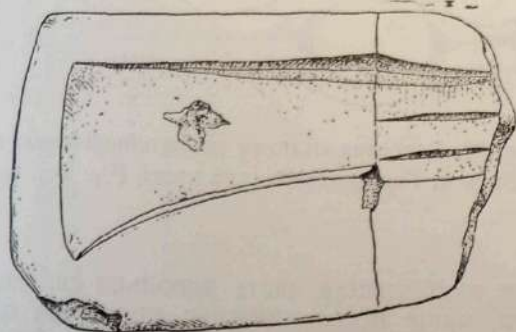

Рис. 35. Каменная литейная форма из Кавказского заповедника. Майкопский музей (1/2 нат. вел.)

к сожалению, о деталях его судить нет возможности, так как отсутствует обушная часть формы. Прямой спинкой и почти прямым лезвием этот топор наиболее приближается к топору из Агурского клада. По сторонам проушины, форма которой не отмечена зарисовавшим литейную формочку Б. Е. Деген-Ковалевским, топор имел по три ребра (или по два желобка между ними). Вместе с тем, относительно короткое тело топора своими размерами и пропорциями напоминает такие более ранние экземпляры, как топор из Келермесского кургана № 5 (рис. 36)², найденный в сочетании с другими медными орудиями и украшениями типичного «среднекубанского» облика, относящимися ко времени около середины II тысячелетия до н. э. Наличие же трех ребер по сторонам проушины является при-

знаком, роднящим эту литейную форму уже с топорами кобанского I типа.

По сравнению с этой литейной формой, все топоры рассматриваемой серии характеризуются значительно большим размером и более вытянутыми пропорциями. Все они отливались в двустворчатых литейных формах, причем металл в них вливался со стороны обуха. У всех топоров более или менее расширена лезвийная часть, все они имеют ребра по сто-

Рис. 36. Медный топор из кургана № 5 в ст. Келермесской. Гос. Эрмитаж (2/3 нат. вел.).

ронам проушины и почти у всех выделена «молоточная» часть на обухе. Все эти признаки сближают эту серию топоров с кобанскими топорами I типа, в частности с намеченной еще П. С. Уваровой его вариацией, обозначенной ею как тип «Д»¹. Однако внутри этой серии есть довольно значительные различия. Так, прежде всего заметны различия в форме проушины. Оба топора Пицундского клада (рис. 32, 2—3) имеют круглую проушину, входящую к топорам раннего и среднего периодов северо-кавказской бронзы и, в конечном счете, к просверленным каменным топорам. Топор из Учкулана отличается слегка овальной проушиной, тогда как серия топоров Боргустанского клада дает различные варианты овальных проушин вплоть до типичного для кобанских и колхидских топоров вытянутого овала с резким перегибом на его концах. Овальна проушина и агурского топора. Топор Бекешевского клада имеет типично-кобанскую проушину.

По характеру оформления обушной части большая часть топоров имеет более или менее выраженную так называемую (и неправильно называемую) «молоточную часть» в виде отделенного шейкой от заднего обвода проушины литка, различным образом оформленного. Почти нет шейки у топора Дагестанского музея (покупка из Карт-Джурта) и совсем снята вся обушная часть, сведенная к небольшому гребешку на обухе, у двух топоров из Гилячского клада.

Лезвие у большинства топоров лишь слегка закруглено, нижняя (вернее — задняя) грань тела топора почти прямая. Только у немногих экземпляров относительно сильное закругление

¹ Повидимому, близкий топор находился и в собрании В. Р. Алухтина из Пятигорья, выставленном на Харьковском археологическом съезде в 1902 г., планш. 104.

² ОАК, 1904, стр. 96, рис. 164.

¹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, МАК, VIII, 1900, стр. 16.

лезвия и изгиб нижней грани приближаются к формам топоров кобанского I типа, в частности к его основной рабочей разновидности, типу «В», по П. С. Уваровой (топор № 16 Боргустанского клада, рис. 20, 4; в особенности — топор из Гилячского клада, рис. 16).

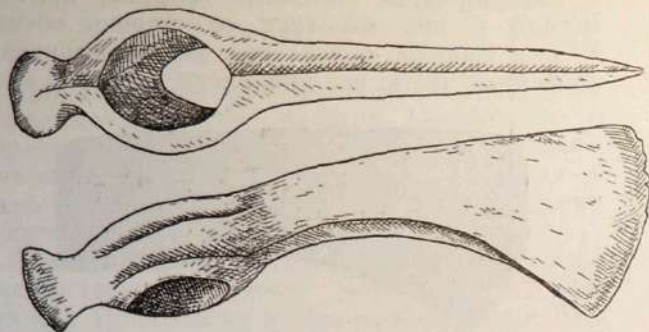

Рис. 37. Бронзовый топор из Боргустанского клада. Пятигорский музей ($\frac{1}{3}$ нат. вел.).

Наконец, следует упомянуть, что по числу ребер по сторонам втулки топоры можно разделить на четырехреберные (№№ 16, 17, 18 и 19 Боргустанского клада; топор собрания Зичи из Учкулана — рис. 15) и трехреберные (все 22 остальных экземпляра; рис. 37). По общему облику и соотношению частей имеется целая шкала вариаций от изящных вытянутых форм пицундских топоров к несколько более массивным топорам Агурской, Учкуланской и Боргустанской находок и к еще более коротким и грубым формам из Карт-Джурта, Бекешевской и с Гиляча.

В хронологическом отношении из всех охарактеризованных признаков, как мне кажется, наибольшее значение имеет форма проушины. Я бы поэтому относил топоры Пицундского

Рис. 38. Бронзовый топор типа «Д». Кобан. Гос. Эрмитаж, из собрания Бобринского ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

клада, сохранившие еще круглую проушину, к несколько более раннему времени, чем все остальные разбираемые экземпляры. К более раннему времени, чем основная масса рассматриваемых топоров, относится, вероятно, также и литейная форма из Кавказского заповедника.

Нам остается выяснить вопрос, можно ли приурочить рассматриваемую группу топоров к

Прикубанью, или же она развилась на более широкой территории. Думается, что появление двух, видимо ранних, представителей нашей группы в Пицундском кладе объясняется проникновением их туда с северных склонов Кавказского хребта, так как Западное Закавказье, от Абхазии до Аджарии и Имеретии, совершенно не знает подобных форм. С другой стороны, на Северном Кавказе известные аналогии нашей группе имеются в виде топоров упомянутого типа «Д» П. С. Уваровой. Этот тип сейчас может быть прослежен в 11 экземплярах в Осетии (Верхний Кобан — семь экземпляров, рис. 38; Кумбулта — один; Чми — два; Инал — один). Из числа этих то-

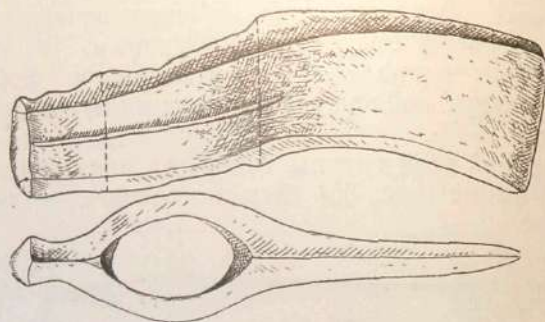

Рис. 39. Гипсовая отливка по литейной форме из с. Зильги. Гос. исторический музей ($\frac{1}{3}$ нат. вел.).

поров наибольшая часть довольно сильно изогнута, чаще всего дважды: проушина опущена по сравнению с телом топора, а обушная часть вновь приподнята¹. Наиболее близок к верхнекубанской группе, в частности к топору из ур. Агур, только один топор из Кобана, найденный В. И. Долбежевым в 1887 г.² Но и в этом случае перегиб у переднего края проушины мешает полному сближению. Топоры группы «Д» несомненно были в Осетии местными изделиями. Об этом свидетельствует также и каменная литейная форма из Зильги, сохраненная в виде гипсовой отливки в Историческом музее в Москве. В свое время, на основании плохого изображения у П. С. Уваровой, я отнес эту форму к более раннему времени среднего периода эпохи меди и бронзы³. На эту ошибку обратил внимание Е. И. Крупнов⁴.

¹ Например, П. С. Уварова. Ук. соч., табл. VI, 2 (Кобан), LXIII, 3 (Чми). E. Dullo. Die kaukasischen Äxte der Bronzezeit. «Prähistorische Zeitschrift», XXVII, 1936, стр. 75, рис. 4, 2 (Кумбулта).

² Гос. исторический музей, инв. № 25276.

³ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 101—102. П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 366, рис. 297—298.

⁴ Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Труды ГИМ, VIII, 1938, стр. 39, прим. 1.

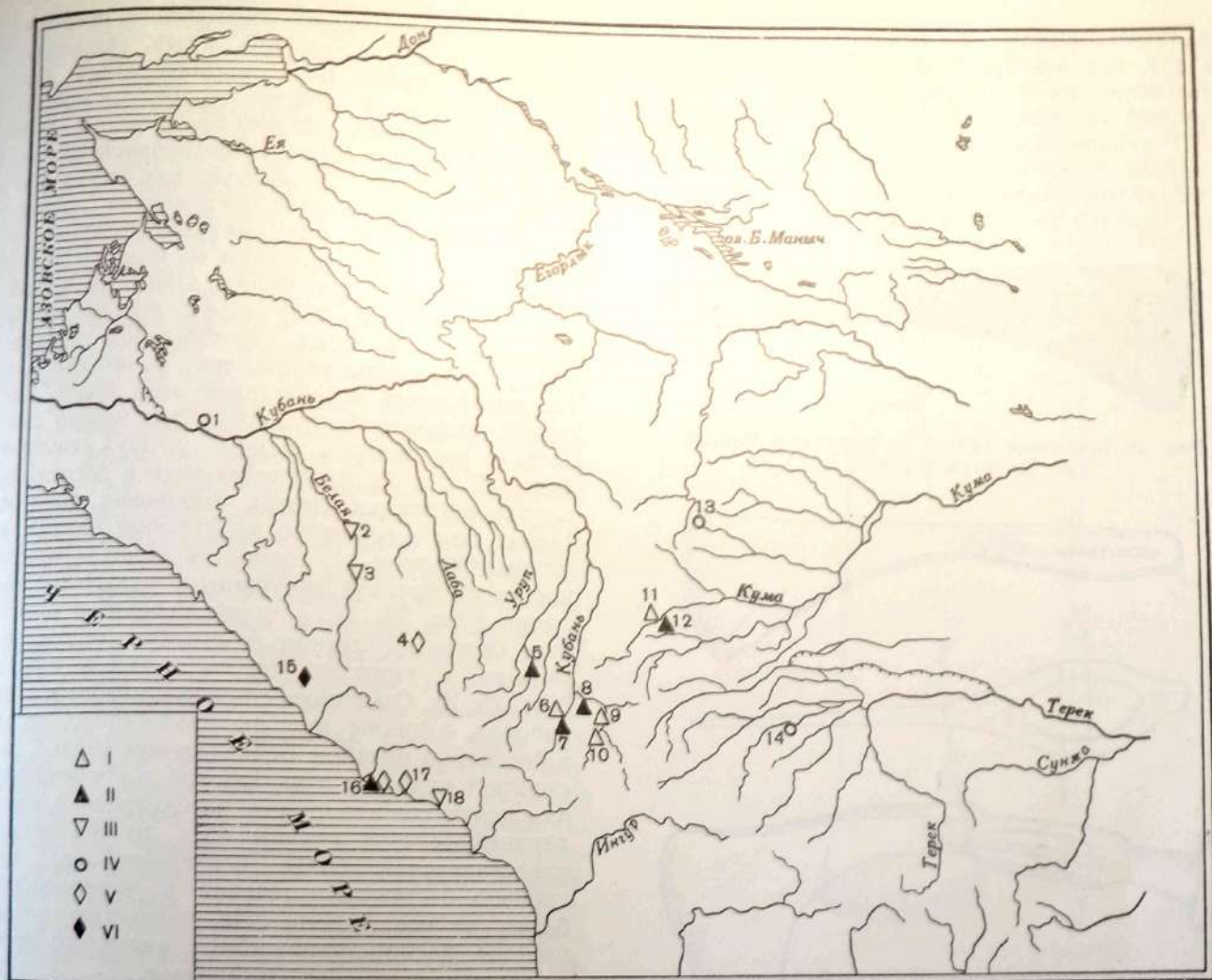

Рис. 40. Распространение топоров Прикубанского очага металлургии и металлообработки в позднем бронзовом веке.

I—верхнекубанские типы, отдельные находки. II—то же, групповые находки. III—легкие секиры. IV—вислобушные типы. V—короткие топоры и секиры, отдельные находки. VI—то же, групповые находки. 1—Кубанская область (?); 2—Майкоп; 3—Каменноостская; 4—Никитина поляна; 5—Б. Зеленчук; 6—Агур; 7—В. Теберда; 8—Гиляч; 9—Карт-Джурт (?); 10—Учкулан; 11—Бекешевская; 12—Боргустанская; 13—Круглолесское; 14—Чегем; 15—Сочи; 16—Пицунда; 17—Куланурхва; 18—Эшери.

Зильгинская форма служила для отливки топоров с типично кобанской проушиной, с тремя ребрами по ее сторонам и с обушной «молоточной» частью (рис. 39). Вместе с тем форма тела топора соответствует форме некоторых топоров группы «Д»¹. Однако зильгинский топор много массивнее всех этих топоров. Таким образом, форма относится к позднему периоду эпохи бронзы и служила для отливки топоров грубого варианта типа «Д», не известного нам пока в оригиналах и заметно отличающегося от верхнекубанского типа.

В итоге разбора можно признать, что топоры верхнекубанского типа являются изделиями местного производства в Прикубанье и достаточно четко выделяются из всех синхронных им групп других районов Кавказа. Про-

изводство их, вероятно, не ограничивалось областью Верхней Кубани и Теберды, откуда происходит основная масса найденных до сих пор топоров этой группы (рис. 40). Такие топоры производились и в более западных районах, о чем свидетельствует находка литейной формы в Кавказском заповеднике, а также и двух топоров в Пицундском кладе. Дело в том, что из района Пицунды и устья Бзыби перевальные тропы ведут не в бассейн Теберды, а в значительно более западные районы, в верховья Большой и Малой Лабы.

Кроме разобранных нами группы топоров, мы в занимающем нас районе установили наличие пока единичных легких секир, также свидетельствующих о близости к кобанской группе Центрального Кавказа, но заметно отличающихся от того, что мы знаем там. Это две однотипных маленьких секиры из Эшери и из покупки в Майкопе и более сложной

¹ В особенности близка форма топора из Кобана; см. П. С. Уварова. Ук. соч., табл. VI, 2.

формы секира из ст. Каменноостской (рис. 41 и 42). Все эти три экземпляра имеют черты, роднящие их с только что рассмотренной группой топоров.

В данной связи нет возможности касаться вопроса о генезисе «кобанской» металлургии. Достаточно сказать, что в сложении комплекса изделий из бронзы, представляющихся ха-

Рис. 41. Бронзовая секира из покупки в Майкопе. Гос. Эрмитаж ($1/2$ (нат. вел.).

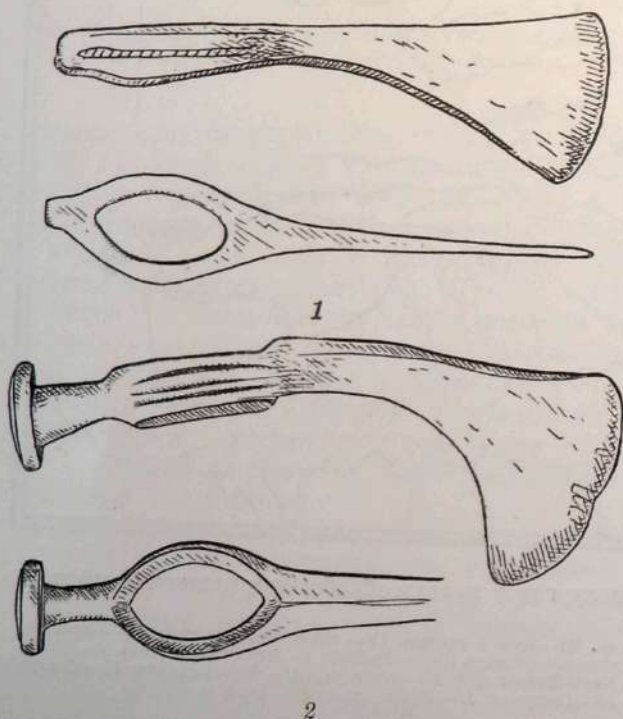

Рис. 42. 1 — Бронзовая секира из Эшери. Сухумский музей; 2 — бронзовая секира из Каменноостской станицы. Майкопский музей ($1/2$ нат. вел.).

актерными для собственно-кобанской культуры, несомненно сильнейшее влияние оказали смежные области Закавказья, где в это же время складывается колхидская культура, по своему металлическому производству ближайше родственная кобанской. Культурное воздействие юга нашло свое отражение и в двух рассмотренных группах топоров и секир, причем воздействие это, пожалуй, в большей мере было вторичным, через северо-кавказскую кобанскую культуру, чем непосредственное со стороны колхидской культуры Причерноморья.

Совсем другие культурные традиции и связи вскрываются при рассмотрении двух других групп топоров.

К первой из них относятся разобранные

выше тяжелые топоры неизвестного происхождения из Краснодарского музея, связывающиеся с топорами Бериславского клада. Как уже отмечалось, в этой группе топоров наблюдается в основном дальнейшее развитие производственной традиции среднекубанского времени. Об этом свидетельствует как форма всего орудия, так и малое расширение лезвия, валики в обушной части, круглая проушина и отливка в формах с литком со стороны верхней (передней) грани топора. Однако и в этой группе есть отдельные черты, говорящие о дальнейшем развитии, параллельном кавказскому (кобанско-колхидскому) развитию, или же вызванному воздействием этой более высокой технической культуры. Это можно сказать о расширении лезвия у двух топоров (рис. 26, 2 и 3), приобретающего в последнем случае очертания лезвия кобанских топоров I типа при совершенно иной форме орудия в целом. Об этом же говорит и наличие овальной, а не круглой проушины у одного из топоров (рис. 26, 1), а также переход к литым формам с литком со стороны обуха, заметным у этого же топора и еще у одного (рис. 25, 2). Сочетание старого и нового в этих топорах, а также наличие аналогичных форм в бесспорно позднем Бериславском кладе¹, заставляет видеть в этих топорах современников или почти современников рассмотренной нами верхнекубанской группы и, в то же время, представителей более консервативного, несколько отстающего течения в металлообработке, не усвоившего еще полностью новые приемы, распространяющиеся, насколько можно судить, с юга, из Закавказья.

К сожалению, места находок этих топоров остаются неизвестными, вследствие чего нельзя сказать, были ли они распространены на той же территории, что и верхнекубанская группа, или же в более западных районах. В первом случае между ними можно было бы допустить некоторую хронологическую градиацию, но относительно весьма небольшую, так как обе группы топоров, через Бериславский клад, связаны между собою сочетанием с серпами одного типа. Думать же о северном, украинском происхождении этих топоров оснований нет, так как подобные им формы на Украине встречаются редко среди совершенно иного материала, тогда как на Кавказе, в Причерноморье, теперь известна еще одна родственная группа медно-бронзовых топоров, не имеющих никаких аналогий на севере.

Эта последняя группа представлена сейчас всего 10 экземплярами, в отличие от рассмотренных групп, вероятно, разновременными. Сюда входят семь топоров с р. Сочи, один с

¹ А. Добровольский. Ук. соч., стр. 158—159. табл. I, 10—14.

Никитиной поляны на Малой Лабе, один из Пицундского клада и последний — из с. Куланурхва. Среди них имеется один, не издаваемый нами, топор с Сочи, видимо относящийся к раннекубанскому времени, и топор с Никитиной поляны на Малой Лабе (рис. 23, 3), возраст которого нам неясен. Остальные восемь топоров сохраняют идущую из прошлого, с раннекубанского времени, короткую форму, но относятся безусловно к позднему бронзовому веку. Один из них, с р. Сочи (рис. 28, 1), имеет гладкий слегка свисающий обух, у трех других в обушной части с обеих сторон по два желобка (рис. 28, 2—3 с р. Сочи и рис. 32, 1 из Пицундского клада). У всех этих топоров проушины круглые, у двух — одного из Сочи и одного из Пицунды — лезвие расширено и закруглено. Последние четыре топорика представляют более легкий, быть может боевой, вариант; лезвие у них значительно расширено, обушная часть слабая, особенно у трех топориков с р. Сочи (рис. 29, 1—2), тогда как четвертый, из Куланурхва (рис. 33), отличается несколько большей массивностью и отчетливо выраженным овалом проушины, только намеченным у одного из сочинских экземпляров. В этих последних топориках мы, таким образом, может быть должны видеть скрещение трех элементов: идущей из раннекубанской культуры короткой формы, слабой обушной части, продолжающей традицию западно-закавказских узких «дольменных» секир и нового воздействия колхидской культуры, сказавшегося в расширении лезвия и в переходе к овальной проушине. Форма этих последних четырех топориков явно нерациональна и встречаются они действительно только в узком районе Черноморского побережья в районе встречи указанных производственных традиций. Распространения и дальнейшего развития эта форма не получила.

Кельты. Происходящие с р. Сочи три легких кельта (рис. 30) не имеют пока никаких аналогий, ни на Кавказе, ни в других областях. Может быть их распространение на северо-западе Кавказа было шире, чем это можно установить сейчас, но вряд ли они выходили за пределы ближайших к Причерноморью районов Закубанья и, может быть, Тамани и Крыма. Первой находкой, выводящей сочинскую группу кельтов из полной изоляции, является находка обломка кельта, видимо такого же типа, в окрестностях Геленджика в 1949 г. Возраст этих кельтов не может быть ни в коем случае старше позднего периода эпохи бронзы.

Тесла. В Бекешевском и Боргустанском кладах найдено было десять тесел, из которых сохранилось четыре. Возраст их подтвержден наличием их в двух синхронных комплексах. По форме два больших тесла из Бекешевской (рис. 21, 7) и меньшее по размеру из Боргу-

станской (рис. 20, 2) однотипны и представляют несколько более массивные реплики тесел среднекубанского времени, найденных, например, в кладе из Привольного¹. Вместе с тем они отличаются от более поздних, относящихся к непосредственно предшествующему периоду, тесел из клада Костромской станицы, имеющих значительно более расширенное лезвие². Таких почти трапецевидных тесел, с едва закругленным лезвием, мы в датированных находках позднего периода бронзы больше нигде не знаем. Второе тесло Боргустанского клада (рис. 20, 3) более вытянуто и

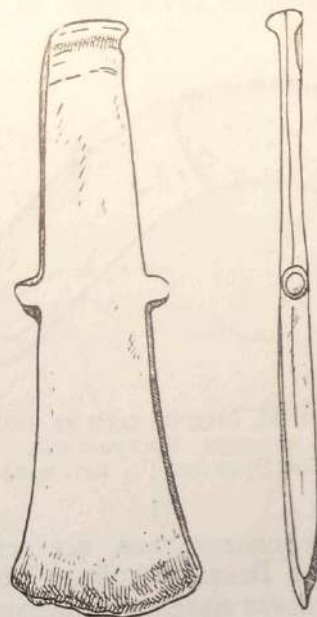

Рис. 43. Бронзовое тесло из могилы на р. Березовке. Гос. исторический музей (1/2 нат. вел.).

имеет на боковых гранях пару небольших плечиков или выступов, служивших для крепления тесла в рукояти; ниже выступов форма и размеры его полностью совпадают с первым теслом из того же клада. Бронзовые тесла с плечиками часто встречаются в Закавказье, но точных аналогий нашему экземпляру там указать нельзя. На Северном Кавказе единственная аналогия — это бронзовое тесло из раскопанного Н. М. Егоровым в 1946 г. погребения на Березовке близ Кисловодска (рис. 43). Тесло это найдено в комплексе с железным наконечником копья, железным кинжалом с бронзовой рукоятью и другими предметами, позволяющими датировать погребение относительно поздним временем — вероятно, VII в до н. э.³

¹ ОАК, 1894, стр. 42, рис. 60.

² ИАК, вып. 65, 1918, стр. 17, рис. 11. Аналогичные беспаспортные тесла в Краснодарском музее, возможно, происходят из этой же находки.

³ Находки из этого погребения поступили в Исторический музей.

К северу от Кавказа подобные медные тесла с плечиками известны лишь в Западном Приуралье — три отдельных находки, одно тесло из клада, найденного в с. Миловка близ Уфы¹, и наконец, литейная форма для ряда предметов, в том числе для подобного тесла, из с. Зирган близ Стерлитамака². Обе последние находки датируются значительно более ранним временем — около рубежа II и I тысячелетий до нашей эры. На промежуточных территориях тесла с плечиками пока совершенно не известны. Вероятно, соответствующее усовершенствование их формы сделано было в Приуралье независимо от развития на Кавказе.

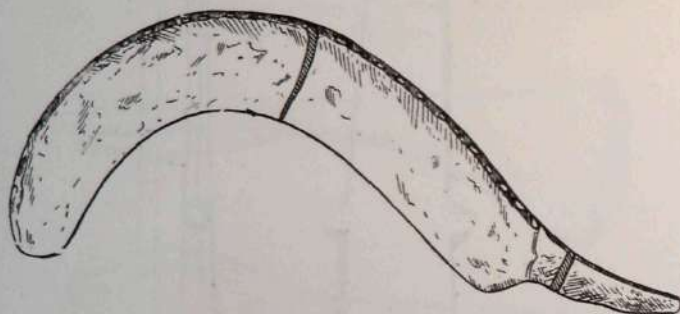

Рис. 44. Медный серп из клада станицы Костромской. Гос. Эрмитаж (1/3 нат. вел.).

Имеются, следовательно, все основания считать четыре тесла из Бекешевской и Боргустанской местными изделиями верхнекубанского металлургического района.

Серпы. Металлические серпы на Северном Кавказе появляются еще во II тысячелетии, на позднем этапе среднего периода медно-бронзовой эпохи. Мы их знаем в кладах из Костромской станицы в Эрмитаже и из Майкопского округа в Краснодарском музее, представляющих, повидимому, разрозненные части одной большой находки³. Серпы эти медные, довольно сильно изогнуты и имеют широкий, слегка отогнутый назад выступ для укрепления в рукояти (рис. 44). Всего в Эрмитаже три серпа, а в Краснодарском музее 14 серпов и обломки еще 20 других. Найдены эти сделаны вместе со слитками меди и не оставляют сомнений в местном изготовлении этих орудий. Того же типа серп был и в коллекции В. Р. Апухтина, собранной, в основном, в районе Пятигорья⁴.

Серпы позднего бронзового века известны теперь на Северном Кавказе в ряде пунктов, перечисленных нами выше. Вне рассмотренной нами территории, в центральных районах Предкавказья, подобные серпы найдены лишь в четырех экземплярах. Обломок серпа обнаружен А. С. Уваровым в 1882 г. около Пятигорска, между Машуком, станицей Константиновской и селением Каррас, в погребении № 3¹. Другой серп происходит, повидимому, из Баксанского ущелья (из с. Верхний Баксан?) и хранится в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР². Затем небольшой обломок серпа из с. Заюкова на Баксане хранится в музее в Нальчике, и, наконец, там же сохранился серп из с. Ново-Ивановского в низовьях Баксана, найденный в безурганном погребении в 1914 г.

Севернее, на Дону, можно указать только один близкий серп неизвестного происхождения в Новочеркасском музее (рис. 47, 1), при преобладании в Подонье совершенно иного типа серпа.

Разбираемая группа серпов отличается от более ранних, типа Костромской станицы, несколько иной формой, иногда большей изогнутостью и часто резким, почти под прямым углом, перегибом от спинки к рукояти; последняя заканчивается раскованным длинным и острым стержнем для крепления в рукояти. Серпы эти, так же как и более ранние, отлиты в форме, состоявшей из одной створки с матрицей и из плоской второй створки; после отливки серпы подвергались дополнительной проковке, оттяжке стержня и зачистке на месте вливания металла, находящемся на середине спинки или на перегибе от спинки к рукояти. Литейные формы для этих серпов на Северном Кавказе пока не обнаружены, но несомненно, что и эти серпы, как и более ранние, изготовлялись в Прикубанье. Насколько можно судить по внешнему виду, серпы эти медные, а не бронзовые.

Область их распространения (рис. 45) обрисовывается достаточно четко. В Закавказье мы не знаем ни одного серпа подобного типа. Там распространены совершенно другие формы, крепившиеся в рукояти при помощи проходивших сквозь отверстия серпа гвоздей или обвязок³. Как уже сказано, на Дону преобладают опять-таки совершенно иные северо-черноморские формы серпов, связанные с волжскими и южно-уральскими производ-

¹ Хранится в Историческом музее. Не издано.

² Хранится в Свердловском музее. Издана: А. М. Tallgren. Collection Zaoussailov, I. Helsinki, 1916, стр. 21, рис. 18.

³ ИАК, вып. 65, 1918, стр. 174 и рис. 11; А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 96—97.

⁴ Фотографии выставки XI археологического съезда в Харькове в 1902 г., имеющиеся в Пятигорском музее.

¹ Каталог собрания древностей А. С. Уварова, отд. IV—VI. М., 1907, стр. 7. Хранится в Гос. историческом музее.

² Инв. № 2392/33, из коллекции В. Е. Грум-Гржимайло. Видеть этот серп мне до сих пор не удалось.

³ Ср. Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XII—В, Тбилиси, 1944, стр. 324—326, табл. IX, X и XI, 4.

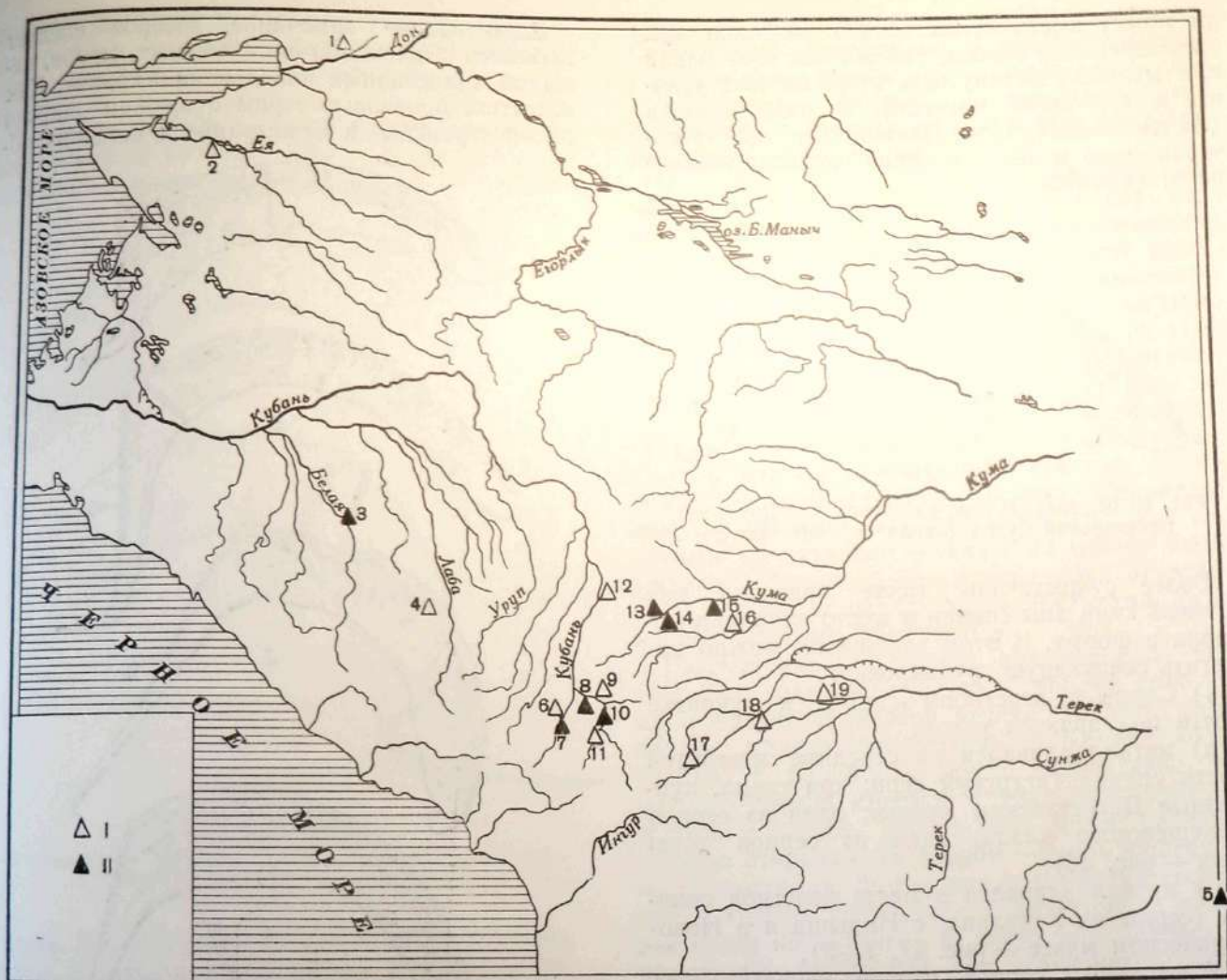

Рис. 45. Распространение серпов Прикубанского очага металлургии и металлообработки.

I — отдельные находки серпов. II — групповые находки серпов. 1—6. Донская область; 2— долина р. Еи; 3— Майкоп; 4— Андриковская; 5— клад Кубанского музея (место находки неизвестно); 6— Агур; 7— В. Теберда; 8— Гиляч; 9— Индыш; 10— Карт-Джурт (?); 11— Учкулан; 12— Баталпащинский район; 13— Бекешевская; 14— Боргустанская; 15— г. Бык; 16— Пятигорск; 17— В. Баксан; 18— Заюково; 19— Ново-Ивановское.

ственными традициями. Крым также не дал пока близких к кубанским находок, тогда как из восточного Предкавказья нет вообще ни одной находки медного серпа. В то же время Кубань и Пятигорье, от Майкопа до Баксана, дали все же не менее 105 серпов позднего периода меди и бронзы и 38 — среднего периода; вне этой территории — только два экземпляра. Таким образом, Прикубанье образует замкнутую территорию местного распространения серпов этого типа. Иное дело — вопрос о близости поздних прикубанских серпов с некоторыми серпами Нижнего Приднепровья, на котором придется остановиться.

Нужно сказать, что рассматриваемая сейчас группа серпов все же не представляет полного единства. К сожалению, из свыше 107 найденных серпов сохранилось в музеях только 25, и из этих последних два остались мне неизвестными (серп Харьковского университета из Баталпащинского уезда и серп Музея антро-

пологии и этнографии с Баксана), а два других представлены концевыми обломками, не пригодными для суждения о деталях формы целого орудия (Заюково и др.). В итоге остается 21 экземпляр из 13 находок; из них только 6 находок дали серпы в сочетании с другими изделиями. Поэтому наблюдаемые различия в деталях формы наших серпов пока, впредь до накопления нового материала, еще не могут быть использованы для каких-либо выводов о их хронологической или территориальной группировке.

Предварительно можно наметить различия серпов по их профилю. Большая часть имеет отчетливо утолщенную спинку и далее резкое уменьшение толщины к режущему краю. Однако некоторые серпы отличаются более плоским профилем, почти одинаковой толщиной от спинки до режущего края, другие же серпы утоньшаются совершенно равномерно. Так как это различие в основном обусловлено характером вторичной обработки орудия, оно вряд

ли может иметь существенное значение при классификации серпов, так же как и большая или меньшая оттянутость стержня для рукояти и его загиб крючком. В ряде случаев (Андрюковская, Ново-Ивановское, серп Новочеркасского музея) стержень оказался вообще не откованным.

Рис. 46. Медный (?) серп из могилы у горы Бык. Пятигорский музей (около $\frac{1}{4}$ нат. вел.).

Более существенны такие признаки, как степень кривизны спинки и место вливания металла в форму. В этом отношении можно отметить следующую группировку:

1) Серпы с перегибом спинки к рукоятке почти под прямым углом:

а) металл вливался на середине изогнутой части спинки (агурский серп; три серпа, купленные Дагестанским музеем; один из серпов Бекешевского клада; один из серпов горы Бык — рис. 46);

б) металл вливался в месте перегиба спинки (серпы из Учкулана, с Индыша и в Новочеркасском музее — рис. 47, 1—3).

У некоторых серпов первой группы место вливания металла недостаточно выяснено и отнесение их к подгруппам а) или б) пока невозможно (два серпа из Бекешевской станции, один из могилы горы Бык — рис. 47, 4, серп Боргустанского клада). Два серпа из числа последних (Боргустанский и с горы Бык) имеют около перегиба спинки по одному отверстию, вероятно служившему для дополнительного крепления серпа.

2) Серпы с равномерно изогнутой спинкой, без резкого ее перегиба, причем место вливания металла остается невыясненным (два серпа из клада Краснодарского музея — рис. 48, 2; три серпа Карапетова; серпы андрюковский — рис. 48, 1; пятигорский и ново-ивановский).

Таким образом, все серпы из комплексных находок, включавших предметы другого назначения, вошли в первую группу, кроме серпа из Пятигорского погребения, раскопанного Уваровым и содержавшего разновременный инвентарь из вещей позднего периода бронзы и змеевиковой секиры значительно более раннего времени. Наша классификация, следовательно, может пока иметь лишь предварительное значение для сравнения с будущими находками.

Единственное замечание, которое следует добавить к описанию прикубанских серпов, касается аналогичных находок на Украине. Как известно, бронзовые серпы с крюком широко распространены в Семиградье и соседних об-

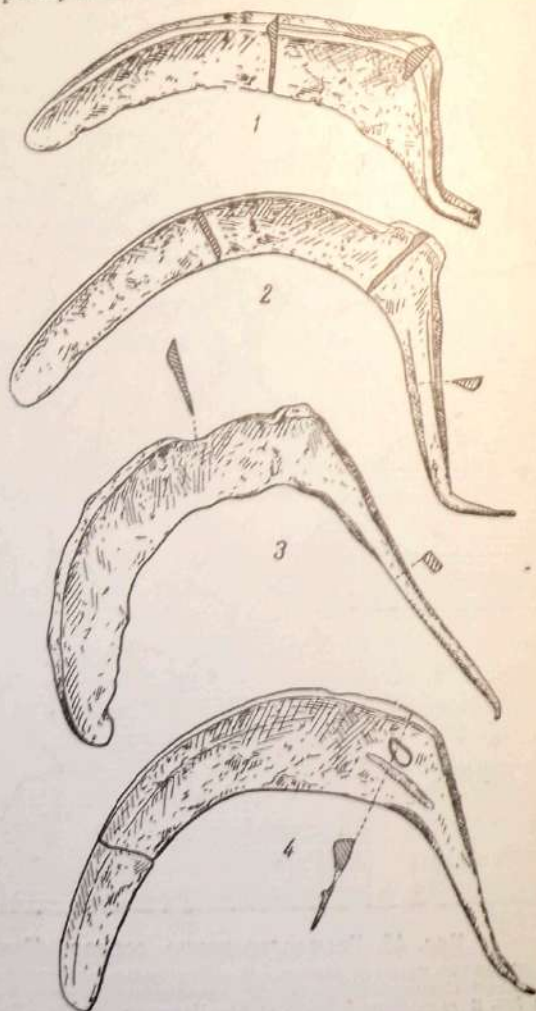

Рис. 47. Медные (?) серпы.

1—Новочеркасский музей; 2—Индыш, Краснодарский музей; 3—Учкулан, Майкопский музей; 4—могила у горы Бык, Пятигорский музей ($\frac{1}{4}$ нат. вел.).

ластях, являясь типичным орудием Семиградского центра металлургии позднего бронзового века. Крюк семиградских серпов короткий, массивный, литой, чем он резко отличается от раскованного в стержень крюка кубанских серпов. На территории Украины в этот же исторический период, помимо упоминавшихся серпов местных типов, наблюдается появление и семиградского типа. Вместе с тем на Нижнем Днепре и в прилегающих прибрежных районах имеются две комплексные находки с серпами, весьма близкими различным вариациям рассмотренных северо-кавказских экземпляров. Это уже упоминавшийся Бериславский клад Херсонского музея, содержавший семь серпов, целиком входящих в пределы вариаций северо-кавказских серпов¹ и известный

¹ А. Добровольский. Ук. соч., стр. 155—158.

Тилигульский или Коблевский клад Одесского музея, большая часть серпов которого (девять экземпляров) должна быть отнесена к этой же группе¹.

Тилигульский клад связан был с литейной мастерской, и поэтому серпы в его составе возможно считать продукцией местного произ-

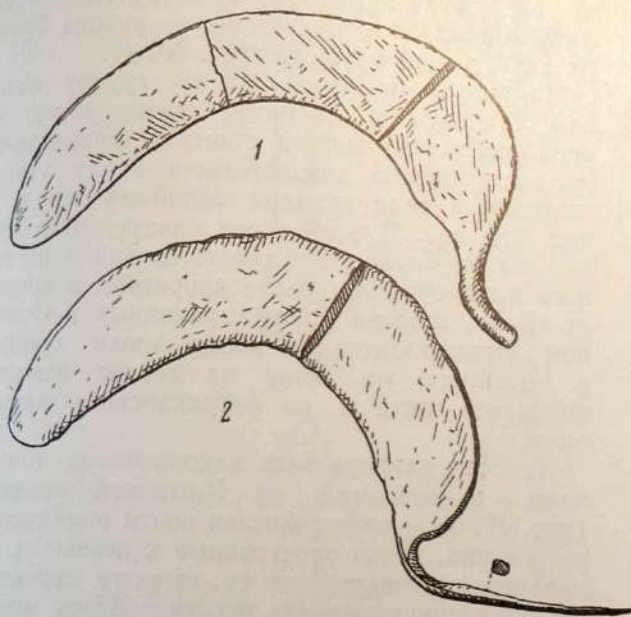

Рис. 48. Медные (?) серпы.

1— из Андриюковской станицы; 2— из клада, найденного ранее 1897 г. (?) Краснодарский музей (1/2, нат. вел.).

водства. Бериславский же клад содержал лишь слитки, топоры и серпы, в том числе два не очищенных после отливки. Весь этот комплекс мог быть доставлен на место находки изда-лека.

Вместе с тем следует иметь в виду, что только в Прикубанье мы можем проследить развитие серпов «с крюком» поздней бронзы из более древних форм, представленных в кладе Костромской станицы. Ни в Семиграде, ни на Украине такие формы пока не известны. Это позволяет, по меньшей мере, говорить о местном развитии этого серпа на Северном Кавказе и о кубанском влиянии на производство подобных серпов в Нижнем Приднепровье, если не о прямой доставке их туда с Кубани.

Вместе с тем, нет достаточных данных, которые позволили бы видеть в появлении серпов с крюком в Семиграде результат северо-черноморских влияний, как это склонен был допускать А. М. Таллгрен², сомневаясь в правдивости взглядов румынского археолога М. Рошка, выводившего, наоборот, все серпы

с крюком, в том числе и северо-кавказские, из Семиграды¹. Несомненно, в действительности развитие форм серпов шло параллельно в разных районах, и вопрос о происхождении отдельных их разновидностей не может решаться так просто и суммарно.

Наконечники копий. В пределах занимающей нас территории всего до сих пор найдено 24 медных и бронзовых наконечников копий (не считая упоминавшихся выше наконечников колхидского типа из Андриюковской станицы и кахетинского типа в собрании Е. Зичи). Из этих 24-х экземпляров три входят в состав Боргустанского клада (сохранился только один), а три других найдены в Крымской станице в насыпи Мазепинского кургана вместе с бронзовой или медной ворворкой, близкой к скифскому времени, и отдельными человеческими костями. Принадлежат ли эти вещи одному погребению, или сочетание их случайно — сейчас не может быть решено². Все остальные наконечники относятся к отдельным находкам, не связанным ни с какими другими предметами.

Рассматриваемая группа наконечников может быть разделена на два типа по способу изготовления трубчатой втулки. В двух случаях, у малого наконечника из Каменноострской на р. Белой и у одного наконечника из района Туапсе, имеется трубка разрезная — в первом случае, может быть более ранней, широко открытая, во втором — лишь щелевидно прорезанная. Форма эта несомненно восходит к трубке, свернутой из раскованной нижней части наконечника и, чисто типологически, является более ранней, чем цельнолитая трубка всех остальных наших наконечников. Этих последних найдено 22, в том числе сохранилось или описано 20. Все эти наконечники имеют общие черты: относительно короткий лист, по длине близкий к половине или немного превышающий половину общей длины; овальные очертания нижней части листа; круглая в сечении трубка, продолжение которой проходит почти через весь лист, постепенно уменьшаясь в диаметре, но сохраняя круглое сечение; два отверстия в нижней части трубки для крепления наконечника на древке³. Различия внутри этой группы относятся к общим размерам, более или менее прямым или выпуклым очертаниям верхней части листа и к соотношению общей длины с максимальной шириной листа.

По размеру из всей массы наконечников резко выделяется наконечник с Худеса, в собрании А. Д. Кондратьева, ныне не сохранившийся и имевший общую длину 38,8 см, при длине листа 20,5 см и максимальной ширине

¹ Например, серп, изображенный у А. М. Tallgren в ESA, II, стр. 147, рис. 82, 9.

² А. М. Tallgren. Ук. соч., стр. 192. Его же. примечание к работе М. v. Roska. Über die Herkunft der Hakensicheln, ESA, XII, 1938, стр. 166.

¹ М. v. Roska. Ук. соч., стр. 164—165.

² ОАК, 1895, стр. 129.

³ Отверстий нет у наконечника, изображенного на рис. 49, 1.

5,5 см. Этот наконечник по своим размерам, таким образом, относится к самым крупным наконечникам копий эпохи бронзы, известным в нашей стране. Так, наибольший из наконечников в Сейме достигает длины 42,2 см, серебряный наконечник Бессарабского клада — 34,1 см, другие крупнейшие наконечники в Европейской части СССР редко превышают 30 см длины. Встреченные крупнейшие на-

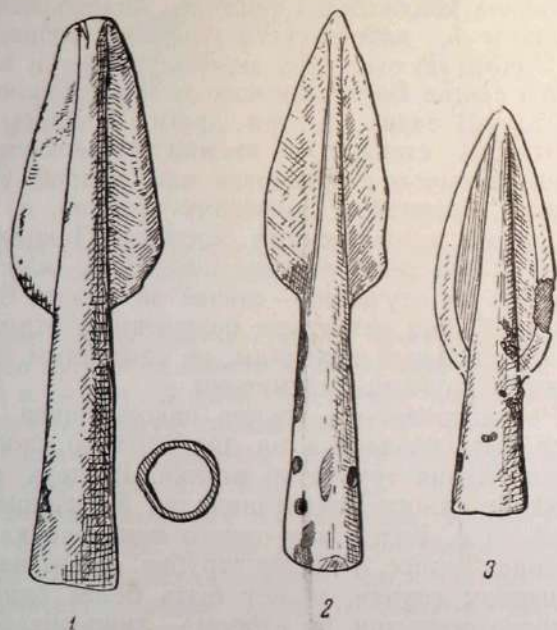

Рис. 49. Медные наконечники копий.

1 — покупка в Майкопе; 2—3—из станицы Крымская. Гос. Эрмитаж (1/2 нат. вел.).

нечники Закавказья с открытой разрезной втулкой чаще достигают подобных размеров: так, например, около 40 см длины имеет наконечник из погребения № 19 у дороги Бешташени — Сафар — Хараба, около 44 см — наконечник из погребения № 20 того же могильника¹; однако таких же крупных наконечников с цельнолитой трубкой в Закавказье нет.

Все остальные наконечники Прикубанья и Причерноморья по длине варьируют от 9,7 см (наименьший из наконечников Крымской станицы, рис. 49, 3) до 20 см (Клухори, рис. 50, 7). Эти 19 наконечников представляют типологически единую и количественно значительно преобладающую группу. Хронологически они, вероятно, должны быть распределены на довольно значительный отрезок времени, но недостаточное число комплексных находок не позволяет в этом отношении сделать определенные выводы. Можно только отметить, что наконечниками из города Клухори и из Боргустанского клада представлена более тяжелая и широкая форма, тогда как среди осталь-

ных наконечников наблюдается постепенный переход к формам, почти точно воспроизводящим овальные втульчатые наконечники стрел так называемого «скифского» типа (Крымская станица — рис. 49, 2—3; р. Адерби — рис. 50, 2). Можно думать, что для наконечников стрел эти формы были заимствованы у наконечников копий. К этой же группе по своему своему облику относится и наконечник из района Туапсе с разрезной трубкой (рис. 50, 4).

На вопрос, возможно ли эту группу изделий относить к местному производству, по всей видимости можно ответить утвердительно, хотя прямых доказательств этому утверждению, в виде находок литейных форм, у нас еще нет. В этой связи следует отметить, что мы на Северном Кавказе не знаем ни одного наконечника копья с прорезями в крыльях листа, широко распространенных в Северном Причерноморье в конце эпохи бронзы; в частности на Дону их сейчас известно не менее пяти и из Астраханского района один.

Из всех разбираемых наконечников только один — наименьший из Крымской станицы (рис. 49, 3) — имеет крылья почти ромбического сечения, резко заостренные к лезвию и менее резко утоньшенные в сторону середины листа, к продолжению трубки. Здесь можно наблюдать тенденцию к прорезыванию крыльев, т. е. форму, типологически предшествующую прорезным наконечникам Северного Причерноморья.

В то же время близкие по форме наконечники копий на севере, на Дону и Украине известны в сравнительно небольшом числе: на Дону сейчас можно указать лишь один экземпляр из Арчадинской станицы (Новочеркасский музей, № 659), а на Украине их имеется некоторое количество, в том числе и литейные формы в Днепропетровске (собрание А. Н. Поля, № 66 из окрестностей Ненасытского порога¹; № 917, неизвестного происхождения) и в Киеве (№ 7445 — из Надпорожья). В кургане № 344 близ Смелы А. А. Бобринский нашел подобный наконечник копья² вместе с железным наконечником копья и двумя малыми «скифскими», к сожалению неизданными, сосудами.

На Северном Кавказе, к востоку от Прикубанья, аналогичные формы наконечников копий также встречены в ряде пунктов. Один из них найден в 1933 г. в Кисловодске и поступил в Эрмитаж. Другой происходит из погребения № 3 в с. Каменноостовском на Малке (рис. 50, 5), открытом в 1921 г. М. И. Ермоленко; вместе с ним в погребении найден лишь железный нож и кремь; находки хранятся в

¹ К. Мельник. Каталог коллекции древностей А. Н. Поля. Киев, 1893, табл. V.

² А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ Смелы, т. III. СПб., 1901, стр. 34 и табл. II, 8.

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, табл. XLV и L.

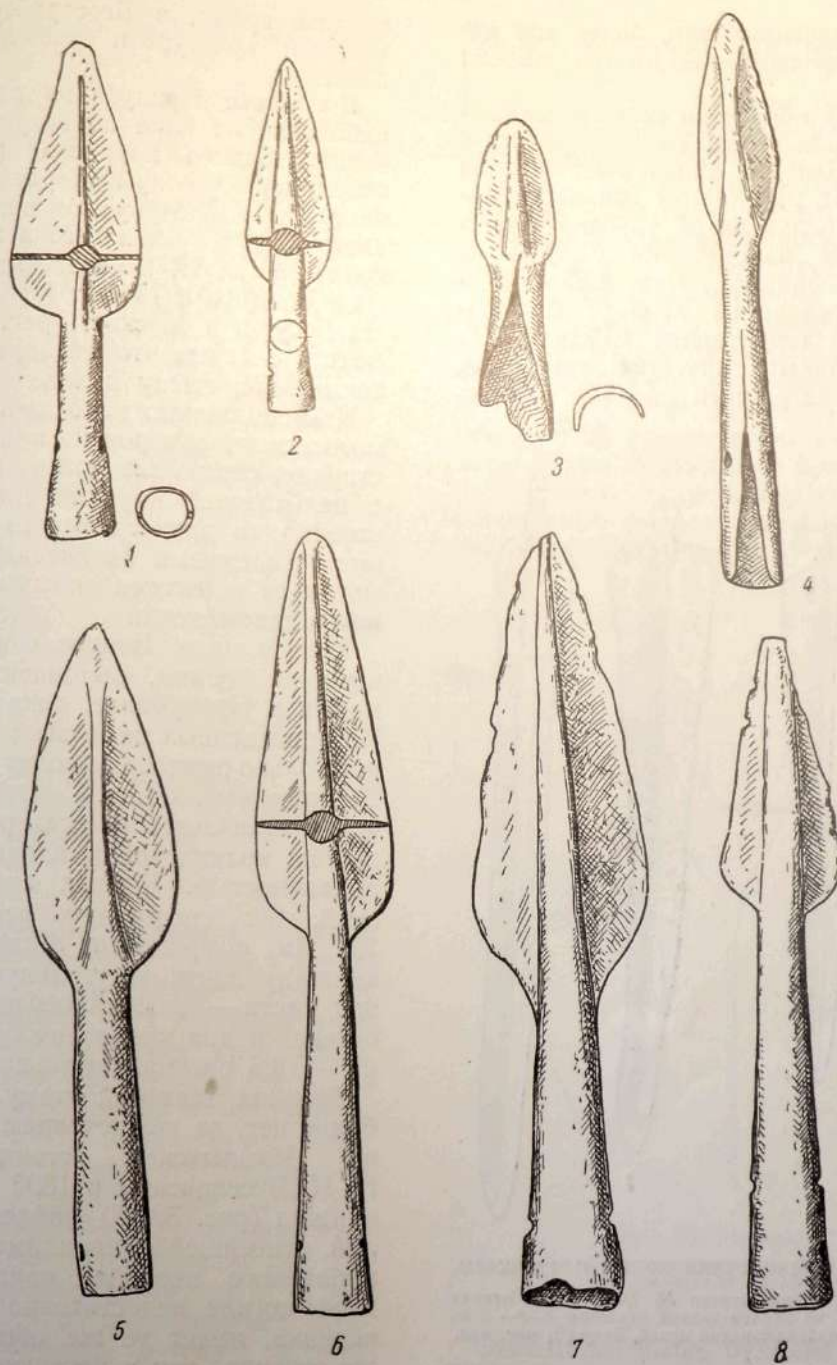

Рис. 50. Медные (?) наконечники копий.

1— из ст. Новосвободной; 2 и 6— с р. Азерб.; 3— из ст. Каменноостовского на Белой; 4— из района Туапсе; 5— из с. Каменноостовского на Малке; 7— из Клухори; 8— из окрестностей Майкопа. Музеи: 1, 3 и 8— Майкоп; 2 и 6— Геленджик; 4— Сочи; 5— Нальчик; 7— Клухори (1/2 нат. вел.)

Нальчике (№ 38/1921). Третий наконечник находится в Северо-Осетинском музее; его происхождение выяснить не удалось. Близки к перечисленным, но несколько от них отличаются, наконечники, найденные у Тубенеля на Черке (Восточном)¹ и два экземпляра из Фаскау². В Грузии также встречаются сход-

ные наконечники копий. Известны они как из Юго-Осетии¹, так и из Самтаврского могильника².

В общем картина распространения описываемых, относительно коротких наконечников с цельнолитой трубкой заставляет видеть в них

них при иных общих очертаниях, судя по рисунку, имеет такие же углубления в листе, как и описанный выше наконечник из Крымской.

¹ Ряд экземпляров в Сталинском музее.

² Материал Гос. музея Грузии.

¹ А. Иессен. Археологические памятники Кабарды, МИА, вып. 3, 1941, табл. II, 7.

² П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, МАК, VIII, 1900, табл. CXVII, 2 и 3. Первый из

широко распространенный тип, более или менее синхронно появившийся во многих районах нашей страны.

До более полной обработки всего относящегося сюда материала нельзя еще проследить в деталях смену различных типов наконечников копий в отдельных районах. В основном, по-видимому, тип с цельнолитой трубкой вытеснил более ранние наконечники с трубкой, свернутой из прокованного листа, в свою очередь сменившие редкие на Кавказе и неизвестные на других территориях СССР наконечники с массивным круглым стержнем, снабженным четырехгранным насадом или за-

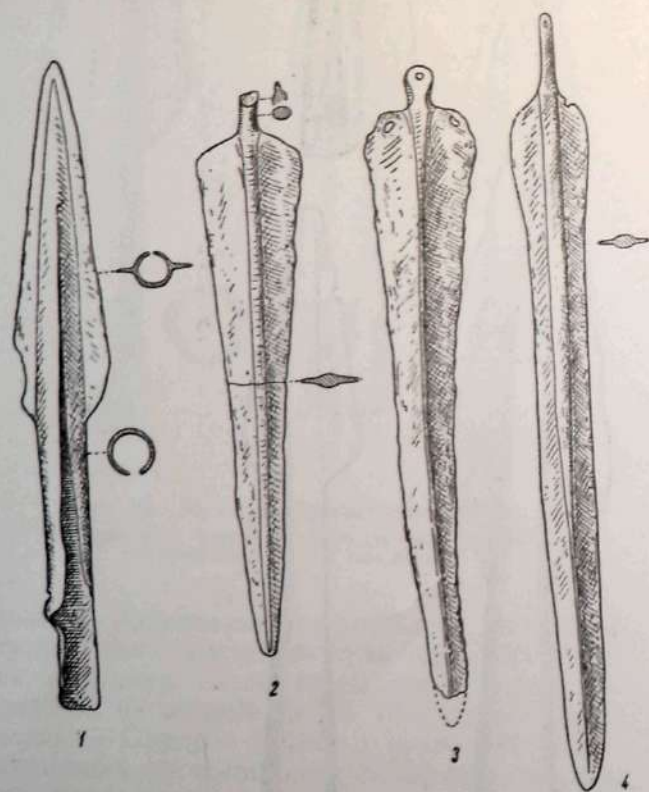

Рис. 51. Бронзовые (?) наконечник копья и кинжалы. 1 и 2 — из Андриюковской станицы, курган № 7/1897 г.; 3 — оттуда же, курган № 8/1897 г.; 4 — из Бесленевской станицы; 1—3 — Гос. исторический музей, 4 — Азербайджанский музей, Баку (1/4 нат. вел.

гнутым в крючок¹. Однако наконечники со сплошной, замкнутой трубкой появляются в отдельных районах очень рано, по-видимому, параллельно со скованными свернутыми трубками. Такие ранние наконечники известны теперь из курганов среднего периода эпохи меди и бронзы в Триалети² и, в несколько более

позднее время, в Бессарабском кладе¹, сейминской культуре и связанных с ними комплексах.

В области Прикубанья ранних втульчатых наконечников пока не встречалось за исключением одного крупного (длина 33,6 см) экземпляра с открытой раскованной трубкой, найденного в датированном концом среднекубанского периода комплексе в кургане № 7, раскопанном Н. И. Веселовским близ Андриюковской станицы в 1897 г. (хранится в Историческом музее в Москве; рис. 51, 1)². Вполне можно считать, что разбираемые формы появились на смену наконечникам этого типа.

Как показывает находка в Каменноостовском могильнике, а вероятно также и в Крымской станице, северо-кавказские наконечники копий с цельнолитой трубкой доживают непосредственно до раннескифского времени и сменяются железными наконечниками той же формы, хотя и изготовленными в иной технике, посредствомковки³.

Кинжалы. Вопрос о кинжалах позднего периода бронзы, бытовавших и производившихся в Прикубанье, пока недостаточно ясен. Из приведенных нами выше четырех экземпляров только один происходит из комплекса — из Бекешевского клада. Кинжал этот (рис. 21, 8) резко отличается от всех разновидностей кинжалов колхидской и кобанской групп своей архаичностью. Клинок его совершенно плоский, без срединного ребра, толщиной до 2,5 мм, с прямыми лезвиями, придающими кинжалу почти треугольную форму. В верхней части — плоский черенок и два сквозных отверстия для крепления рукояти. Общая длина — 18,5 см, максимальная ширина — 6,1 см.

Ближних аналогий этому кинжалу в Прикубанье нет, за исключением кинжала из кургана Чамлыкской станицы, раскопанного Н. И. Веселовским в 1898 г.⁴ Этот последний кинжал (рис. 52, 3) найден над первой могилой, относящейся, по-видимому, к концу среднекубанского периода; принадлежность его к этой могиле недостаточно ясна. Кинжал без черенка, имеет те же общие очертания и то же сечение, что и бекешевский. Длина его — 22,1 см, максимальная ширина — 6 см. С рукоятью скреплялся при помощи трех медных или бронзовых гвоздей, пропущенных через отверстия у верхнего края.

Сочетание кинжала из Бекешевской с серпами, того же типа, что и в могиле горы Бык, показывает, что этот кинжал сосуществовал

¹ Станица Новосвободная. ОАК, 1898, табл. IV, 49; станица Псебайская, ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 224, рис. 128, 4; находки в Грузии приведены у Б. А. Куфтина. Раскопки в Триалети I, Тбилиси, 1941, стр. 11—12, рис. 7 и 9. Его же. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. IX.

² Б. А. Куфтин. Раскопки в Триалети, табл. CVI.

¹ О. А. Гракова. Бессарабский клад. Изд. ГИМ, М., 1949, табл. I—II.

² ОАК, 1897, стр. 22. Архив ИИМК, фонд Археолог. комиссии, дело 1896/204 (здесь курган имеет № 3).

³ Например, наконечники из того же Каменноостовского могильника на Малке (МИА, вып. 3, 1941, стр. 21, рис. 4, 3), из Кисловодского могильника на Березовке (в Гос. историческом музее) и др.

⁴ ОАК, 1898, стр. 39, рис. 60 (хранится в Гос. историческом музее).

во времени с типично-кобанскими кинжалами той разновидности, которая встречена в этой могиле.

Остальные три кинжала — из Гоначхирского ущелья (рис. 52, 2), в собрании Зичи «с Куба-

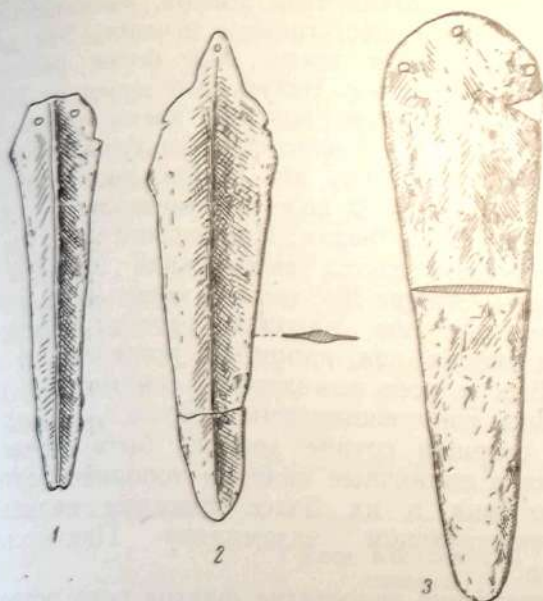

Рис. 52. Медные или бронзовые кинжалы.

1—с Кубани, собрание Зичи, Будапешт; 2—с р. Гоначхир, Краснодарский музей; 3—из ст. Чамлыкской, курган 1896 г. Гос. исторический музей (2/3 нат. вел.).

ни» (рис. 52, 1) и из Бесленевской станицы (рис. 51, 4) — представляют совсем другие разновидности, не связанные между собой. Их более детальная оценка станет возможной лишь в свете накопления новых материалов.

Наличный материал, несомненно, не дает возможности судить о развитии и многообразии кинжалов в рассматриваемое время. Мы, несомненно, не знаем еще всех их разновидностей. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что в хорошо датированном медными украшениями еще среднекубанским периодом кургане № 8, исследованном Н. И. Веселовским в 1897 г. у ст. Андриюковской, найден большой черешковый кинжал, длиной около 33 см, с продольным выступающим ребром и тремя отверстиями для крепления рукояти (рис. 51, 3). Сходный кинжал обнаружен и в кургане № 7, в той же станице, вместе с упоминавшимися выше наконечником копья и легкой бронзовой секирой. Длина его — 29 см (рис. 51, 2). Оба эти кинжала хранятся в Историческом музее в Москве. Дальнейшее развитие этого типа пока не прослеживается.

Булавки. Интересную, хотя пока и очень немногочисленную серию представляют приведенные нами выше булавки. Основная их разновидность, определенно выделяющаяся среди громадного разнообразия форм кавказских декоративных булавок позднего бронзового века и первой половины последнего тыся-

челетия до нашей эры, представлена семью экземплярами «из Карачая» и двумя из Андриюковской. Это крупные булавки с длинным прокованным стержнем и раскованным в тонкую пластину листом. В верхней части последнего имеются два симметричных спиральных завитка, оформленных в виде двух выступов листа, снабженных сквозным отверстием в центре; самая спираль показана только при помощи точечного орнамента, украшающего также и остальную поверхность листа. Еще более крупные (длина около 43 см) и богато орнаментированные экземпляры таких булавок (две штуки)¹ найдены Д. Я. Самоквасовым при раскопке кургана № 5 в урочище «Три камня» около Кисловодска в 1881 г., во впускном погребении, содержавшем лишь одноручный горшок, который должен быть отнесен к позднему периоду эпохи бронзы².

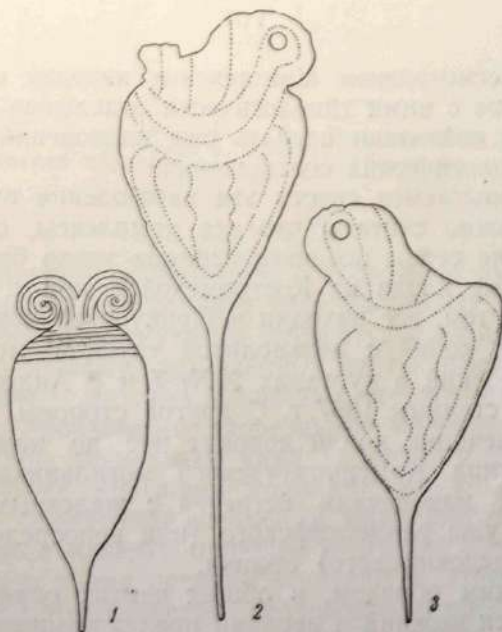

Рис. 53. Медные (?) булавки.

1—из Гос. исторического музея; 2—3—из ст. Андриюковской, Краснодарский музей (2/3 нат. вел.).

Описанные выше булавки из Андриюковской значительно меньше и проще (рис. 53, 2—3); еще проще булавки собрания Г. Д. Филимонова (рис. 53, 1), спиральные завитки которых более отделены от листа булавки. К этим последним экземплярам можно привести одну аналогию — булавку Венского музея из «Рахты-Галиата», т. е. из Дигории, отличающуюся тем, что спиральные завитки у нее прорезные, а не показаны лишь орнаментом³.

¹ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Пятигорского округа, Труды V Археол. съезда в Тифлисе, М., 1887, табл. II, 1; А. М. Tallgren. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit. ESA, VI, 1931, стр. 130, рис. 14; Fr. Hancar. Die Nadelformen des prähistorischen Kaukasusgebietes. ESA, VII, 1932, стр. 162, рис. 26 (реконструкция).

² А. М. Tallgren. Ук. соч., стр. 130, рис. 13.

³ Fr. Hancar. Ук. соч., стр. 162, рис. 25.

Вся группа этих булавок несомненно должна быть поставлена в параллель известным большим булавам дигорских могильников, снабженным большими вырезанными спиральными завитками и резко отличным от булавок собственно-кобанской группы¹.

Все сказанное позволяет видеть в рассмотренных нами булавках группу местных изделий Прикубанья, но в появлении этой формы вместе с тем отразилось культурное влияние не кобанской металлообработки, как это мы видели при рассмотрении верхнекубанских топоров, а дигорского центра, жившего в это время особой жизнью.

На булавке с Гоначхира и на прочих мелких предметах, перечисленных в нашем списке находок, в настоящей связи нет необходимости специально останавливаться.

VIII

Рассмотренные комплексные находки и связанные с ними типологически отдельные предметы позволяют сделать ряд заключений о их хронологических соотношениях.

Попытаемся свести эти наблюдения вместе.

Можно считать, что все комплексы, содержащие серпы позднего периода эпохи бронзы, моложе клада из Костромской станицы. Вместе с тем, все находки в Прикубанье наконечников копий с цельнолитой трубкой моложе погребений в курганах №№ 7 и 8 Андриковской станицы 1897 г. С другой стороны, те же наконечники копий доводят нас до памятников типа Каменноостовского могильника, где такой наконечник встречен с железным ножом уже раннескифского (или непосредственно предскифского) облика.

Таким образом, в общих чертах обрисовываются нижний и верхний предел позднекубанского периода, в рамках которого следует размещать весь рассмотренный нами материал. Этот материал еще слишком незначителен, чтобы было возможно расчленить его на более дробные хронологические группы.

Однако несомненно, такие подразделения должны будут со временем выявиться. Пока намечается выделение в более раннюю группу Пицундского клада, всеми своими слагаемыми свидетельствующего о большей древности, чем Боргустанский клад и остальные клады с серпами позднего типа. В Пицунде имеются топоры верхнекубанского типа с круглыми проушинами, тяжелый вариант короткого топорика сочинского типа также с круглой проушиной и топор «пиленковского» типа с такой же проушиной. Два последних типа топоров вообще впервые встречены в комплексе с другими формами. Для датировки Пицундского клада основное значение имеет наличие в нем остро-

обушного колхидского топора II типа в его раннем варианте (рис. 4, 2). Вариант этот характеризуется углубленной выемкой с передней стороны проушной части, образованной петлевидным поворотом ребра между боковой и нижней гранями тела топора, имеющего в средней части шестигранное сечение. Эта деталь восходит к таким еще более ранним формам, как топор Батумского музея из Махунцети¹. В более позднее время развитой колхидской и кобанской культуры топоры II типа утрачивают эту деталь, иногда лишь сохраняющуюся в виде орнаментального мотива². Таким образом, Пицундский клад старше основной массы «кобанских» погребений Абхазии, старше Кобанского могильника и параллельных им находок рассматриваемого нами района, как, например, погребения у горы Бык и всех комплексов, связанных с последним одинаковым типом серпа.

К старшей группе должны быть отнесены также и единичные находки топориков сочинского типа в их более тяжелом варианте, соответствующем экземпляру Пицундского клада.

Вследствие недостатка фактов пока остается неясным хронологическое соотношение Пицундского и Костромского кладов; вероятно, что последний старше первого, но также не исключается пока и возможность синхронности или почти синхронности их. Нет только оснований приписывать Пицундскому кладу большую древность, чем Костромскому (рис. 54).

Возможно, что некоторым указанием на хронологическое членение внутри рассмотренной нами группы памятников могут служить и наконечники копий; формы их, представленные в Боргустанском кладе и Микоян-Шахаре, вероятно старше таких форм, как найденные в Крымской станице, относящиеся к непосредственно предскифскому или уже раннескифскому времени (VII в. до н. э.?).

Намечающиеся хронологические соотношения сведены в схему на следующей странице.

Вопросы абсолютной датировки разобранной группы археологического материала не могут быть разрешены с достаточной детализацией, пока не будет накоплен дополнительный хорошо документированный фактический материал.

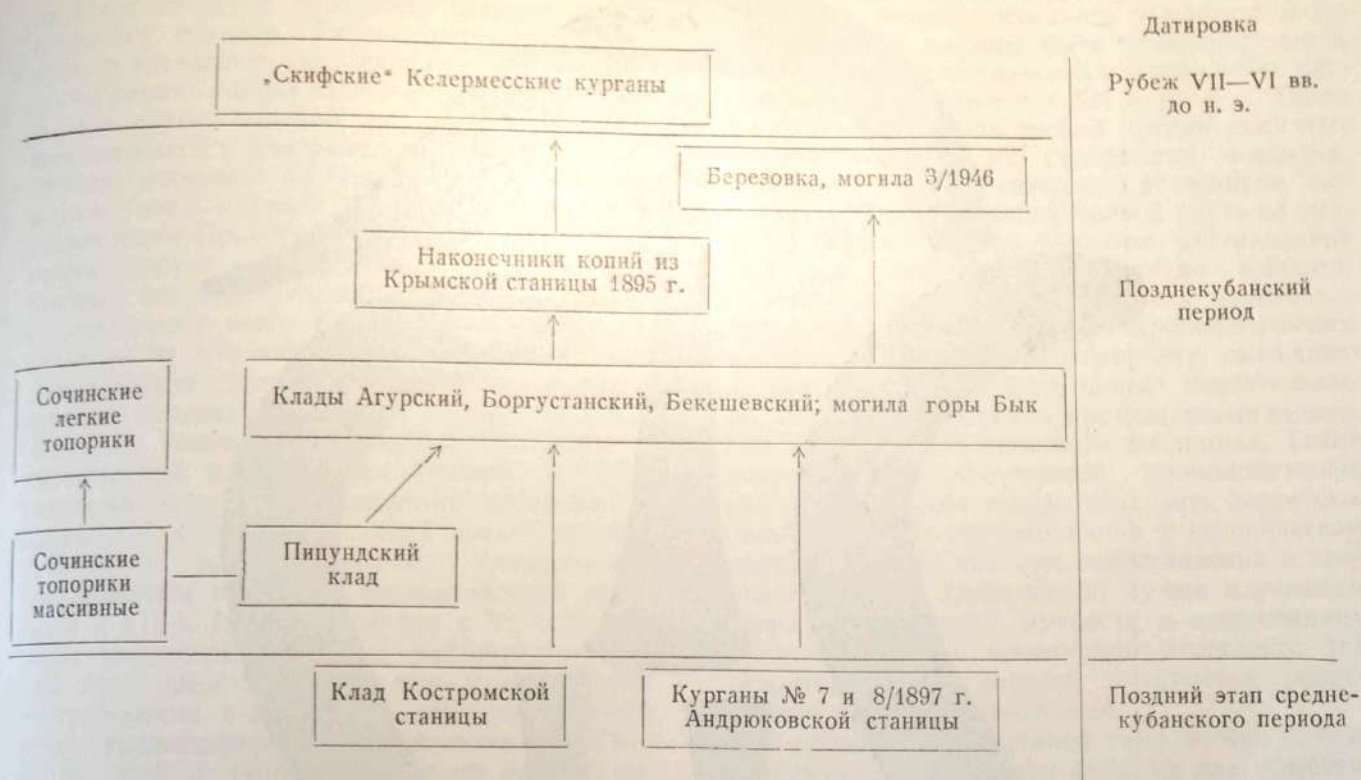
Решение этого вопроса теснейшим образом связано с датировкой ранних скифских памятников Северного Кавказа вообще и Прикубанья в частности, с одной стороны, и с проблемой датировки кобанской культуры — с другой. В настоящей связи мы не имеем возможности подробно разбирать все относящиеся сюда соображения и вынуждены ограничиться лишь краткими замечаниями.

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, 1941, стр. 18, рис. 19, б.

² А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. «Труды Отдела истории первобытной культуры», Гос. Эрмитаж, I, 1941, стр. 45—46.

¹ Например, МАК, VIII, 1900, табл. XXXVI, 1.

Схема хронологических соотношений памятников северо-западного Кавказа

Для определения верхней, позднейшей даты нашей группы следует прежде всего указать, что основная масса ранних «скифских» курганов Северного Кавказа, широко известных в литературе, датируется временем не ранее рубежа VII—VI вв. до н. э. Сюда относятся такие курганы, как Келермесские, импортные вещи в инвентаре которых датируются временем около 575 г. до н. э. Сюда же относится, быть может немного более ранний, курган Костромской станицы (№ 1 в группе «Разменных» курганов) и вообще вся группа курганов, характеризующихся широким освоением железа (наконечники копий и дротиков келермесского типа, акинаки), железными трехпестельчатыми псалями и бронзовыми удилами с стремячковидными внешними кольцами.

Вся эта группа безусловно моложе самых поздних из рассмотренных находок. Ни один из названных выше типов предметов в этой группе не встречается.

Есть однако на Северном Кавказе целая группа «скифских» по своему облику комплексов, которые несомненно старше келермесской группы и относятся ко времени не позже VII в., а скорее всего к VIII и VII вв. до н. э. В этих комплексах видно уже довольно широкое распространение железа, уступающее еще, однако, более общему применению бронзы.

Эта группа до сих пор совершенно не освещена в литературе. К ней следует отнести находки из случайных раскопок 1895 г. у ст. Махашевской на р. Фарс, восточнее Майкопа,

поступившие в Эрмитаж и состоящие из двух бронзовых наверший в виде прорезных шаров с бубенцами внутри и скульптурной фигуркой оленя наверху, помещенных на бронзовых же втулках¹, из двух железных стержней с малыми бронзовыми прорезными навершиями², из пары бронзовых удил кобанского типа с двойными круглыми кольцами на концах и семи бронзовых псалиев в виде стержня со шляпкой наверху, широкой изогнутой лопастью внизу и тремя петлями на стержне. Навершия из ст. Махашевской безусловно относятся к самым ранним из известных скифских наверший, что же касается удила и псалиев, то они близки к упоминавшимся выше псалиям из покупки в Майкопе в 1906 г. Махашевская находка, если бы удалось доказать ее единство, связала бы между собой скифские комплексы келермесской группы и собственно кобанскую группу. Удила и псалии представленного в Махашевской находке типа широко распространены на Северном Кавказе от Кобанского могильника до Черноморья и позволяют связать в единую хронологическую группу ряд находок докелермесского времени. Вместе с тем находки таких же удил в древнекобанском могильнике³ позволяют время бытования их синхронизировать со временем этого

¹ А. А. Бобринской. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. III, СПб., 1901, стр. 66, рис. 20, а.

² Там же, рис. 20, б.

³ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, стр. 31, рис. 35, табл. XXXVII, 1.

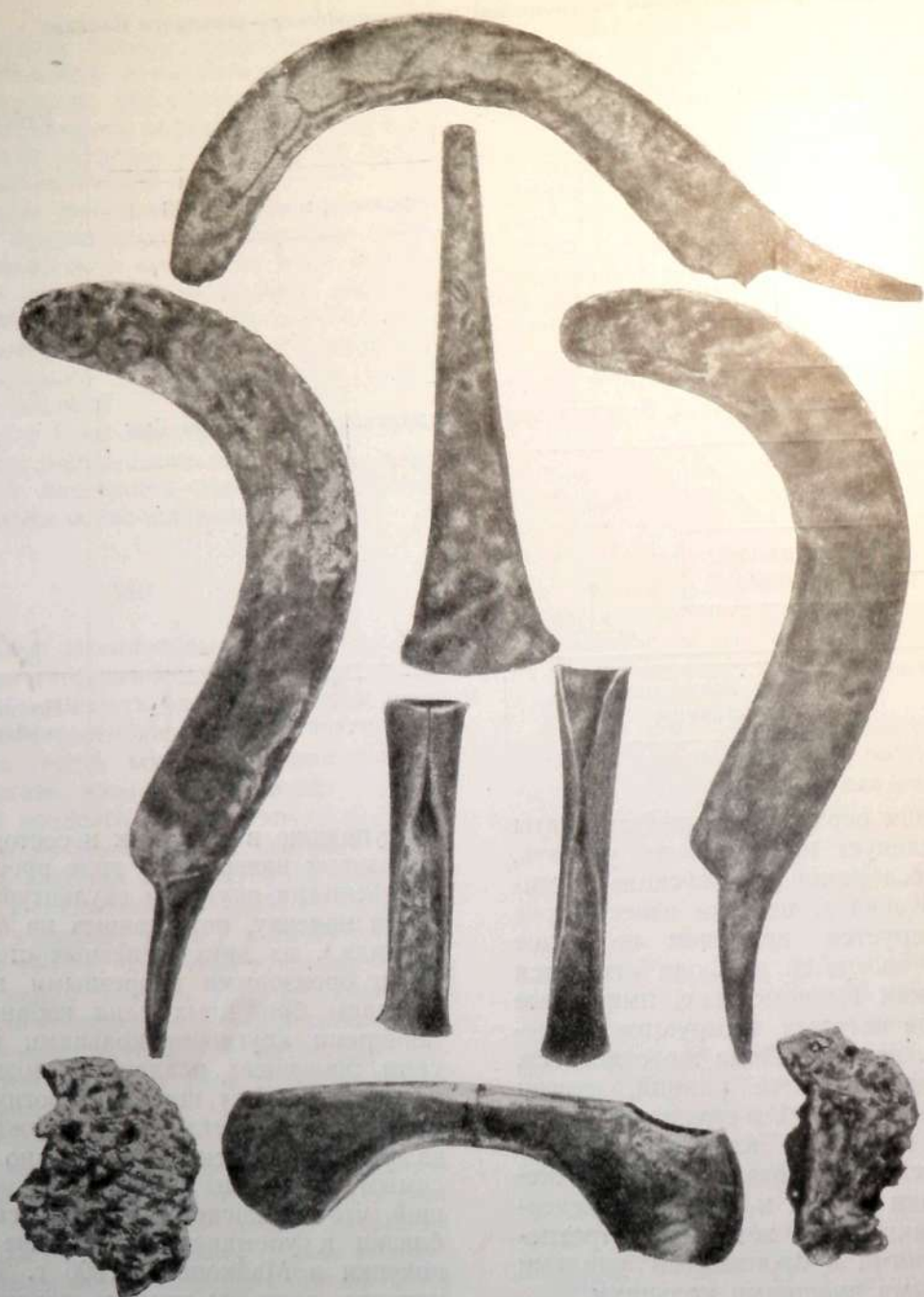

Рис. 54. Клад из Костромской станицы. Медь. Эрмитаж (около $\frac{2}{5}$ нат. вел.).

могильника или, по меньшей мере, с определенным отрезком этого времени. Сочетание таких же удили с кобанским топором I типа встретилось и в Новочеркасском кладе 1939 г. Этот клад и некоторые связанные с ним находки подготовлены мною для отдельного издания, так как в данной связи нет возможности подробно разбирать весь относящийся сюда материал¹. Здесь достаточно установить, что вся группа находок предкелермесского вре-

мени, характеризующая наиболее ярко бронзовыми удилами с двукольчатыми концами и трехпестельчатыми изогнутыми лопастными пса-лиями, должна относиться к периоду первичного распространения на Северном Кавказе железа, ко времени, очевидно, совпадающему с позднейшим отрезком позднекубанского периода, к которому относятся рассмотренные в настоящей работе находки. Вполне вероятно, что, например, наконечники копий из Крымской станицы и аналогичные им должны быть синхронизированы с этой группой.

Другой вопрос, разбирать который в дан-

¹ А. Иессен. Новочеркасский клад 1939 года. СА, XVII.

ной связи нет возможности, это вопрос о районах производства бронзовых изделий ранне-скифского периода. Распространение удил и псалеев указанного типа, скифских нагрудных, а также ранних скифских литых котлов из меди и ряда других изделий из меди и бронзы, появившихся в Келермесских курганах, определенно указывает на большую роль в производстве этих изделий Северного Кавказа и скорее всего Прикубанья. Этот интереснейший вопрос требует детальной разработки, так как решение его будет способствовать правильно-му пониманию всего развития раннескифской культуры на юге нашей страны¹.

Абсолютная датировка нижнего, раннего предела позднекубанского времени наталкивается на большие затруднения, связанные в значительной мере с недостаточной разработанностью вопроса о хронологии кобанской и колхидской культуры. Поздний предел древнекобанского времени сейчас, по видимому, большинством советских исследователей относится к VII в. до н. э., так как с VI в. в развитии кобанской культуры наблюдается новый этап, представленный так называемыми «погребениями в колодцах». Датировка этого этапа, предложенная Е. П. Алексеевой, VI—III вв. до н. э. («позднекобанский первый период» с тремя подразделениями по терминологии автора)² может теперь считаться установленной. Изделия VII в. в этих погребениях не представлены, и к VII в., следовательно, нужно относить конец древнекобанского могильника. Начало же формирования древнекобанского этапа пока еще остается неуточненным. Можно согласиться с тем, что начало его не может быть старше рубежа II и I тысячелетий до нашей эры³, можно даже считать, что сам Верхнекобанский могильник в основном дал находки IX—VII вв. до н. э., но совершенно несомненно, что кобанская культура и, в частности, кобанское производство металла возникли ранее могильника Верхнего Кобана, который соответствует только определенному, и не начальному, отрезку истории развития этого производства. Ранние формы кобанского и колхидского металла особенно четко выявляются сейчас в Западной Грузии, где, очевидно, и следует искать первичный очаг появления новых форм и новых технических приемов, широко распространившихся затем в районе Центрального Кавказа.

Эти ранние формы, примерами которых служат топоры II типа из Сочи и из Пицундского

клада, по моему мнению, никак не могут уложиться в рамки последнего тысячелетия до нашей эры и должны быть относимы еще к концу II тысячелетия — к XI, в отдельных случаях возможно даже и к XII в. до н. э. Такие датировки пока еще весьма трудно доказать, но необходимость их совершенно очевидна, если учесть недостаточность источников, несомненно еще не дающих полной картины смены отдельных этапов развития материальной культуры Прикубанья и вообще Кавказа. В этих условиях у исследователя появляется стремление к укороченным хронологическим построениям, к непосредственному смыканию во времени разделенных иногда значительными, еще не освещенными промежутками отдельных групп археологического материала. Такие искусственно укороченные хронологические ряды тают в себе всегда опасность серьезных ошибок при их использовании в историческом построении, так как при сопоставлении с хронологическими данными по лучше изученным территориям могут привести к искаженному представлению о культурной отсталости той территории, для которой пользуются укороченной, сжатой хронологией.

В применении к данной теме можно сейчас ограничиться указанием лишь на два момента.

Во-первых, следует отметить, что датировка курганов №№ 7 и 8 1897 г. близ Андриюковской станицы, которые, как было указано выше, несколько старше рассмотренной нами позднекубанской группы, по целому ряду соображений наиболее вероятно определяется как близкая к 1200 г. до н. э., может быть 1100 г. до н. э. За такую датировку косвенно говорит и относимая теперь к 1200 г. граница между VI и VII-а периодами Трои; к этому времени в Трое относятся секиры, очень близкие кубанским секирам, лучший образец которых представлен в кургане № 7 Андриюковской станицы (рис. 55)¹.

Во-вторых, нужно помнить, что синхронная позднекубанской кобанская культура имеет в металлическом инвентаре ряд близких черт с северными культурами срубного и андроновского типа; таких черт близости с этими культурами совершенно нет в предшествующее время среднекубанской культуры. Таким образом, полное перемещение в последнее тысячелетие до нашей эры всех позднекубанских и кобанских памятников (а не только одного Верхнекобанского могильника) неизбежно повлечет за собой дилемму. Мы должны будем сделать вывод о значительном запаздывании культурного развития на Северном Кавказе по сравнению с северными степными районами, для чего у нас нет никаких оснований, или же притти к необходимости резкого снижения датировок всех причерноморских, уральских и

¹ См. А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 185—186. Его же. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 41—42.

² Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Ученые зап. Ленингр. ун-та. серия исторических наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 194 и сл.

³ Е. И. Круликов. К вопросу о хронологии кобанской культуры. Ученые зап. Кабардинского научно-исслед. ин-та, т. 1, Нальчик, 1946, стр. 158.

¹ W. Dörpfeld. Troja und Ilion. Berlin, 1902, рис. 402. H. Schmidt. Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer. Berlin, 1902, N 6497.

сибирских культур развитой бронзы, что также явно невозможно (хотя в отдельных случаях, как мне кажется, определения древности этих культур и являются несколько преувеличенными).

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1) Позднекубанские памятники, рассмотренные нами, относятся к периоду времени с XI (может быть отчасти и XII?) по VII в. до н. э.

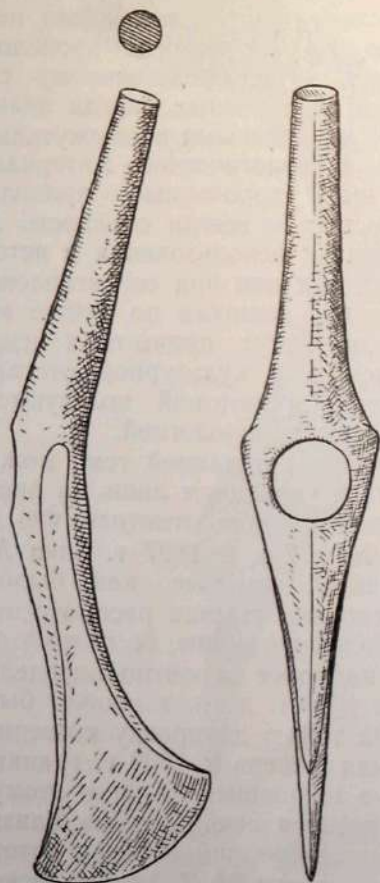

Рис. 55. Бронзовая (?) со следами полуды секира из кургана № 7/1897 г., Андриковская станица. Гос. исторический музей (1/4, нат. вел.).

2) В пределах этого времени можно наметить раннюю группу (Пицундский клад и т. п.), основную (клады с верхнекубанскими топорами с овальной проушиной и с серпами) и позднейшую группу (наконечники копий Крымской станицы и т. д.).

3) Позднейшая группа по времени синхронна с группой древнейших памятников скифского, но еще докелермесского типа, в составе которых имеются древнейшие на Кубани изделия из железа.

Несомненно, что такая схема еще очень обща и не детализована. Однако самый факт отнесения к рассматриваемому времени изученной нами группы находок заполняет существовавший в наших знаниях пробел и позволяет связать памятники раннего и среднего

периодов эпохи меди и бронзы на Кубани с памятниками скифского времени.

IX

Все выше сказанное неизбежно приводит к выводу о существовании в Прикубанье или, несколько шире, на северо-западе Кавказа местной добычи медных руд, выплавки меди и производства готовых изделий. Местный характер всего производства подтверждается наличием кладов, носящих все признаки так называемых «кладов литейщиков» (клад Индышский, клад серпов Кубанского музея, Верхне-Тебердинский клад и, может быть, некоторые другие). К сожалению, крайне ничтожны пока находки литейных форм. Сведения о литейной мастерской, якобы найденной в районе «Новороссийска, в Абхазии», сообщаемые Э. Шантром, а за ним и некоторыми другими авторами, как известно, основаны на недоразумении и относятся к находкам в Кардашинке в «Новороссии»¹.

В пользу предположения о местном характере всего цикла производства помимо уже охарактеризованного своеобразия внешней формы, типов изделий, можно привести также некоторые соображения технического порядка. За недостатком датированного материала до сих пор, к сожалению, вопросы металлургической техники и техники обработки металла в Прикубанье применительно к памятникам занимающего нас времени совершенно не изучались. Поэтому все, что можно сказать в этом отношении, основано на предварительных внешних наблюдениях и недостаточно подтверждено точными исследованиями. Однако некоторые замечания, подчеркивающие местное своеобразие и в этих отношениях, сделать возможно.

Первое замечание касается состава используемого материала. Как мы видели выше при описании находок, складывается впечатление, что в Прикубанье и Причерноморье преобладают орудия из красной меди, а относительное количество изделий из бронзы невелико, тогда как в собственно кубанской и колхидской металлургии применение меди сохранялось лишь для немногих видов орудий (мотыги, сечки и отдельные экземпляры других категорий) при почти исключительном использовании в остальном высококачественной бронзы.

К сожалению, до сих пор не удалось осуществить работу по исследованию металла интересующей нас группы вещей. Исследован был только один из наконечников копий, найденных в Крымской станице, оказавшийся медным (меди 99,07%, свинца 0,37%, железа 0,10%, следы сурьмы, висмута, серебра, значительные

¹ E. Chantre. Ук. соч., т. I, стр. 88. E. de Zichy. Ук. соч., т. II, стр. 337. А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 127.

следы никеля; не обнаружены олово, цинк, золото, марганец) ¹.

Предварительно можно, следовательно, высказать предположение, что меньшее использование бронзы по сравнению с соседними на юге и юго-востоке областями Кавказа, свидетельствует об известном отставании района Прикубанья в развитии металлургической техники и, в частности, о меньшей доступности тех, пока неизвестных в точности, источников снабжения оловом, которыми в значительно большей степени могли пользоваться соседние кавказские области.

В этом отношении положение Прикубанья, повидимому, аналогично положению смежных районов на севере — Подонья, Поволжья, отчасти Украины и Приуралья, где широкое распространение изделий из чистой меди также прослеживается вплоть до позднего периода эпохи бронзы включительно.

Вместе с тем и в отношении металлообработки у нас складывается такое же представление. В доступном сейчас материале из Прикубанья и Причерноморья совершенно не видно образцов той чрезвычайно высокой техники обработки металла, которая так богато представлена в синхронном материале Закавказья и Центрального Кавказа. Нет пока в нашем распоряжении ни примеров гравировки по металлу (за исключением орнаментированных булавок), инкрустации металла металлом, применения эмали, хотя бы в той еще примитивной форме, как это можно видеть на поясных пряжках Кобанского могильника. Пока имеется только один образец полого литья (тяжелый браслет с Кяфара), широко распространенного в колхидско-кобанском металлическом производстве. Совершенно единичны предметы украшений, представленные пронизями с Кяфара; они отличаются своей грубостью по сравнению с изделиями хотя бы кобанской группы и из Абхазии.

Все это, вместе взятое, заставляет считать, что новые приемы обработки металла, широко распространившиеся в позднем периоде бронзы на Кавказе, не были еще так полно освоены в Прикубанье.

Однако следует отметить, что в предшествующее время, в конце среднекубанского периода, широкое распространение на Северном Кавказе, в том числе и в Прикубанье, уже имели такие приемы металлообработки, как литье по восковой модели с утратой глиняной формы, пока нам почти неизвестное для позднейшего периода (находки с Кяфара). К тому же времени относится и первый на Кубани случай применения полуды, замеченный на секире из Андриюковского кургана № 7 (рис. 55). Полуда широко распространена в Грузии и Осетии в эпоху поздней бронзы, но

пока неизвестна в синхронных изделиях Прикубанья. Андриюковская секира в этом отношении стоит пока совершенно особняком и не имеет аналогий в более поздних изделиях Прикубанья.

Типологическая характеристика учтенных археологических материалов, намечающиеся области распространения отдельных их типов, хронологическое определение всей группы и, наконец, констатация полного цикла производства металла на месте позволяют нам сделать ряд определенных заключений.

Прежде всего можно вполне уверенно дать утвердительный ответ на поставленный вопрос о существовании на северо-западе Кавказа в позднем периоде эпохи бронзы особого местного очага производства металла и его дальнейшей обработки. Теперь несомненно, что только недостаточной изученностью края в археологическом отношении объясняется отсутствие в нашем распоряжении гораздо более обильного и доказательного материала, подтверждающего этот вывод. Можно быть совершенно уверенным в том, что в Прикубанье будут найдены и древние медеплавильные печи, и литейные мастерские, и литейные формы, и множество разнообразных изделий. Поиски и раскопки совершенно не изученных здесь предгорных и горных могильников обещают дать для изучаемого времени особенно богатый материал. Однако и теперь уже намеченная мною в 1935 г. схема основных металлургических районов Кавказа для позднего периода эпохи бронзы должна быть дополнена еще одним — прикубанским.

Второе существенное наблюдение, вытекающее из приведенных выше сведений, может быть высказано только в предположительной форме. Повидимому, намечается членение территории прикубанского очага на северо-западе Кавказа на две местные группы: одну верхнекубанскую, выступающую вполне отчетливо, и вторую, западную, в бассейне Белой, может быть Малой и Большой Лабы и на Черноморском побережье, пока только едва намечающуюся. При этом не исключено, что хронологические различия в возрасте памятников нами сейчас иногда принимаются за территориальные. Вероятно, однако, что известное своеобразие этих двух групп подтвердится и дальнейшими исследованиями.

Третье наблюдение касается географических пределов установленного нами прикубанского очага. Все приведенные сведения позволяют считать, что на побережье Черного моря зона между Сочи и Бзыбью являлась пограничным районом смешанного использования продукции смежных колхидского и прикубанского районов металлообработки. Особенно характерен для этого района Пицундский клад, в составе которого установлена встреча изделий двух, а вероятно и трех, производственных очагов. Важно отметить, что перевальные тропы из

¹ ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 243, анализ № 139.

этого района выводят в бассейн Малой Лабы, т. е. в местность, расположенную как бы на границе двух выше намеченных подрайонов внутри прикубанского очага.

Такая же переходная зона наблюдается и на Северном Кавказе. Она, в основном, охватывает район к северу от массива Эльбруса, верховья Малки, район Кисловодска и Пятигорья. Здесь можно отметить встречу и смешение продукции кобанского и прикубанского очагов. Вне этих переходных зон изделия соседних очагов встречаются лишь как редкие исключения среди изделий местных типов. Дальнейшее накопление материала должно уточнить все наши представления и об этих пограничных зонах и о распространении отдельных типов изделий и, наконец, о районах экономического, в порядке межплеменного обмена, воздействия отдельных очагов металлообработки.

В-четвертых, весьма существенным является наблюдаемое отсутствие или малочисленность изделий, подвергшихся воздействию колхидских форм и типов, на Черноморском побережье, где мы видим как бы пережиточные формы изделий (топоры) или узко-локальные варианты (кельты). В то же самое время в металлической продукции верхнего Прикубанья влияние кобанско-колхидской металлообработки сказывается чрезвычайно ярко и сильно. В этом различии, может быть, повинна неполнота наших источников, но возможно и иное объяснение. В эпоху позднего бронзового века, до греческой колонизации, на Кавказском побережье, в северной его половине, межплеменные связи, и в том числе обмен, были вероятно развиты значительно слабее, чем в предгорьях северного склона или в более южных приморских районах древней Колхиды.

Пятое заключение касается истории развития металлургии и металлообработки на Кубани. С признанием прикубанского очага позднего периода бронзового века устраняется вызывавшая недоумение неясность в этом развитии. Если до сих пор нерешенным остается вопрос, можно ли говорить о местном производстве металла, в частности изделий из меди, в отношении кубанской культуры времени Майкопского кургана, то для следующего за ним новосвободненского этапа, представленного прежде всего курганами б. Царской станицы, ряд соображений давно уже позволил признать наличие местного производства изделий из меди¹. В течение последующего «среднекубанского» периода производство местных форм изделий в Прикубанье продолжалось, отличаясь по ряду характерных черт от производства более южных и юго-восточных районов (Абхазия, Имеретия), но, вместе с тем, имея в

основном общие формы с памятниками Пятигорья и Кабарды. История этого производства еще совершенно недостаточно изучена, в частности в отношении географического распределения отдельных его очагов, однако самый факт преемственной связи с раннекубанским временем, с этапом Новосвободной, не вызывает сомнений.

Тем более непонятным казался перерыв этой преемственности в позднем периоде эпохи бронзы, для которого местного производства металла в Прикубанье уловить не удавалось. Как выше уже отмечалось, есть все основания и для последующего раннескифского периода допускать наличие на Кубани весьма важного центра производства металла. С установлением Прикубанского очага для эпохи поздней бронзы разьединенные звенья исторического процесса получают внутреннюю связь и все этапы истории металла на Кубани, от раннего медного века до смены бронзы железом, представляются теперь закономерно объединенными.

Последнее замечание касается темы, которая должна быть поставлена на значительно более широком фоне — именно вопроса о значении прикубанского очага для смежных территорий на севере — Поволжья, Подонья, Украины и Крыма. Выше уже говорилось о возможности проникновения на север, на Дон и на Украину, в частности в район Нижнего Приднепровья, отдельных групп медных и бронзовых изделий с Кубани, именно серпов и топоров типов, представленных в Бериславском кладе. Некоторые замечания по этому вопросу, частично относящиеся к несколько более раннему времени, уже были высказаны в литературе¹. Нужно, однако, сказать, что все они, как и высказанные выше соображения, касались только отдельных предметов или незначительных их групп, тогда как общей проработки всего материала еще не предпринималось. В частности, возможность выделения изделий прикубанского очага среди находок на Украине и в Подонье требует большой и сложной работы. Ведь до сих пор еще не выполнена классификация и группировка медно-бронзового вещественного материала всей степной зоны СССР в границах от Бессарабии до Урала. В этих условиях чрезвычайно трудно в пределах этой территории выделить отдельные очаги обработки металла и дать характеристику их продукции. Пока это не сделано, трудно говорить конкретно и о тех связях, которые существовали у этих очагов с соседними областями. Между тем в настоящее время связи металлического производства степного юга с Кавказом выявлены чрезвычайно слабо. В то же время мы знаем, что источниками снабжения металлом для всей этой степной территории, наряду

¹ А. А. Иессен. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939, стр. 94.

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 100—101. Его же. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 22—23, 29—31.

с незначительными местными ресурсами (Донбасс и другие местности) должны были служить и несомненно служили Южный Урал, Кавказ и западные месторождения (Венгрия, Семиградье, Балканы). Кавказ занимал центральное положение по отношению ко всему импорту металла с Кавказа в степи мы знаем, для позднего периода эпохи бронзы, пожалуй, меньше, чем с Урала и из западных источников. При этом имеется в виду наличие импорта, характерного для кобанского и для еще более южных очагов кавказской металлургии.

С установлением прикубанского очага производства металла на Кавказе, ближайшего к степям, вопрос о связях степей и Кавказа в области снабжения металлом и металлическими изделиями должен быть пересмотрен по-новому.

Вполне вероятно, что при более углубленном изучении вопроса роль прикубанского очага для степных областей окажется весьма существенной и тем самым объяснится непонятная в иных условиях незначительность влияния блестящей и высокоразвитой металлургии кобанской группы на бедную металлом степь. Очевидно, основные связи степи с Кавказом шли по линии Прикубанья, и географически и культурно более близкого населению степей, чем Центральный Кавказ.

В пользу такой более высокой оценки относительного значения прикубанского очага хотелось бы еще раз остановиться на свидетельстве несколько более позднего времени, именно периода раннескифской культуры.

В это время в Прикубанье существовало развитое и чрезвычайно разнообразное производство бронзовых и медных изделий, от мелких предметов, вроде наконечников стрел, до прекрасных зооморфных изображений из бронзы и громадных медных котлов. Изделия этих типов распространены весьма широко в степной полосе, но, пожалуй, нигде не встречаются в такой полноте и таком изобилии, как на Кубани. Совершенно несомненно, что именно здесь, в Прикубанье, в раннескифское время существовал значительный очаг производства бронзы и меди, образовавшийся, как теперь можно утверждать, не вновь, а на основе производственной традиции, державшейся здесь и раньше, в местном очаге позднего бронзового века.

Делом дальнейшего исследования явится конкретное разрешение вопроса об удельном весе Прикубанья в снабжении металлом всей территории скифской культуры. На основании ряда наблюдений мне представляется весьма вероятным, что роль эта окажется очень большой и что те немногие кобанские и закавказские медные и бронзовые изделия, которые мы знаем в скифских комплексах Украины, вроде, например, ситул со звериными ручками из

Жаботина, Таганчи и с Серебрянки¹, окажутся как бы попутно захваченными единичными предметами в обильном потоке северо-кавказской, прикубанской бронзы.

В отдельных конкретных исследованиях последних лет уже высказан ряд замечаний, свидетельствующих о северо-кавказских или кубанских элементах в металлическом инвентаре скифской культуры Украины. Так В. А. Ильинская связывает с Прикубаньем ряд бронзовых наконечников и других изделий в курганах Роменской группы².

Такое же положение намечается и в отношении Крыма, не имеющего своей меднорудной базы и по всем признакам с ранних времен снабжавшегося металлом с Кавказа³. Е. И. Крупнов отмечает чрезвычайную близость металлических украшений Нестеровского могильника Грозненской области, датированных VI—IV вв. до н. э., с находками в каменных ящиках южного Крыма⁴. Совершенно несомненно, что эта близость, при отсутствии аналогичных предметов в степных скифских курганах, может быть объяснена единственным путем — допущением проникновения этих изделий в Крым с Кавказа, где они, вероятно, были характерны для горных и предгорных племен Черноморья и Закубанья, откуда и распространялись как на запад, так и на восток.

Все приведенные сейчас соображения показывают, что изучение прикубанского очага металлургии и металлообработки на всем протяжении его истории важно не только для выяснения истории самого Прикубанья, но, при широком подходе к вопросу, и для общих проблем развития и взаимных связей всех районов европейского юга нашей страны.

Заканчивая обзор, хотелось бы отметить, что относительно еще немногочисленные, в значительной части случайные, археологические находки, разобранные выше, при ближайшем рассмотрении оказываются весьма сложными в своем составе; тем не менее, они уже позволяют поставить на обсуждение интересные и существенные для исторического исследования вопросы. Как мне кажется, предлагаемая попытка выделения районов распространения продукции различных очагов производства металла или производственных центров (вернее — групп таких центров) себя оправдала, несмотря на то, что находившийся в нашем распоряжении материал и количественно и

¹ М. Макаренко. La civilisation des scythes et Hallstatt. ESA., V, 1930, стр. 24—39, рис. 1—2 и 13—17. W. Sommerfeld. Naczynie miedziane halsztackie z Ukrainy. Swiatowit, XVII, 1938, стр. 308, рис. 1.

² В. А. Ильинская. Памятники скифского времени Посулья, автореферат диссертации. Киев, 1949, стр. 7.

³ А. А. Иессен. Греческая колонизация..., стр. 29—30.

⁴ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Труды ГИМ», XVII, М., 1948, стр. 29.

качественно, в отношении полноты документации, был далеко не достаточным.

Работу в этом направлении необходимо продолжать, вовлекая в круг изучения все отрасли материального производства, продукция которых сохранилась до наших дней в сколь угодно значительном количестве.

Совершенно несомненно, что для конкретного понимания действительной исторической обстановки, существовавшей в далекие бесписьменные периоды, громадное значение имеет установление по распространению археологических находок экономических районов и культурных групп, в конечном итоге соответствующих этническим группировкам населения.

Подойти к выявлению этих экономических районов и, в особенности, к определению их относительного значения возможно почти исключительно путем анализа продукции отдельных отраслей производства, путем приурочения этой продукции к известным районам и путем сопоставления выявленной таким образом для разных отраслей картины. Работа эта сложная и трудоемкая, но она должна быть выполнена, если мы хотим уточнить наше знание о далеком историческом прошлом.

Это положение в полной мере относится и к Кавказу, а в частности к рассмотренному нами периоду конца II и первых веков I тысячелетия до н. э.

За последние годы изучение этого периода и относящихся к нему археологических материалов значительно подвинулось вперед, и мы сейчас уже близки к возможности дать первый набросок племенной карты Кавказа этого времени. Такая карта основных этнографических группировок, построенная на учете всей совокупности археологических фактов, а не одного только производства металла, вскрыла бы поразительную, в общих, конечно, чертах, близость с племенной картой относительно недавнего прошлого, которую можно реконструировать на основе современной этнографической карты, скажем, для времени около XIII—XIV вв.

В частности, на Северном Кавказе такая карта показала бы наличие в позднем бронзовом веке по меньшей мере четырех больших культурных групп: северо-западной; кобанской в Центральном Кавказе; восточно-кавказской, еще мало исследованной, в Дагестане и Грозненской области и, наконец, степной предскифской в степях Предкавказья до Дона и Нижней Волги.

Северо-западная группа, один из элементов материальной культуры которой мы рассмотрели в настоящей работе, территориально соответствует области обитания в более позднее время прикубанских и причерноморских племен, перечисляемых у античных авторов и

в боспорских надписях, а в культурном отношении образующих прикубанскую группу скифской культуры. В значительно более позднее время на этой же территории обитали адыгские (черкесские) и абазинские племена, несомненно в очень значительной степени генетически связанные с местным населением далекого прошлого. Культурное единство северо-западной группы кавказских племен, известное нам в новое время, таким образом, возникло, очевидно, не позже позднего бронзового века.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что разобранный фактический материал свидетельствует о значительной культурной близости населения восточной части интересующего нас района, бассейна верхней Кубани, Теберды и Зеленчуков, с областью Центрального Кавказа, при наличии все же ряда местных особенностей. В то же время в более западных районах эта близость с областью Центрального Кавказа почти не улавливается, по крайней мере в отношении рассмотренной в данной работе отрасли древнего производства. Вряд ли случайно, что и в значительно более позднее время, в эпоху раннего средневековья, на Зеленчуке, Теберде, верхней Кубани можно уловить многие элементы, роднящие местную культуру этих районов с аланской культурой центральных областей Северного Кавказа, нынешней Кабарды и Северной Осетии, тогда как и в эту историческую эпоху в более западных районах Прикубанья такой близости с аланской культурой не наблюдается.

Помимо этого общего значения для дальнейшей разработки истории Северного Кавказа, затронутая тема уже сейчас позволяет уверенно говорить о наличии в Прикубанье и Причерноморье многочисленных памятников, относящихся к предскифскому времени и занимающих промежуточное положение между памятниками раннескифского периода, с одной, и курганными находками среднекубанского времени, т. е. еще II тысячелетия до н. э., с другой стороны. Заполняя существовавший в наших знаниях пробел, эти памятники, вместе с тем, не имеют ничего общего с находками в так называемых «больших кубанских курганах» и, тем самым, делают окончательно невозможными какие бы то ни было попытки переместить эти очень ранние курганы в предскифское время.

В заключение остается лишь выразить пожелание, чтобы дальнейшее накопление фактического материала возможно скорее позволило дать более развернутую и уточненную характеристику роли Прикубанья в истории развития древней металлургии и использования металла в нашей стране.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Под редакцией

Е. И. КРУПНОВА